

32B

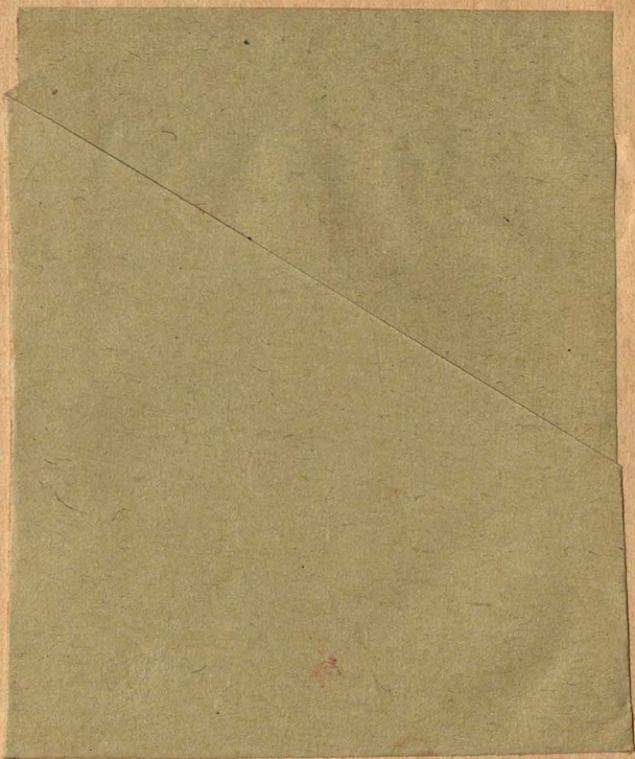
ΤΕΤΤΑΥ

ΟΤ ΜΥΚΔΕΝΑ ΔΟ
ΡΟΡΤΣΜΥΤΑ

$\Delta \frac{7}{47}$

$\Delta \frac{7}{47}$

MP
1945

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА
ВЪ НАБЛЮДЕНІЯХЪ И СУЖДЕНІЯХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

Выпускъ XXXII-й.

Отъ Мукдена
до Портсмута.

14187
Поученія и выводы
изъ Русско-Японской войны.

Составилъ баронъ фонъ-Теттау,
состоявшій во время войны
при русской арміи.

Съ нѣмецкаго перевелъ
М. Груневъ.

Цѣна 80 коп.

Изданъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІИ.
С.-Петербургъ, Колокольная, 14.
1914.

ВЪ СКЛАДѢ
В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Баронъ фонъ-Теттау.

Помни войну.

✱ 18 ✱
мѣсяцевъ ВЪ Манчжуріи
СЪ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ.

Переводъ генеральнаго штаба ген.-маіора М. Грулева.

Часть I. 1907 г. 3 р.

„ II. 1908 г. 3 р.

... Мы видимъ здѣсь спокойное обсужденіе событій, глубокое и вѣрное пониманіе стратегическаго положенія сторонъ, вѣрный анализъ нашихъ неудачъ.

П. Измествъ. „*Офицерск. Жизнь*“, 1909 г., № 163.

... Такія книги, какъ генерала Гамилтона, барона Теттау, должны стать настольными книгами каждаго офицера.

Гр. А. Д. „*Рус. Инв.*“ 1908 г., № 100.

... Слѣдя шагъ за шагомъ за всѣми военными операціями, авторъ относится съ особеннымъ сочувствіемъ къ нашей арміи, но безпристрастно указываетъ на ея недостатки и допущенныя ошибки.

С. Пашенко. „*Ярославск. Отголоски*“, 1908 г., № 126.

Изданіе 2-е, дополненное и исправленное 1911 г.

Тайныя развѣдки.

Военное шпіонство.

ЦѢНА 1 руб.

Составилъ В. Клембовскій.

Въ военной литературѣ достаточно извѣстно 1-е изданіе этого почтеннаго труда, едва ли не единственнаго, имѣющаго характеръ систематическаго военнаго изслѣдованія.

... Работа В. Клембовскаго рекомендуется особенному вниманію всѣмъ чинамъ, такъ или иначе прикосновеннымъ къ дѣлу тайныхъ развѣдокъ...

... Организациія шпіонства въ мирное время; эта глава изложена чрезвычайно интересно; особенно въ вопросѣ организации германской, японской и китайской развѣдки, а также относительно денежныхъ расходовъ...

... Книга написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ и читается захватывающимъ интересомъ.

В. Н. „*Военный Миръ*“, 1911 г., № 12.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА
ВЪ НАБЛЮДЕНІЯХЪ И СУЖДЕНІЯХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

Бр-2
Т 374

Выпускъ XXXII-й.

Отъ Мукдена
до Портсмута.

94-3-43

14187

Поученія и выводы
изъ Русско-Японской войны.

Составилъ баронъ фонъ-Тетмау,
состоявшій во время войны
при русской арміи.

Съ нѣмецкаго перевелъ
М. Грулевъ.

Цѣна 80 коп.

Иванъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная, 14.
1914.

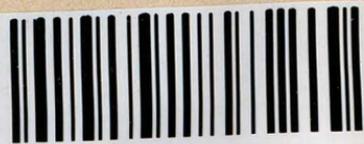

3815.

Б.39.82.432.

2007240939

Отъ переводчика.

Настоящій выпускъ, заключающій въ себѣ описаніе послѣдняго періода Русско-Японской войны, былъ напечатанъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ видѣ ряда статей въ «*Militär-Wochenblatt*» и представляетъ собою прямое дополненіе и окончаніе труда барона фонъ-Теттау «*Куропаткинъ и его помощники*». Намъ казалось необходимымъ дать переводъ этой части на русскій языкъ какъ въ виду интереса, представляемаго содержаніемъ этого послѣдняго труда барона Теттау, такъ и для достиженія большей полноты и цѣльности обращающихся уже въ русскомъ переводѣ двухъ частей труда того же автора «*Куропаткинъ и его помощники*».

М. Грулевъ.

Ницца (Франція), июнь 1914 г.

Оглавление.

	СТР.
Отъ переводчика	
Глава I. Разбитая армія	1
Глава II. Сыпингай—могила наступательной идеи	11
Глава III. Русскіе оборонительные и наступательные планы лѣтомъ 1905 года.	21
Глава IV. Усиленныя рекогносцировки и атака позиціи Сан- вайза кавалерійскимъ отрядомъ ген. Мищенко.	47
Глава V. Демобилизація арміи и общій развалъ.	68

Отъ Мукдена до Портсмута.

ГЛАВА I.

Разбитая армія.

Послѣ десятидневнаго сраженія подъ Мукденомъ русская армія въ безпорядкѣ отступила на сѣверъ, направляясь вдоль желѣзной дороги. Потери арміи простирались до 90,000 чел.; 32 орудія и около 6,000 разныхъ повозокъ достались въ руки непріятеля. Послѣ трехдневной остановки у Тѣлина, гдѣ произошли незначительные бои въ прикрывающихъ войскахъ, манчжурскія арміи продолжали свое отступление далѣе на сѣверъ еще на протяженіи 120 километровъ и остановились на высотѣ Сыпингая, гдѣ заняли новую позицію, которую сильно укрѣпили, и здѣсь выжидали прибытія изъ Европейской Россіи сильныхъ подкрѣпленій.

Для каждаго непредубѣжденнаго человѣка было ясно, что послѣ сраженія подъ Мукденомъ исключалась всякая вѣроятность поворота уже опредѣлившагося исхода войны. Правда, русскіе имѣли полную возможность пополнить свои потери въ людяхъ и оружіи; они имѣли также возможность получить изъ дому гораздо больше подкрѣпленій, чѣмъ на это могли надѣяться японцы, но нельзя было пополнить потерю въ упадкѣ нравственнаго духа войскъ, ихъ готовность къ самопожертвованію, вѣру въ собственныя силы, а самое главное—довѣріе войсковымъ начальникамъ.

При всемъ томъ въ личномъ составѣ личнаго командованія русскими арміями сдѣланы были нѣкоторыя перемѣны. Во время отступленія армій Куропаткинъ былъ отчисленъ отъ должности главнокомандующаго и замѣненъ командующимъ 1-й арміей генераломъ-отъ-инфантеріи Линевичемъ, который, хотя и пользовался репутаціей „старого рубаки“, но во время своего главнаго начальствованія надъ арміями ничѣмъ не проявилъ способностей полководца. Куропаткину предоставлено было командованіе 1-й арміей вмѣсто ген. Линевича. Такимъ образомъ, получилась въ результатъ только нѣкоторая перемѣна личнаго состава безъ всякаго вливанія новой жизни въ высшее командованіе. Все осталось по-старому.

Весьма понятно, что руководители дѣйствующими арміями никакъ не хотѣли признать себя побѣжденными, зная хорошо, что дома, въ Россіи, имѣются еще неисчерпаемые источники непочатыхъ силъ. Но силы эти представляли собою мертвую массу, которой не доставало двигательнаго импульса — самоотверженной готовности и непреклонной воли *побѣдить или погибнуть*.

Безъ преслѣдованія со стороны противника манчжурскія арміи 23-го марта 1905 года достигли позиціи у Сыпингайя, находящейся у желѣзной дороги въ разстояніи около 200 километровъ къ сѣверу отъ Мукдена. Еще въ 1903 году позиція эта была указана офицерами генеральнаго штаба пригодной для обороны. Тѣмъ не менѣе ген. Линевичъ колебался — остановиться ли на этой позиціи или продолжать дальше отступление на сѣверъ, и только послѣ полученія отъ командующихъ арміями соответствующихъ донесеній, въ которыхъ изложены были ихъ взгляды по этому вопросу, ген. Линевичъ отдалъ 26-го марта приказъ о занятіи этой позиціи.

Къ западу отъ желѣзной дороги, какъ и на всемъ театрѣ войны, мѣстность представляла собою открытую равнину. Этотъ участокъ позиціи и далѣе на сѣверномъ, возвышенномъ берегу рѣки Таоцзыхе заняла 2-я армія, имѣя на правомъ флангѣ кавалерійскій корпусъ ген. Мищенко, для котораго опорнымъ пунктомъ служила рѣка Чжаосытайхе.

Къ востоку отъ желѣзной дороги мѣстность постепенно воз-

вышалась и далѣе на востокъ принимала все болѣе гористый характеръ. Здѣсь расположилась 1-я армія, которая заняла позицію въ нѣсколькихъ километрахъ восточнѣе Мандаринской дороги, направляющейся на Гиринъ. Чтобы прикрыть лѣвый флангъ позиции этой арміи, который не имѣлъ опорныхъ пунктовъ, назначенъ былъ отрядъ ген. Ренненкампфа, впослѣдствіи 7-й Сибирскій корпусъ, расположившійся въ 100 километрахъ, который былъ выдвинутъ впередъ и въ сторону на разстояніе около 100 километровъ въ горы, по направленію на Хайлунченъ для того, чтобы прикрыть пути, ведущіе изъ верхняго теченія Хунхэ на Гиринъ и далѣе въ тылъ арміи. 3-я армія въ видѣ общаго резерва расположилась за серединою фронта позиции по обѣ стороны желѣзной дороги.

Японцы продолжали свое наступленіе до высотъ Каояня. Лѣвый флангъ японскихъ армій простирался до Даялохе; правый флангъ нѣсколько былъ загнутъ назадъ, слѣдуя направленію желѣзной дороги. Противъ отряда ген. Ренненкампфа, на верхнемъ Хунхэ, расположился отрядъ Кавамуры.

То обстоятельство, что русскія арміи имѣли возможность остановиться у Сыпингая, надо приписать только тому, что побѣдоносные японцы, точно также, какъ это было послѣ сраженія подъ Ляояномъ, не располагали достаточными силами, чтобы продолжать преслѣдованіе отступающей русской арміи. Несмотря на то, что японскія войска по численности уступали русскимъ, имъ удалось послѣ десятидневнаго упорнаго сраженія одержать блестящую побѣду, но, чтобы использовать результаты этого сраженія, японцамъ необходимо было еще имѣть какія-нибудь свѣжія силы, а самое главное у нихъ не было достаточно сильной и работоспособной конницы. Хотя во все время этой войны мы видимъ у обѣихъ воюющихъ сторонъ, что конница, вообще, не играла выдающейся роли и при рѣшительныхъ сраженіяхъ не проявляла ни малѣйшаго вліянія на исходъ боя, тѣмъ не менѣе нельзя на этомъ основаніи вывести заключенія, что боевое значеніе кавалеріи теперь низводится къ нулю. Напротивъ, въ этой же

войнѣ мы находимъ косвенныя доказательства боевого значенія конницы въ бою. Если бы японцы располагали достаточно сильной кавалеріей, то послѣ сраженія подъ Ляояномъ, вѣроятно, не было бы никакого Мукдена, а послѣ сраженія подъ Мукденомъ японцамъ удалось бы навѣрное захватить всю Манчжурію до Сунгари,—вся война, быть можетъ, была бы закончена уже осенью 1904 года. Такая кавалерія съэкономила бы японцамъ огромныя жертвы кровью и деньгами. Слѣдовательно, и въ будущемъ никакая армія не въ состояніи будетъ обойтись безъ сильной кавалеріи. Но конница только тогда въ состояніи выполнить свои боевыя задачи, если она вполне подготовлена для такой роли, если она преисполнена жажды дѣятельности и готовности къ самопожертвованію. Вотъ этихъ-то качествъ недоставало русской конницѣ, значительно превосходившей численностью своихъ противниковъ.

Русскія арміи достигли Сыпингайскихъ позицій съ надломленными силами въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, что видно изъ слѣдующаго донесенія временно командовавшаго 2-й арміей ген. Бильдерлинга на имя главнокомандующаго отъ 17-го марта.

„Настроеніе и нравственный духъ арміи въ настоящую минуту не даютъ намъ права рассчитывать даже на частичный успѣхъ, который могъ бы измѣнить обстановку въ нашу пользу; матеріальныя силы арміи исчерпаны, нравственныя силы надломлены, цѣлыя части войскъ точно прекратили свое существованіе, многія части войскъ лишены своихъ начальниковъ-офицеровъ. Необходимо посмотрѣть на вещи открытыми глазами и видѣть ихъ таковыми, какими онѣ есть на самомъ дѣлѣ, и не предаваться обманчивымъ надеждамъ. Упорная оборона теперь представляется невозможной“...

Противъ штатнаго состава русскихъ армій, составлявшаго 455,470 чел., къ 23-му марта недоставало 160,000 чел. Недостатокъ офицеровъ простирался въ среднемъ до 35¹/₂% штатнаго состава; въ пѣхотѣ этотъ недостатокъ достигалъ 43¹/₂%, тогда какъ въ кавалеріи онъ не превышалъ 1%.

Въ виду сказаннаго важнѣйшую заботу главнокомандующаго послѣ занятія позицій составляла прежде всего необхо-

димось пополнить некомплектъ въ арміи и притянуть изъ Европейской Россіи дальнѣйшія подкрѣпленія. Все соотвѣтствующее этимъ желаніямъ главнокомандующаго было въ предѣлахъ возможнаго исполнено военнымъ министерствомъ. Но при значительной отдаленности театра войны отъ базы прошло все-таки около 2 мѣсяцевъ до тѣхъ поръ, пока прибыли первыя пополненія, но затѣмъ дальнѣйшее прибываніе слѣдовало уже безостановочно до перехода арміи на мирное положеніе.

Сначала для пополненія арміи потребовано было 24-го марта 160,000 чел. Но такъ какъ опытъ этой войны указаль, что прибывавшіе на укомплектованіе запасные, въ особенности старшихъ возрастовъ, оказались непригодными, то по требованію главнокомандующаго взято было для укомплектованія пѣхоты 125,000 чел. изъ частей войскъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ въ Европейской Россіи, а именно: 80,000 взято было изъ срока службы 1905 года и 45,000 изъ старшихъ сроковъ. Кроме того, отправлено было на театръ войны 23 запасныхъ батальона численностью въ 37,000 чел. и 18,500 чел. изъ состоявшихъ на дѣйствительной службѣ для укомплектованія разныхъ другихъ родовъ оружія. Всего, слѣдовательно, отправлено было 181,000 чел.

Въ началѣ мая ген. Линевичь получилъ разрѣшеніе находившіеся при арміи стрѣлковые полки до 2-хъ и 3-хъ батальоннаго состава преобразовать въ 4-хъ батальонные полки. Это преобразование потребовало новыхъ 60 батальоновъ, для формированія которыхъ отправлено было изъ Европейской Россіи 55,000 чел., состоявшихъ на дѣйствительной службѣ срока 1905 года.

Въ срединѣ іюня главнокомандующій выразилъ желаніе получить еще 50,000 чел. для того, чтобы довести боевой составъ стрѣлковыхъ батальоновъ до 1,000 чел., но военный министръ не призналъ возможнымъ удовлетворить это требованіе „изъ опасенія окончательнаго разстройства всей организаціи войскъ Европейской Россіи“. Въ виду этого для упомянутой цѣли назначены были послѣдніе запасные батальоны Европейской Россіи—30,000 чел., къ которымъ предполагалось

присоединить еще 20,000 чел. запасныхъ, предназначенныхъ для мобилизаціи 21-го армейскаго корпуса.

Такимъ образомъ для пополненія войскъ, участвовавшихъ въ сраженіи подъ Мукденомъ, всего назначено было 280,000 чел., изъ которыхъ 218,000 прибыли въ армію до заключенія мира; въ томъ числѣ имѣлось всего только 34,000 чел. запасныхъ.

Болѣе значительныя затрудненія встрѣчены были для пополненія офицерскаго состава. Для пѣхоты, въ которой къ 23-му марта недоставало 3,586 офицеровъ, до заключенія мира прибыло только 2,522 чел., изъ которыхъ 1,898 были командированы изъ состава войскъ Европейской Россіи, но изъ числа этихъ офицеровъ пришлось 476 отправить на Амуръ, такъ что пополненіе некомплекта дѣйствующей арміи возможно было только наполовину.

Для замѣщенія незанятыхъ офицерскихъ должностей лучшіе изъ нижнихъ чиновъ, получившіе лучшую школьную подготовку, назначены были фельдфебелями, а также для замѣщенія офицерскихъ должностей и произведены были въ офицеры. Число этихъ послѣднихъ въ 3-хъ арміяхъ отъ начала іюля простиралось до 2-хъ тысячъ. Качества этихъ вновь произведенныхъ офицеровъ разными войсковыми начальниками оцѣнивались весьма различно. Ген. Куропаткинъ признавалъ этихъ офицеровъ „превосходнымъ матеріаломъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Напротивъ, дежурный генералъ полевого штаба арміи былъ совершенно иного мнѣнія и формулировалъ это мнѣніе въ своемъ заключеніи слѣдующими словами: „Не подлежитъ сомнѣнію, что съ предоставленіемъ офицерскаго мундира многимъ нижнимъ чинамъ, совершенно необразованнымъ и невоспитаннымъ, честь и значеніе этого мундира отдавались въ полную зависимость отъ взглядовъ, привычекъ и поведенія этихъ людей. И нельзя не сказать полную правду: никогда честь мундира не страдала больше, чѣмъ въ эту войну“.

Кромѣ пополненій для частей войскъ, находившихся уже на театрѣ войны, до заключенія мира все время подвозились новыя части, въ видѣ подкрѣплений. И при всемъ томъ главнокомандующему весь этотъ періодъ войны силы его армій не

казались достаточно значительными для принятія рѣшительнаго сраженія и до конца войны онъ настаивалъ на высылкѣ свѣжихъ войскъ на театръ войны. На одну телеграмму военному министру, въ которой генераль Линевичъ жаловался на медленную перевозку войскъ, ему отвѣтили изъ Петербурга 12-го іюля:

„Что касается вашего указанія на замедленіе въ высылкѣ свѣжихъ войскъ и подкрѣпленій, то я лично слѣжу на основаніи представленныхъ мнѣ плановъ, за порядкомъ и точностью перевозокъ и не могу согласиться, принимая въ расчетъ наличный подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы въ отправленіи войскъ происходило какое-либо промедленіе. Напротивъ, отправляютъ больше, чѣмъ желѣзныя дороги въ состояніи перевезти, влѣдствіе чего происходитъ огромное скопленіе вагоновъ въ пути, чѣмъ въ свою очередь объясняется временный перерывъ въ перевозкѣ. На вашу откровенность, которую я очень цѣню, отвѣчаю вамъ: не сомнѣвайтесь, что все, что возможно, дѣлается и будетъ дѣлаться для того, чтобы обезпечить успѣхъ и облегчить вамъ вашу тяжелую задачу. Вполнѣ довѣряю вамъ и славнымъ войскамъ и убѣжденъ, что вы въ концѣ концовъ съ Божьей помощью преодолѣете всѣ трудности и доведете войну до счастливаго для Россіи окончанія“.

Въ періодъ времени между сраженіемъ подъ Мукденомъ и заключеніемъ мира, кромѣ войскъ для пополненія дѣйствующей арміи, изъ Россіи на театръ войны было отправлено 194 батальона, 48 сотенъ, 916 орудій, 496 пулеметовъ и 12^{1/2} батальоновъ инженерныхъ войскъ; изъ числа этихъ войскъ до заключенія перемирія успѣло прибыть къ началу сентября 1905 года 130 батальоновъ, 48 сотенъ, 468 орудій, 332 пулемета и 10^{1/2} инженерныхъ батальоновъ. Такимъ образомъ, къ началу перемирія во всѣхъ трехъ манчжурскихъ арміяхъ насчитывалось около 560 батальоновъ, 180 эскадроновъ и сотенъ, 1,700 орудій и 400 пулеметовъ. На продовольствіи 7-го сентября состояло 788,046 чел. Кромѣ того, въ Амурскомъ краѣ находилось еще 112,298 чел., въ этапныхъ войскахъ состояло 41,800 чел. и нѣсколько тысячъ

чел. находился на Сахалинѣ. Поэтому можно считать, что при заключеніи мира, считая и войска, находившіяся въ пути, на Дальнемъ Востокѣ находилось около 1 милліона русскихъ войскъ.

Крайне важно уяснить себѣ положеніе дѣлъ къ этому моменту въ Европейской Россіи, что не будетъ лишено историческаго и политическаго интереса. Главныя силы Россіи были отправлены для возстановленія ея военнаго престижа на Дальній Востокъ. Туда было послано 13 армейскихъ корпусовъ и 5 стрѣлковыхъ бригадъ, взятыхъ съ германско-австрійской границы. Оставшіяся въ Россіи войска представляли собою лишь слабые кадры въ виду того, что съ объявленія мобилизаціи они непрерывно выдѣляли офицеровъ и нижнихъ чиновъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, для образованія новыхъ формированій на театрѣ войны и для пополненія огромныхъ потерь. Пригоднаго артиллерійскаго матеріала почти не осталось вовсе въ Европейской Россіи такъ какъ нѣкоторыя части войскъ, преимущественно изъ стоявшихъ на западной границѣ, только въ началѣ войны были вооружены скорострѣльными батареями, которыя почти всѣ были приданы корпусамъ, отправленнымъ на театръ войны. Поэтому войска, оставшіяся въ Европейской Россіи, были большей частью всѣ дезорганизованы. Къ этому присоединилось еще революціонное движеніе внутри страны. Это былъ тяжелый кризисъ, который переживала тогда Россія, и пережить этотъ кризисъ ей удалось только благодаря доброжелательному нейтралитету своихъ западныхъ сосѣдей.

Свѣдѣнія о численности японскихъ армій, имѣвшіяся въ послѣдній періодъ войны въ русской главной квартирѣ, базировались исключительно на донесеніяхъ агентоивъ, а также на томъ, что было добыто отъ плѣнныхъ и мѣстныхъ жителей, изъ перехваченныхъ документовъ и т. д., поэтому свѣдѣнія эти не отличались точностью.

Установить мѣсто нахождения японскихъ армій послѣ сраженія подъ Мукденомъ оказалось очень затруднительнымъ, въ виду того, что при поспѣшномъ отступленіи русской арміи отъ Тѣлина къ Сыпингаю было утеряно даже соприкосно-

веніе съ выдвинутыми впередъ непріятельскими войсками. Затѣмъ послѣднія событія произвели такое впечатлѣніе на китайское населеніе, что почти всѣ шпіоны скрылись и даже за большія деньги оказалось затруднительнымъ заручиться новыми. Кромѣ того японцамъ попала въ руки часть обоза русской главной квартиры съ дѣлами развѣдочнаго отдѣленія, чѣмъ положеніе нѣкоторыхъ агентовъ въ Японіи подверглось большой опасности и пришлось ихъ отозвать.

Только по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, путемъ многочисленныхъ усиленныхъ рекогносцировокъ, удалось возстановить болѣе или менѣе ясную картину расположенія непріятельскихъ армій. Выяснилось, что сначала въ центрѣ, у Чжантуфу, находилась 4-я армія Нодзу; на лѣвѣмъ флангѣ къ сѣверу отъ Факумына 3-я армія Ноги; на правомъ флангѣ противъ ген. Ренненкампфа удалось установить присутствіе 5-й арміи Кавамура. Впослѣдствіи въ первую линію передвинулась и 1-я армія Куроки и 2-я армія Оку, которыя первоначально оставались у Тѣлина и расположились вправо, т. е. лѣвѣе 4-й арміи.

Результаты развѣдки кавалеріей были, какъ и въ теченіе всей войны, особенно мало удовлетворительны въ періодъ занятія позицій у Сыпингая. Въ іюнѣ же совершенно прекратились развѣдки, производимыя войсками, исключая отрядовъ ген. Мищенко и Ренненкампфа. Задача развѣдки о противникѣ должна была быть выполнена вновь принятыми на службу китайскими развѣдчиками. Какъ невѣрны были свѣдѣнія, добываемыя этимъ путемъ, доказываетъ то обстоятельство, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ полевомъ штабѣ русской арміи существовало предположеніе, что армія Нодзу выбыла съ фронта и перешла на крайній правый флангъ или даже совсѣмъ выбыла въ Корею. Лишь 12-го августа послѣ произведенной японцами къ западу отъ желѣзной дороги усиленной рекогносцировки, по поганамъ павшихъ японцевъ и изъ перехваченныхъ бумагъ узнали, что армія Нодзу находится на своей первоначальной позиціи. Всѣ донесенія китайцевъ оказались просто вымышленными.

Особенно трудно было установить прибытіе къ японцамъ

новыхъ подкрѣпленій. Въ японскую печать никогда не проникали никакія свѣдѣнія относительно этого вопроса; въ перехваченныхъ бумагахъ также не имѣлось даже и намека объ этомъ. Присутствіе 3 новыхъ японскихъ дивизій (14-й, 15-й и 16-й) на театрѣ войны было установлено только въ началѣ сентября, т. е. послѣ окончанія войны, по бумагамъ, отобраннмъ въ 1-й арміи у плѣннаго японскаго офицера.

Во всякомъ случаѣ, въ русской главной квартирѣ не могло существовать никакого сомнѣнія относительно собственнаго превосходства надъ силами японцевъ. Въ то время, какъ къ русскимъ войскамъ на театрѣ войны прибывали новые корпуса, а потери пополнялись людьми, состоящими на дѣйствительной службѣ, японцамъ приходилось довольствоваться для новыхъ формированій и пополненій людьми, получившими только поверхностное военное обученіе.

Всѣ расчеты, сдѣланные русскими, по которымъ выходило, что къ окончанію войны у японцевъ было будто бы 378,000 штыковъ, были произвольны и не имѣли никакого основанія. Численность русскихъ войскъ во всякое время давала имъ возможность перейти къ наступательному образу дѣйствій. Но даже при наличности превосходства русской арміи въ сотни тысячъ, при окончаніи войны, нельзя было все же рассчитывать на успѣхъ. Все, въ чемъ нуждалась русская армія, было доставлено изъ Россіи; по числу штыковъ и по количеству военнаго матеріала русскіе далеко превосходили непріятеля. Но *нравственный духъ*, который только и даетъ побѣду, нельзя было возмѣстить, а онъ-то и былъ потерянъ безвозвратно.

ГЛАВА II.

Сыпингай.

Могила наступательной идеи.

На поляхъ сраженій Манчжуріи народилось поученіе нашего устава—что организація прикрытія войскъ не должна парализовать ихъ порыва къ неудержимой атакѣ, чтобы позиціи не стали могилой наступательной идеи. Позиціи, покрывавшія всю Манчжурію, отъ Ялу до Мукдена, съ самаго начала войны приковывали русскія войска къ мѣстности неудержимой силой, связывали ихъ операціи и роковымъ образомъ вліяли на рѣшенія начальниковъ. У Ляояна, на Шахе, у Сандепу и Мукдена идея наступательнаго образа дѣйствій была парализована существованіемъ этихъ позицій, а у Сыпингай эта идея нашла себѣ окончательную могилу.

Конечно, необходимо было, чтобы русскія арміи, когда онѣ пріостановили свое отступленіе у Сыпингай, немедленно приступили къ укрѣпленію мѣсть расположенія своего. Нужно было создать сильную позицію, чтобы подъ ея прикрытіемъ привести себя въ порядокъ и укрѣпиться для новыхъ боевъ. Но все устройство этихъ позицій вскорѣ указало, что новый главнокомандующій и не помышляетъ замѣнить прежнее пассивное веденіе боевыхъ дѣйствій смѣлымъ наступательнымъ порывомъ впередъ. Возникали все новыя позиціи, позади пере-

довыхъ, которыя всѣ вмѣстѣ указывали путь не *впередъ*, навстрѣчу противнику, а назадъ *въ тылъ*.

Нельзя не сказать, что русскія войска приобрѣли большое умѣніе въ устройствѣ полевыхъ укрѣпленій. Весь приобрѣтенный въ этомъ отношеніи опытъ въ теченіе предшествующаго времени былъ примѣненъ при устройствѣ укрѣпленныхъ позицій подъ Сыпингаемъ, а такъ какъ противникъ въ теченіе полугода почти не мѣшалъ укрѣплять и строить, то возникли такія полевая укрѣпленія, которыя не имѣютъ примѣра въ исторіи военнаго искусства, въ смыслѣ количества и силы отдѣльныхъ укрѣпленій.

Такъ какъ на этой позиціи не разыгралось никакихъ боевъ, то обстоятельное ихъ разсмотрѣніе для насъ не представляетъ никакого значенія. Но для сужденія объ общемъ положеніи военныхъ дѣлъ на театрѣ войны необходимо бросить общій взглядъ на эти позиціи и указать на нѣкоторые характерные ихъ признаки.

Главная оборонительная линія на возвышенномъ сѣверномъ берегу Тайдыхе состояла изъ ряда опорныхъ пунктовъ (редуты, полевая укрѣпленія разной профили съ закрытіями для пулеметовъ, деревни, приведенныя въ оборонительное состояніе, и т. п.), связанныхъ между собою стрѣлковыми окопами; передъ фронтомъ тянулись искусственныя препятствія изъ цѣлаго лабиринта проволочныхъ загражденій, волчьихъ ямъ, засѣкъ и минъ. Ходы сообщенія вели въ тылъ къ батареямъ и укрѣпленіямъ второй и третьей линій, изъ которыхъ далѣе на сѣверъ были проведены колонныя дороги для движенія войскъ.

Значеніе укрѣпленій на задней линіи казалось болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Если бы передовая линія была прорвана японцами, то тыловыя укрѣпленія врядъ ли въ состояніи были бы удержать непріятели, въ особенности если принять во вниманіе, что они находились всего въ разстояніи 600 до 800 метровъ позади главныхъ позицій и не имѣли достаточнаго обстрѣла. Но самое важное было то, что существованіе тыловыхъ укрѣпленій указывало войскамъ, что была принята въ

расчетъ возможность потери главной позиціи. Такое сознаніе не могло будить въ войскахъ духъ наступательныхъ порывовъ.

Чтобы судить о количествѣ укрѣпленій, достаточно сказать, что только на участкѣ 2-й арміи—между желѣзной дорогой и Чжаосытайхе—было возведено *95 полевыхъ укрѣпленій*, 60 деревень было приведено въ оборонительное состояніе, свыше 350,000 квадратныхъ метровъ было покрыто искусственными препятствіями; построено 100 мостовъ и 450 километровъ дорогъ и т. д.

Съ фронта этотъ участокъ, въ виду превосходнаго обстрѣла, благодаря ровной впереди лежащей мѣстности, едва ли могъ быть атакованъ японцами, поэтому въ русской главной квартирѣ существовало предположеніе, что японцы попытаются совершить охватъ праваго фланга между Дальяхе и Чжаосытайхе; къ западу отъ Дальяхе до границъ „нейтральной“ Монголіи мѣстность считалась неблагоприятной для развертыванія большихъ массъ войскъ. Но вѣдь японцы неоднократно уже доказывали, что для нихъ не существовало трудныхъ условій мѣстности, разъ нужно добиться успѣха. Кромѣ того, они врядъ ли стали бы очень деликатно относиться къ „нейтралитету“ Монголіи; если бы успѣхъ былъ на ихъ сторонѣ, то имъ нечего было бы опасаться нарушенія этого нейтралитета. Слѣдовательно, обходъ по мѣстности, стѣсненной между двумя рѣками, былъ бы только желателенъ для русскихъ, 3-я резервная армія которыхъ стояла готовой, чтобы энергичной контръ-атакой наказать японцевъ за такую смѣлость.

Но верховному командному составу русскихъ армій и въ голову не приходила мысль о какомъ бы то ни было наступательномъ образѣ дѣйствій. 4-го іюня резервной арміи былъ данъ приказъ „подготовить мѣстность“ на правомъ флангѣ 2-й арміи къ пассивному отраженію обхода противника путемъ укрѣпленій нѣсколькихъ позицій, расположенныхъ уступами позади праваго фланга. Прежде всего слѣдовало укрѣпить позицію, съ которой возможно было бы оказать поддержку въ случаѣ отступленія праваго фланга (образующаго правый флангъ 2-й арміи) 10-го армейскаго корпуса. Это не внушало

войскамъ много довѣрія къ своимъ позиціямъ. Такимъ образомъ между Далаюхе и Чжаосытайхе возникли уступами за правымъ флангомъ не менѣе шести укрѣпленныхъ позицій, которыя должны были занять войска армейскаго резерва въ случаѣ непріятельскаго охвата.

Участокъ 1-й арміи былъ устроенъ такимъ же образомъ. Включая позиціи передовыхъ постовъ, но не считая позицій за лѣвымъ флангомъ, которыхъ коснемся ниже, здѣсь было устроено 83 *полевыхъ укрѣпленія*, 16 деревень приведено въ оборонительное состояніе, возведены стрѣлковые окопы, искусственныя препятствія и прикрытія съ общимъ протяженіемъ въ 16 километровъ.

Передъ фронтомъ этого участка находились широкія долины, пересѣченныя маленькими рѣчками; гористый характеръ мѣстности къ востоку отъ желѣзной дороги былъ, однако, причиной того, что въ иныхъ мѣстахъ поле обстрѣла было сужено. Кромѣ того, здѣсь въ горахъ еще больше существовала опасность обхода лѣваго фланга.

Для предотвращенія глубокаго обхода со стороны верхняго Хуньхе, по направленію на Гиринъ, былъ выдвинутъ уступами по направленію на Хайлунченъ отрядъ ген. Ренненкампа и здѣсь имъ была возведена цѣлая система укрѣпленныхъ позицій: 26 полевыхъ укрѣпленій, а также стрѣлковые окопы съ общимъ протяженіемъ въ 65 километровъ. Но эта позиція находилась въ разстояніи 100 километровъ отъ лѣваго фланга 1-й арміи и не могла поэтому предохранить его самого отъ охвата. Только энергичное наступленіе впередъ могло бы успѣшно предотвратить такой охватъ. Въ срединѣ мая съ цѣлью отраженія обхода стояли наготовѣ два армейскихъ корпуса 1-й арміи (1-й армейскій и 1-й Сибирскій) въ видѣ резерва позади ея лѣваго фланга. Носились также съ мыслью отразить непріятельскій обходъ активными мѣрами, но и эта мысль подобно тому, какъ мы это видимъ на правомъ флангѣ на Далаюхе, скоро нашла свою могилу въ большомъ числѣ новыхъ позицій, которыя служили прикрытіемъ одна для другой и въ концѣ концовъ были рассчитаны для пассивной обороны.

Сначала была выбрана позиція нѣсколько впереди уступами отъ лѣваго фланга 1-й арміи у Ямусуса для двухъ армейскихъ корпусовъ; позиція эта была укрѣплена 10-ю маскированными полевыми укрѣпленіями, окруженными искусственными препятствіями, — свыше 12^{1/2} километровъ стрѣлковыхъ окоповъ, — которая должна была служить исходной позиціей резервовъ при наступательномъ движеніи. Но очень скоро возникли новыя сомнѣнія, такъ какъ и эта позиція могла быть обойдена со стороны Такада. Во избѣжаніе этой опасности въ разстояніи 12 километровъ позади, уступами, у Эрдагоза, была возведена новая позиція (8 полевыхъ укрѣпленій и т. д.), которая снова была предназначена служить базой для атаки противъ непріятеля, предпринимающаго охватъ позицій у Ямусуса.

Насколько не серьезно было намѣреніе русскихъ начальниковъ предпринять активныя дѣйствія, указываетъ возведеніе новой позиціи у Мохуліана, на пути, ведущемъ изъ Такада въ Ямусусу, такъ какъ опасались, что „противникъ, наступающій изъ Такада, можетъ охватить позицію у Сыпингая, оставивъ противъ войскъ на позиціи у Эрдагоза только небольшое прикрытіе“, но это возможно только въ томъ случаѣ, если бы войска у Эрдагоза держались пассивно.

Такъ, и въ возведеніи этой позиціи, не видно намѣренія перейти къ наступательному образу дѣйствій: всегда одна позиція должна была прикрывать другую. Но этими позиціями не исчерпывается еще возведеніе укрѣпленій. Всѣ упомянутыя позиціи имѣли цѣлью служить для отраженія фронтальной атаки и *неглубокаго* охвата или обхода. Но тутъ возникло новое опасеніе, что японская армія Кавамуры можетъ оттѣснить генерала Ренненкампа отъ Хайлунчена по направленію на Гиринъ и произвести глубокой обходъ въ тылу 1-й арміи по направленію на Иншенза и Итуншау, поэтому 22-го мая главнокомандующій приказалъ штабу 1-й арміи произвести развѣдку мѣстности между Хайлунченомъ и Итуншау, выбрать тамъ „рядъ новыхъ позицій и подготовить ихъ къ упорнѣйшему сопротивленію“...

Для характеристики работоспособности русскихъ войскъ

при возведеніи полевыхъ укрѣпленій привожу еще нѣкоторыя данныя относительно позиціи у Итуншау, находившейся въ разстояніи 50 километровъ позади главной позиціи и поэтому въ случаѣ отступленія могущей служить только для принятія отступающихъ войскъ. Позиція эта имѣла протяженіе въ 20 километровъ; передъ ея фронтомъ въ долину, въ 3 или 4 километра шириною, протекалъ Итунхе. Для укрѣпленія этой позиціи было возведено 42 крытыхъ полевыхъ укрѣпленія для гарнизона въ 1—2 роты каждое, которыя были окружены искусственными препятствіями общей длиною въ 8 $\frac{1}{4}$ километровъ. Между укрѣпленіями была построена цѣлая сеть стрѣлковыхъ окоповъ; линія огня въ укрѣпленіяхъ и окопахъ имѣла протяженіе въ 25,000 шаговъ. Для 8,500 чел. были построены блиндажи, служившіе закрытіемъ отчасти противъ пораженій непріятели, отчасти для помѣщенія войскъ. Небольшая позиція у Иншенза имѣла опять-таки задачей прикрывать отъ обхода съ востока.

Несмотря на то, что было сдѣлано все, что только было возможно и даже невозможно, для того, чтобы обороноспособность позиціи у Сыпингая довести до полной увѣренности выдержать на ней всякій штурмъ, все-таки надежда успѣшно отстоять эту позицію, повидимому, была невелика. Съ перваго момента расположенія этой позиціи взоры главнокомандующаго были постоянно обращены къ тылу. Ближайшая большая оборонительная линія, рѣка Сунгари, находилась въ разстояніи не менѣе 200 километровъ къ сѣверу. И вотъ русскимъ начальникамъ казалось, что только тамъ можно было питать увѣренность, что противникъ ничѣмъ не угрожаетъ. Для того, чтобы обезпечить арміямъ отступленіе туда въ полномъ порядкѣ, нужно было создать безчисленные колонные пути и, кромѣ того, промежуточные позиціи. Выборъ остановился на позиціяхъ у Гунчжулина и Куанчензы, которыя и были укрѣплены. Такъ какъ представлялось затруднительнымъ найти китайцевъ-рабочихъ, то въ Гунчжулинъ было командировано по одному полку отъ 1-й и 2-й армій, а въ Куанчензы два полка 3-й арміи для производства работъ.

Позиція у Гунчжулина пересекала желѣзную дорогу въ

6 километрахъ сѣвернѣе станціи того же названія. По фронту она имѣла протяженіе въ 35 километровъ. Для укрѣпленія этой позиціи было приведено въ оборонительное состояніе *24 деревни*, построено *77 полевыхъ укрѣпленій*, — стрѣлковыя окопы общей длиною въ 55 километровъ, — искусственныя препятствія, колонныя пути, многочисленныя колодцы и *73 моста*. На участкѣ только одной 1-й арміи, восточнѣе желѣзной дороги, былъ выкопанъ 91 колодець, возобновлены 85 колодцевъ и построено 40 километровъ колонныхъ путей.

Далѣе къ сѣверу позиція у Куанчензы пересѣкала еще желѣзную дорогу и магистральную дорогу, ведущую въ Харбинъ; кромѣ того позиція прикрывала большой китайскій городъ Куанчензы, гдѣ соединяются дороги въ Тѣлинь, Гиринъ и Харбинъ. Здѣсь было возведено 79 полевыхъ укрѣпленій, много блиндажей и построекъ на 14,000 чел., а также 130 километровъ путей для сообщеній внутри позиціи и съ тыломъ, съ многочисленными мостами черезъ овраги и рѣчки.

Отступленіе на Сунгари уже неоднократно играло извѣстную роль въ русскихъ операціонныхъ планахъ. Рѣка эта принималась за крайній предѣлъ, до котораго русскія арміи могли отступить, такъ какъ она представляла собою послѣднюю оборонительную линію для лежащаго въ разстояніи 125 километровъ къ сѣверу города Харбина, а также для желѣзной дороги, которая здѣсь развѣтвлялась на востокъ къ Владивостоку и на западъ въ Европейскую Россію. При ширинѣ въ 200—400 метровъ въ своемъ среднемъ теченіи и около 1 километра послѣ соединенія у Бодуне съ рѣкой Нонни, Сунгари пересѣкала всѣ тыловыя сообщенія русскихъ армій. Во время отступленія отъ Мукдена рѣка была скована льдомъ, но вскрытія можно было ожидать со дня на день. Кромѣ желѣзнодорожнаго моста рѣку можно было перейти еще въ бродъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но только при малой водѣ.

Въ виду того, что послѣ сраженія подъ Мукденомъ русскіе серьезно подумывали объ отступленіи за Сунгари, генералъ Надаровъ, начальникъ тыла манчжурскихъ армій, получилъ уже 13-го марта указаніе приступить энергично къ постройкѣ мостовъ черезъ Сунгари.

На Сунгари имѣлось три особенно важныхъ пункта: прежде всего переправа на желѣзнодорожномъ пути, затѣмъ 100 километровъ западнѣе, на правомъ флангѣ позиціи на Сунгари, городъ Бодуне при сліяніи рѣки Нонни, гдѣ пролегаетъ магистральный путь черезъ рѣку изъ южной Манчжурии въ Цицикаръ; удержаніе этого участка казалось необходимымъ для охраны желѣзнодорожнаго пути Харбинъ—Цицикаръ, лежащаго въ разстояніи 120 километровъ. Подобное значеніе придавалось еще на верхнемъ теченіи Сунгари находящемуся въ разстояніи 130 километровъ къ юго-востоку городу Гирину, главному городу провинціи того же названія. Владѣніе этимъ пунктомъ обезпечивало желѣзнодорожную вѣтвь, ведущую во Владивостокъ. Сюда вели тыловыя сообщенія отряда корпуса ген. Ренненкампа.

Въ виду сказаннаго было приступлено къ постройкѣ черезъ Сунгари 22 мостовъ, изъ коихъ къ заключенію мира было готово 17. Всѣ переходы черезъ рѣку необходимо было укрѣпить постройкой тетъ-де-поновъ. Высшее руководство всѣми работами было поручено генераль-лейтенанту Сахарову, отчисленному отъ должности начальника штаба армій. Фортификаціонныя работы велись наемными китайцами, которыми руководили 7 ротъ саперъ. Работы были закончены къ концу іюля.

Изъ обзора трудовъ русскаго генеральнаго штаба можно составить представленіе о массѣ исполненныхъ здѣсь работъ. На мѣстахъ переходовъ между двумя фланговыми пунктами позиціи было построено 100 полевыхъ укрѣпленій, 25 километровъ стрѣлковыхъ окоповъ, 39 километровъ ходовъ сообщенія, 3 километра крытыхъ путей, 14 километровъ искусственныхъ препятствій и свыше 130 километровъ дорогъ, связывавшихъ разные участки позиціи.

Къ югу отъ Гирина была устроена непрерывная позиціи на протяженіи по фронту въ 46 километровъ. Общая длина всѣхъ укрѣпленныхъ позицій у Гирина составляла 78 километровъ.

Но наиболѣе обширной предполагалась постройка укрѣпленій у Бодуне. Здѣсь былъ устроенъ укрѣпленный лагерь

протяженіемъ по окружности свыше 100 километровъ; для сообщеній только внутри лагеря требовалось провести путей протяженіемъ свыше 200 километровъ съ гатями черезъ болота и мостами черезъ многочисленныя рѣчки. Но въ виду того, что требовалось очень много времени для выполненія подготовительныхъ работъ, ко времени перемирія была выполнена только $\frac{1}{4}$ часть всѣхъ предполагаемыхъ здѣсь работъ.

Затѣмъ въ разстояніи 130 километровъ къ сѣверу, у Харбина, было приступлено къ постройкѣ еще другого укрѣпленнаго лагеря, который также не былъ вполнѣ готовъ при заключеніи мира. Если подвести итогъ всему сказанному выше, то нельзя не поражаться суммой тѣхъ грандіозныхъ работъ, которыя были выполнены въ теченіе полугода. Это только было возможно благодаря необычнымъ обстоятельствамъ—полнѣйшему затишью военныхъ дѣйствій и неисчерпаемому количеству работоспособныхъ рукъ, которое имѣлось среди мѣстнаго населенія.

Японцы также укрѣпили свои стоянки. На основаніи весьма недостоверныхъ свѣдѣній, въ русской главной квартирѣ объ этихъ укрѣпленіяхъ могли составить лишь общее представленіе. Повидимому, средніе участки японскаго расположенія по обѣ стороны желѣзной дороги и Мандаринской дороги были сильно укрѣплены, а на флангахъ слабѣе, между тѣмъ у русскихъ было обращено особенное вниманіе именно на обезпеченіе фланговъ путемъ многочисленныхъ укрѣпленныхъ позицій. Изъ этого можно вывести заключеніе, что японцы собирались повторить свой образъ дѣйствій, такъ успѣшно выполненный подъ Мукденомъ, т. е. они собирались атаковать противника обходомъ, оставивъ на фронтѣ возможно меньшее количество силъ.

Русскій главнокомандующій былъ, пожалуй, правъ, когда, осматривая сильныя позиціи своихъ армій, онъ гордо сказалъ: „пусть японцы придутъ, они расшибутъ себѣ лобъ о наши позиціи“. Но японцы и не думали расшибать себѣ голову: если бы они считали нужнымъ продолжать свое наступленіе, то они, не считаясь ни съ трудными условіями мѣстности, ни съ „нейтральной“ полосой,—какъ это было подъ Ляояномъ

и Мукденомъ,—обошли бы одинъ изъ русскихъ фланговъ, а русскій полководецъ врядь ли бы рѣшился прибѣгнуть къ единственному средству—двинуться навстрѣчу такому обходу путемъ смѣлой контръ-атаки. Это мы увидимъ изъ сказаннаго ниже. Оставаясь пассивно на своихъ мѣстахъ, арміи навѣрное очистили бы свои „неприступныя“ позиціи, если бы имъ угрожалъ обходъ противника.

Но, повидимому, японцамъ и не было расчета наступать и ставить на карту все уже добытое. Они достигли, чего желали и даже больше. Имъ прежде всего было важно наложить руку на занятое и завоеванное и удержать все это до заключенія мира.

Русскимъ оставалась единственная возможность измѣнить неблагоприятный для нихъ ходъ войны только посредствомъ наступательныхъ дѣйствій, а для того, чтобы вызвать наступательный импульсъ, не было надобности въ укрѣпленныхъ позиціяхъ, лежащихъ одна за другою, которыя взаимно другъ друга прикрывали только для пассивной обороны. Эти позиціи вліяли на рѣшеніе начальниковъ и стали могилой для всякой наступательной идеи.

Г Л А В А Ш.

Русскіе оборонительные и наступательные планы лѣтомъ 1905 года.

Для насъ не представляетъ никакого интереса подробное разсмотрѣніе русскихъ операціонныхъ плановъ въ періодъ между сраженіемъ подъ Мукденомъ и заключеніемъ мира, тѣмъ болѣе, что все дѣло ограничивалось соображеніями, совѣщаніями и памятливыми записками, но ни одинъ изъ плановъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Поэтому ограничусь только изложеніемъ того, что является характернымъ въ этихъ планахъ и достойнымъ вниманія для познанія руководства русскими войсками, для характеристики ихъ духа и стратегическихъ взглядовъ ихъ вождей, вообще — что представляетъ интересъ для всего положенія дѣлъ на войнѣ, которое привело къ необходимости Портсмутскаго мира.

Какъ уже упомянуто, назначеніе новаго главнокомандующаго не внесло никакой перемены въ способъ веденія войны. Генералъ Линевичъ, на которомъ сосредоточились надежды всей Россіи, разочаровалъ возлагавшіяся на него упованія. Въ теченіе полугода своего командованія арміями онъ не могъ прийти къ какому-нибудь рѣшенію, и когда, наконецъ, подъ давленіемъ политическихъ соображеній онъ въ августѣ 1905 года рѣшился принять какія-нибудь мѣры къ переходу въ наступленіе, то оказалось, что его арміямъ не хватаетъ необходимой матеріальной части для обезпеченія резервами и под-

крѣпленіями; поэтому выяснилось, что переходъ въ наступленіе не можетъ начаться раньше ноября 1905 года.

Весь образъ дѣйствій главнокомандующаго указывалъ на его стремленіе свалить съ себя отвѣтственность. Поэтому ничего не предпринималось безъ предварительныхъ безконечныхъ совѣщаній съ командующими арміями, а такъ какъ въ отъѣздахъ командующихъ арміями возникали разногласія, то эти совѣщанія ни къ какому результату не приводили.

Послѣ того, какъ 13-го марта, при кратковременной остановкѣ русскихъ армій у Тѣлина при отступленіи отъ Мукдена, генераль Линевицъ былъ назначенъ „главнокомандующимъ всѣми морскими и сухопутными силами на Дальнемъ Востокѣ“, онъ прежде всего пожелалъ узнать „откровенное мнѣніе“ бывшаго начальника штаба главной квартиры генерала Сахарова о возможности продолженія военныхъ дѣйствій.

Отвѣтъ генерала Сахарова не внушалъ большихъ упованій. Онъ держался того мнѣнія, что такой возможности, съ надеждой на успѣхъ, не существуетъ. Вотъ причины, которыя онъ приводилъ въ доказательство:

1. „Съ неподготовленной арміей нельзя вести войны. Наша армія не была подготовлена къ войнѣ съ японцами, поэтому мы не могли вести этой войны и вовсе не слѣдовало ее начинать“.

Конечно, армія могла быть болѣе успѣшно подготовлена къ войнѣ, но не въ этомъ причина русскихъ пораженій. Недостатокъ боевой готовности генераль Сахаровъ видѣлъ, между прочимъ, въ томъ, что „не было организованной системы мѣстныхъ развѣдчиковъ и шпионовъ“. Если бы многочисленная русская кавалерія лучше выполняла свою задачу въ дѣлѣ развѣдокъ, то этотъ недостатокъ былъ бы въ значительной мѣрѣ искупленъ.

2. „Наши войска оказались слабо обученными и снабженными всѣмъ необходимымъ. Въ командованіи войсками обнаружались значительные недочеты, взаимная поддержка различныхъ частей войскъ и родовъ оружія вовсе не практиковалась, — почти нигдѣ не видно въ войскахъ стремленія къ взаимной поддержкѣ. Большей частью случалось такъ, что однѣ части

вели бой, а другія оставались праздными зрителями. При наступательныхъ дѣйствіяхъ обнаруживалось мало умѣнія, а еще менѣе энергіи. Хотя войска не всегда достаточно энергично оборонялись, все же при оборонѣ видна стойкость, но мы почти исключительно оборонялись, а при такомъ способѣ дѣйствій нельзя разсчитывать на успѣхъ“.

Это вѣрно; но отвѣтственность въ этомъ случаѣ падаетъ и на начальника штаба армій, такъ какъ вся дѣятельность русской арміи, съ самаго начала войны, состояла исключительно въ пассивной оборонѣ, почему и нельзя было разсчитывать на успѣхъ.

Далѣе генераль Сахаровъ приводитъ излюбленное неосновательное утвержденіе генерала Куропаткина.

3. „Мы превосходили противника только числомъ батальоновъ, но по числу штыковъ японцы, повидимому, всегда были сильнѣ насъ“.

Нѣтъ надобности опровергать это, послѣ того, какъ исторія русскаго генеральнаго штаба признала, что во всѣхъ рѣшительныхъ сраженіяхъ численное превосходство, часто весьма значительное, было на сторонѣ русскихъ.

Далѣе въ отчетѣ начальника штаба армій говорится:

4. „Тѣмъ не менѣе мы до сего времени не падали духомъ и надѣялись побороть противника. Но теперь, когда послѣ цѣлаго ряда неудачъ въ теченіе всей войны и безъ того слабый духъ войскъ подвергся тяжелому испытанію подъ Мукде-номъ, нравственныя силы арміи настолько упали, что у всѣхъ чиновъ не только не имѣется никакого стремленія наступать впередъ съ цѣлью разбить непріятеля, но нѣтъ даже простого желанія воевать съ нимъ. Можно сказать даже, что въ войскахъ возникъ страхъ передъ противникомъ, вкоренилась вѣра въ его искусство, силу и превосходство надъ нами, а также и недоувѣріе къ собственнымъ силамъ“...

Затѣмъ указавъ на существующее въ данное время полное разстройство матеріальной части въ особенности въ артиллеріи, генераль Сахаровъ приходитъ къ такому заключенію, „что при такихъ обстоятельствахъ нельзя разсчитывать на возможность успѣшной борьбы съ противникомъ, а принимая во

вниманіе наличность нашихъ силъ физическихъ, моральныхъ и матеріальныхъ, мы не въ состояніи перейти въ наступленіе ни теперь, ни въ близкомъ будущемъ. Отъ насъ не зависитъ рѣшеніе вопроса о продолженіи войны, поѣтому, мнѣ кажется, что мы прежде всего должны рѣшить не вопросъ о наступленіи, а только то, гдѣ и какимъ образомъ мы можемъ оказать сопротивление непріятелю“...

Въ виду того, что въ Петербургѣ считали необходимымъ произвести полную перемѣну всего высшаго команднаго состава, вскорѣ и генералъ Сахаровъ былъ смѣщенъ со своей должности и назначенъ къ генералу Линевицу для особыхъ порученій; вмѣсто него былъ назначенъ генералъ Харкевичъ, который до того времени состоялъ начальникомъ штаба 1-й арміи. Повидимому, для генерала Харкевича уроки войны не пропали даромъ, потому что, будучи вначалѣ генералъ-квартирмейстеромъ у Куропаткина, онъ считался главнымъ защитникомъ его отступательной стратегіи, а теперь настоятельно требовалъ болѣе энергичнаго веденія войны, но не могъ убѣдить въ этомъ генерала Линевица. На должность генералъ-квартирмейстера генералъ Линевицъ привезъ съ собою изъ 1-й арміи своего зятя генерала Орановскаго.

Въ Петербургѣ сначала, послѣ пораженія у Мукдена, не вѣрили въ успѣшное продолженіе войны. Всѣ заботы тамъ были направлены не къ тому, чтобы побѣдить противника, а лишь къ тому, чтобы обезпечить арміи пути сообщенія съ Европ. Россіей и съ Владивостокомъ. Въ телеграммѣ отъ 22-го марта изъ Петербурга въ штабъ главнокомандующаго главныя задачи арміи были опредѣлены слѣдующимъ образомъ:

1) Обезпеченіе Владивостока всѣмъ необходимымъ для продолжительнаго сопротивленія въ случаѣ его осады,

2) Удержаніе въ своихъ рукахъ желѣзной дороги, связывающей армію съ Россіей.

3) Обезпеченіе сообщеній съ Владивостокомъ, если и не посредствомъ прямого желѣзнодорожнаго пути, то хотя бы воднаго пути по Сунгари и Амуру до Хабаровска и оттуда по Уссурийской желѣзной дорогѣ.

Въ Петербургѣ слѣдовательно считались уже съ возможностью потери желѣзной дороги отъ Харбина до Владивостока.

Генераль Линевиць, которому 20-го марта изъ Петербурга было приказано остановиться на позиціи у Сыпингая, снова былъ поколебленъ въ своемъ рѣшеніи этой телеграммой. По полученіи телеграммы онъ обратился письменно ко всѣмъ командующимъ арміями, прося ихъ дать свое заключеніе по вопросу о томъ, насколько позиція у Сыпингая пригодна для успѣшнаго сопротивленія. Что онъ самъ сильно сомнѣвался въ возможности ея удержанія, ясно изъ постановки вопроса: „не лучше ли намъ отойти своевременно, дабы не подвергать себя случайностямъ“. Повидимому, генераль Линевиць былъ не прочь, чтобы командующіе арміями высказались за дальнѣйшее отступленіе.

Самое рѣшительное мнѣніе высказалъ командующій 2-й арміей генераль-отъ-кавалеріи баронъ Каульбарсъ. Не вѣря особенно въ успѣшное удержаніе позиціи, онъ, тѣмъ не менѣе, считалъ необходимымъ держаться на ней до послѣдней крайности, а для отраженія обхода предложилъ выдѣлить одну изъ армій въ резервъ. „Отступленіе за Сунгари считалось бы началомъ позорнаго мира. Плѣненіе всей нашей арміи не могло бы повлечь за собою худшаго положенія“.

Командующій 1-й арміей ген. Куропаткинъ также считалъ необходимымъ держаться у Сыпингая, при чемъ онъ напиралъ на то, что арміи должны быть готовы не только къ пассивной, но и къ активной оборонѣ. Психологически очень характернымъ является тотъ фактъ, что ген. Куропаткинъ теперь, когда съ него была снята отвѣтственность, становится поборникомъ активнаго образа дѣйствій; наоборотъ, ген. Линевиць, который во главѣ 1-й „непобѣдимой“ арміи пользовался репутаціей лихого наступателя, теперь, когда вся отвѣтственность падала на него, не могъ остановиться на какомъ-нибудь рѣшеніи.

Командующій 3-й арміей генераль-отъ-кавалеріи баронъ Бильдерлингъ считалъ позицію у Сыпингая въ стратегическомъ отношеніи совершенно непригодной. Онъ признавалъ ее только „какъ промежуточную позицію по пути на сѣверъ, на которой можно оказать сопротивленіе непріятельскимъ авангардамъ, но

нельзя допустить тактического соприкосновения съ неприятельскими главными силами“.

Замѣчательно то, что начальникъ штаба 2-й арміи генералъ Рузскій не былъ согласенъ съ мнѣніемъ своего командующаго арміей и рекомендовалъ немедленное отступление за Сунгари. На его докладъ по этому повому генералъ Каульбарсъ положилъ слѣдующую резолюцію:

„Никоимъ образомъ не согласенъ. Если мы станемъ думать о томъ, чтобы ставить ширмы по всѣмъ направленіямъ, по которымъ противникъ можетъ наступать, то такія ширмы легко можетъ опрокинуть простой сквознякъ. Нужно энергично дѣйствовать наступательно прорвавъ длинную линію смѣлаго непріятели, тогда онъ невольно пріостановитъ свои обходы. Но для этого мы должны свернуться въ кулакъ до послѣдняго солдата и не разбрасываться“... Если бы ген. Каульбарсъ дѣйствовалъ согласно такимъ принципамъ подъ Мукденомъ, то русская армія не стояла бы теперь, быть можетъ, у Сыпингая.

Генералъ Линевичь послѣдовалъ, быть можетъ скрѣпя сердце, совѣту большинства и отдалъ приказъ 26-го марта о занятіи и укрѣпленіи позиціи, чтобы оказать на ней „самое сильное сопротивление неприятелю“. Но вопросъ о томъ, какимъ образомъ оказывать это сопротивление, оставался неразрѣшеннымъ и составилъ въ теченіе всего лѣта предметъ многократныхъ совѣщаній главнокомандующаго съ командующими арміями. Прежде всего задача 3-й (резервной) арміи оставалась до конца неясной и неопредѣленной. Въ выше упомянутомъ приказѣ отъ 26-го марта ея задача была формулирована такъ:

1) „Отраженіе обхода праваго фланга совмѣстно со 2-й арміей. 2) Подкрѣпленіе 2-й и 1-й армій на ихъ фронтъ, если бы противникъ повелъ атаку противъ нихъ съ превосходными силами. 3) Подкрѣпленіе лѣваго фланга 1-й арміи и отраженіе охвата нашего лѣваго фланга“.

Ясно, что и теперь все еще существовало желаніе покрывать все резервами, ими же затыкать всякую дыру, какъ это дѣлалось въ теченіе всей войны, вмѣсто того, чтобы резервы примѣнять въ дѣло безъ дробленія и активнымъ образомъ. Причина неясно формулированной и часто мнѣяемой задачи

резервной арміи заключается въ томъ, что главнокомандующій часто обращался ко всѣмъ за совѣтами, и его совѣтчики придерживались различнаго мнѣнія. Въ то время, какъ ген. Куропаткинъ считалъ, что его лѣвому флангу угрожаетъ наибольшая опасность, и требовалъ подкрѣпленія его фланга резервной арміей, командующіе 2-й и 3-й арміями были того мнѣнія, что японцы поведутъ атаку въ обходъ праваго фланга позиціи у Сыпингая, и поэтому считали необходимымъ оставленіе 3-й арміи позади ея праваго фланга.

Какъ упомянуто выше, новый начальникъ штаба въ главной квартирѣ ген. Харкевичъ сталъ поборникомъ активнаго образа дѣйствій. Въ памятной запискѣ, поданной главнокомандующему 4-го мая, онъ подробно мотивируетъ свой взглядъ.

„Единственнымъ средствомъ, пишетъ онъ, успѣшной обороны я считаю необходимость захватить въ свои руки инициативу, что можетъ быть осуществлено только тогда, когда мы будемъ сильнѣе японцевъ въ наиболѣе угрожаемыхъ пунктахъ. Для этого необходимо укоротить по возможности фронтъ нашего расположенія, занять его необходимыми только силами, а большее число войскъ оставить въ резервѣ. Только такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи маневрировать и не только отражать удары, но и наносить ихъ японцамъ“. Начальникъ штаба испрашивалъ поэтому разрѣшеніе отвести въ резервъ еще два или три корпуса 2-й арміи, которые, смотря по положенію дѣлъ, могли бы служить для подкрѣпленія фронта или же, въ случаѣ надобности, послужить сильнымъ кулакомъ, съ цѣлью нанести ударъ переходомъ въ атаку. „Существованіе сильнаго армейскаго резерва дастъ намъ возможность не подчиняться исключительно планамъ противника, не ограничиваться только пассивнымъ отраженіемъ его атакъ, но дѣйствовать такъ, какъ для насъ является болѣе выгоднымъ“.

Весьма характерными для стратегическихъ взглядовъ генерала Линевича, да и всего высшаго русскаго команднаго состава въ эту войну, являются примѣчанія главнокомандующаго на этой памятной запискѣ. На поляхъ противъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о необходимости активнаго образа дѣйствій, ген. Линевицъ поставилъ вопросительные знаки. Послѣ того,

какъ онъ въ своей резолюціи развилъ мнѣніе, что въ резервъ могутъ быть отведены только тѣ войска, которыя не могутъ быть расположены на оборонительныхъ позиціяхъ, онъ заканчиваетъ свое мнѣніе слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Оборона и атака—два разныхъ понятія; ихъ нельзя смѣшивать, такъ какъ это два различныхъ дѣйствія. Если нельзя переходить въ атаку, то не слѣдуетъ и пытаться это дѣлать, потому что можно по легкомыслію все потерять“...

Такъ какъ первое совѣщаніе у главнокомандующаго 4-го апрѣля не привело ни къ какому положительному результату о способѣ оборонительныхъ дѣйствій, то 17-го мая произошло второе совѣщаніе, въ которомъ участвовали командующіе арміями со своими начальниками штабовъ. Тѣмъ временемъ въ командованіе 3-й арміей вступилъ прибывшій изъ Россіи генералъ-отъ-инфантеріи Батяновъ.

Снова генераломъ Линевичемъ былъ поставленъ вопросъ: „можемъ ли мы оказать противнику сопротивленіе на нашихъ позиціяхъ или же мы должны отступить далѣе на сѣверъ“? Цѣлыхъ два мѣсяца спустя послѣ занятія этой позиціи онъ все еще не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Мнѣнія членовъ совѣщанія опять, конечно, раздѣлились. За принятіе на этой позиціи рѣшительнаго сраженія высказались генералы Каульбарсъ, Харкевичъ и Куропаткинъ; послѣдній изъ нихъ считалъ это необходимымъ потому, что „у насъ въ тылу ничего не готово и мы должны выиграть время, чтобы не быть припертыми къ Сунгари“. Въ остальномъ Куропаткинъ сильно обвинялъ „Петербургъ“, который въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ничѣмъ не помогъ арміи; армія, будто бы, могла быть сильнѣе на 70,000—100,000 человекъ, если бы подкрѣпленія были посланы немедленно послѣ сраженія подъ Мукденомъ—„непростительная ошибка“.

Опираясь на большинство, генералъ Линевичъ рѣшилъ, что „нужно сражаться; мы достаточно сильны для этого“. Но неясность задачъ армій оставалась все та же. Даже тѣ генералы, которые стояли за принятіе рѣшительнаго сраженія, отнюдь не были проникнуты убѣжденіемъ, что удастся отразить японцевъ. Не можетъ не поразить фактъ, что генералъ Кауль-

барсъ и его начальникъ штабъ ген. Рускій попрежнему сильно расходились во взглядахъ относительно плановъ предстоящихъ операцій; такія отношенія, если бы дѣло дошло до серьезнаго испытанія, могли повлечь за собою весьма серьезныя послѣдствія.

Объ активномъ способѣ обороны или даже о предпринятіи самостоятельной атаки до сихъ поръ не было и рѣчи. Въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ ген. Линевичь время отъ времени считалъ необходимымъ сказать всегда что-нибудь для успокоенія, нѣсколько общихъ мѣстъ о наступательныхъ намѣреніяхъ, которыя онъ ставилъ въ зависимость отъ всевозможныхъ условій. Такъ, въ его донесеніи въ Петербургъ отъ 30-го мая говорится:

„Предполагаю, когда противникъ перейдетъ въ наступленіе, оказать ему самое упорное сопротивленіе на позиціи у Сыпингая. *Если мы удержимся* на своихъ позиціяхъ *и обстоятельства будутъ благоприятствовать*, то, можетъ быть, будетъ болѣе цѣлесообразнымъ немедленно послѣ отраженія штурма перейти въ атаку... Отступленіе съ позиціи у Сыпингая на Харбинъ предприму только въ томъ случаѣ, если бы у японцевъ оказалось огромное превосходство войскъ, какое они имѣли во всѣхъ предшествующихъ сраженіяхъ“.

Такъ какъ въ дѣйствительности такого превосходства не было ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ сраженій на сторонѣ японцевъ и рускій главнокомандующій снова склоненъ былъ переоцѣнивать ихъ силы, то можно, пожалуй, вывести заключеніе, что отступленіе отъ Сыпингая было бы начато немедленно, какъ только японцы, „какъ это было во всѣхъ предшествующихъ сраженіяхъ“, стали бы энергично дѣйствовать съ ихъ меньшими силами.

Въ теченіе мая русскія боевыя силы значительно возросли численно въ виду прибытія подкрѣпленій на укомплектованіе войскъ; сформированы были новыя войсковыя единицы, стрѣлковыя полки изъ 3-хъ батальонныхъ были переформированы въ 4-хъ батальонныя. Численное превосходство было уже несомнѣнно на сторонѣ русскихъ. Но въ это время, въ концѣ мая, стали приходиться первыя неопредѣленныя свѣдѣнія о мор-

скомъ сраженіи у Цусимы, а 3-го іюня стало извѣстно объ уничтоженіи эскадры адмирала Рожественскаго. Въ этотъ день главнокомандующій получилъ слѣдующую телеграмму изъ Петербурга:

„Сообщите совершенно откровенно, какое впечатлѣніе на армію произвела гибель эскадры въ Тихомъ океанѣ; какія измѣненія это извѣстіе вызоветъ въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ; обезпечена ли у насъ оборона Владивостока, Сахалина и всей нашей прибрежной полосы, если мы примемъ въ расчетъ возможность довольно продолжительнаго перерыва желѣзнодорожнаго сообщенія“.

По полученіи этой телеграммы въ главную квартиру были созваны командующіе арміями съ ихъ начальниками штабовъ, чтобы совмѣстно съ ними обсудить отвѣтъ на эту телеграмму.

Прежде всего ген. Линевичь поставилъ вопросъ: какое впечатлѣніе произвела гибель эскадры на войска? Въ общемъ преобладало мнѣніе, что хотя впечатлѣніе на войска произведено потрясающее, но оно ихъ не подавило и вскорѣ изгладится. Ген. Куропаткинъ выразилъ это словами: „Мы не привыкли рассчитывать на поддержку флота. Флотъ для насъ никогда не являлся помощникомъ. Настроеніе теперь не будетъ хуже, чѣмъ было, такъ какъ морское сраженіе для арміи не имѣло рѣшающаго значенія.“

Совершенно правильно, что извѣстіе о гибели флота не произвело на армію потрясающаго впечатлѣнія, но это объясняется только тѣмъ, что вообще постепенно притупились впечатлѣнія къ такимъ несчастнымъ вѣстямъ и давно уже перестали ожидать поворота военнаго счастья.

На дальнѣйшій вопросъ главнокомандующаго: „Что намъ теперь дѣлать? Остаться ли намъ на позиціи у Сыпингая?“ — только ген. Батьяновъ высказался за отступленіе за Сунгари, съ цѣлью выждать тамъ прибытія подкрѣпленій и тамъ какой бы то ни было цѣною оказать сопротивленіе. Это онъ мотивировалъ необходимостью отправить подкрѣпленія во Владивостокъ и Приморскую область, противъ которыхъ японцы теперь направятъ свою атаку.

Тутъ ген. Куропаткинъ снова высказался за наступатель-

ную идею, которая впрочемъ, какъ и всѣ подобныя побужденія, выказываемыя имъ время отъ времени, была чисто платоническаго характера. Онъ былъ того мнѣнія, что „если наша штатная численность пополнена уже, то на поражение адм. Рождественскаго слѣдуетъ отвѣтить рѣшительнымъ наступленіемъ“. Онъ находилъ, что, правда, въ данный моментъ армія „нѣсколько напугана“, а то „было бы возможно наступать и сейчасъ“.

Конечно, было бы дѣйствительно правильно отвѣтить общей атакой на уничтоженіе эскадры. Для этого была налицо достаточная численность войскъ, но не хватало моральной силы и твердой воли начальниковъ.

Выслушавъ всѣ мнѣнія, ген. Линевичь остановился на рѣшеніи: арміямъ оставаться на позиціи у Сыпингайя. Не нашли особой надобности произвести какое-нибудь измѣненіе въ расположеніи и распредѣленіи войскъ, а также относительно увеличенія гарнизона Владивостока. Ген. Линевичь сообщилъ, что комендантъ Владивостокской крѣпости ген. Казбекъ донесъ, что крѣпость готова выдержать осаду; тамъ находилось 40 батальоновъ, 1,200 орудій и продовольствія на 15 мѣсяцевъ. Для дѣйствій внѣ крѣпости имѣется въ распоряженіи коменданта отъ 20 до 24 батальоновъ.

Отвѣтъ главнокомандующаго въ Петербургъ былъ составленъ такъ, чтобы успокоить петербургскіе круги. Но этотъ „спокойный тонъ“, какъ говоритъ исторія русскаго генеральнаго штаба, едва ли дѣйствительно находится въ той телеграммѣ, которую ген. Линевичь отправилъ вслѣдъ за полученіемъ злосчастнаго извѣстія о Цусимѣ, въ которой онъ требуетъ немедленнаго подкрѣпленія арміи 6-ю дивизіями и 80,000 чел. для укомплектованій. Въ концѣ донесенія сказано: „Послѣ потери флота мы переживаемъ такое тяжелое время, что въ наступленіе мы можемъ перейти только тогда, когда намъ будетъ обезпеченъ полнѣйшій успѣхъ, но для этого необходимо выждать прибытія дальнѣйшихъ подкрѣпленій“.

Какъ мы видимъ не было никакой надобности рекомендовать главнокомандующему осторожность, что мы находимъ въ слѣдующей телеграммѣ изъ Петербурга:

„Не желая ограничивать васъ въ вашихъ рѣшеніяхъ относительно руководства вѣренными вамъ арміями, признается необходимымъ указать вамъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ каждый значительный неуспѣхъ можетъ сдѣлаться роковымъ. Поэтому слѣдуетъ воздержаться не только отъ наступательныхъ предпріятій въ большомъ масштабѣ, но до того момента, пока не явится полная увѣренность въ успѣхѣ, слѣдуетъ даже въ оборонѣ принимать полную предосторожность для того, чтобы не потерпѣть неудачи, могущей повести къ разстройству армій. Предпочитается уступить противнику нѣкоторыя мѣстности, но зато сохранить арміи въ полномъ порядкѣ и не рисковать рѣшительнымъ сраженіемъ, пока нѣтъ полной увѣренности въ побѣдѣ“.

Въ своемъ отвѣтѣ отъ 16-го іюня ген. Линевицъ снова высказываетъ большую увѣренность: „Японцамъ придется придумать нѣчто особенно хитрое и новое, чтобы заставить насъ очистить позицію у Сыпингая“. Въ концѣ телеграммы говорится: „Позволю себѣ доложить, что послѣ прибытія подкрѣпленій мои арміи будутъ такъ сильны, что сочту себя обязаннымъ представить на усмотрѣніе мои соображенія о переходѣ въ наступленіе“.

Изъ такой формы изложенія о наступательныхъ намѣреніяхъ видно, что ихъ осуществленіе не принималось вовсе въ серьезъ. Въ дѣйствительности ничего и не было сдѣлано для подготовки наступленія, такъ что, когда въ концѣ концовъ положеніе вещей въ августѣ требовало перехода въ наступленіе, оно оказалось невыполнимымъ...

Въ серединѣ іюня японцы зашевелились въ Корей, что вызвало у ген. Линевица опасенія за Уссурійскій край. Но еще больше заботъ причинили ему свѣдѣнія, которыя къ этому времени непрерывно получались отъ китайскихъ лазутчиковъ о предстоящемъ всеобщемъ наступленіи японцевъ. Недавняя увѣренность ген. Линевица, которую онъ такъ афишировалъ, совершенно исчезла. Въ телеграммѣ, отправленной имъ въ Петербургъ 30-го іюня, онъ выражаетъ свое неудовольствіе главнымъ штабомъ, который допустилъ перерывъ въ высылкѣ комплектованій, и прибавляетъ:

„Если наступленіе японцевъ, которое началось вчера по всему фронту, поведетъ къ общей атакѣ, то лишеніе арміи недостающихъ 80,000 чел. можетъ имѣть опять роковыя послѣдствія. Если въ обществѣ и печати обвиняютъ нашихъ генераловъ въ отсутствіи талантовъ, то я смѣю увѣрить, что никакіе таланты не могутъ замѣнить недостающихъ 80,000 штыковъ. Если при такихъ условіяхъ, вслѣдствіе наступленія японцевъ, надъ нашими арміями разразится несчастіе, то я попрошу снять отвѣтственность съ нашихъ генераловъ и возложить ее на тѣхъ, кто безъ моего вѣдома ограбилъ нашу армію на 80,000 чел.“

Въ ожиданіи наступленія японцевъ генераль Линевичь далъ войскамъ тактическія указанія, имъ собственноручно составленныя, въ которыхъ указывалось войскамъ, какъ вести себя при отраженіи непріятельской атаки. Въ видѣ характеристики этихъ поученій приведемъ только пунктъ 1-й:

„По какому пути японцы бы не наступали, повсюду они должны найти наши войска на своевременно укрѣпленныхъ позиціяхъ; для этого необходимо возвести также и на флангахъ нашихъ арій столько укрѣпленныхъ позицій, чтобы японцы при какомъ угодно дальнемъ и глубокомъ обходѣ натолкнулись на наши войска, расположенныя на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Отразить атаки на укрѣпленной позиціи всегда легче, чѣмъ вести борьбу на совершенно открытой мѣстности“.

Объ активномъ веденіи обороны не говорится ни слова. Напротивъ, указывается на то, что спеціальнй резервъ только и существуетъ для того, чтобы усилить линію огня, и что послѣ отраженія атаки онъ долженъ быть отведенъ назадъ, на свои мѣста.

Итакъ, въ принципахъ руководства войсками все въ русской арміи осталось по-старому. Увлеклись всякими детальными распоряженіями, упуская изъ виду главную цѣль.

Относительно стратегическихъ задачъ и плановъ при отраженіи атаки японцевъ все еще пребывали въ полномъ туманѣ. По временамъ раздавались голоса за активное примѣненіе резервной арміи. Но изъ опасенія производства японцами удара съ тыла главнокомандующій никакъ не могъ рѣшиться

дать резервной арміи недвусмысленную наступательную задачу; онъ готовился встрѣтить охватъ одной только пассивной обороной. Такъ какъ по ходу всего дѣла на театрѣ войны русскіе считались съ обходомъ праваго фланга, то 3-й арміи была дана задача расположиться уступомъ за правымъ флангомъ 2-й арміи между Чжаосытайцзы и Даляохе, укрѣпить тамъ нѣсколько позицій и приготовиться къ ихъ пассивной оборонѣ.

Этотъ отказъ отъ наступательнаго образа дѣйствій имѣлъ послѣдствіемъ полное подчиненіе собственныхъ намѣреній ожидаемой дѣятельности противника и долженъ былъ неизбежно разстроить всѣ планы, какъ только противникъ станетъ дѣйствовать не такъ, какъ это предполагалось.

Военныя развѣдки прекратились съ іюня. Несмотря на горькій опытъ, предпочитали собирать всѣ свѣдѣнія о противникѣ исключительно черезъ китайскихъ лазутчиковъ. Отъ нихъ въ концѣ іюня непрерывно получались донесенія о передвиженіяхъ японскихъ войскъ, въ особенности 4-й арміи Подзу, съ запада на востокъ, а также о значительномъ усиленіи 5-й арміи Кавамуры. Говорилось даже о томъ, что армія Хасегавы прибыла изъ Кореи на Манчжурскій театръ военныхъ дѣйствій въ составѣ 60,000 штыковъ и находится передъ фронтомъ корпуса Ренненкампа, соединившись съ арміей Кавамуры.

Всѣ эти донесенія были лишены всякаго основанія, но тѣмъ не менѣе ихъ было достаточно, чтобы произвести полную перемѣну мнѣній о предполагаемыхъ планахъ японцевъ. Теперь казалось уже яснымъ, что японцы собираются охватить не правый, а лѣвый русскій флангъ, предварительно отбросивъ корпусъ ген. Ренненкампа. Это вызвало новую перемѣну во взглядахъ на примѣненіе резервной арміи, рѣшивъ однако, по-прежнему, ограничиться пассивной обороной.

У ген. Харкевича снова появилась мысль о необходимости перейти въ наступленіе. Базируясь на донесеніяхъ китайцевъ, ген. Харкевичъ, въ памятной запискѣ отъ 23-го іюня, предложилъ: пользуясь вытянутымъ расположеніемъ японскихъ армій и большимъ удаленіемъ ихъ праваго фланга, атаковать непріятельскій лѣвый флангъ резервной арміей и всѣми имѣющимися въ распоряженіи силами, какъ только японцы начнутъ свое насту-

плєніє по направленію на Хейлунчєнъ. Это, конечно, была бы самая цѣлесообразная мѣра для отраженія угрожающаго обхода. Но такъ какъ ген. Харкевичъ зналъ о нежеланіи главнокомандующаго прибѣгнуть къ какому-нибудь рискованному шагу, то онъ предложилъ еще два плана: одинъ изъ нихъ заключался въ передвиженіи резервовъ на русскій лѣвый флангъ и атакѣ непріятельскихъ силъ, сосредоточенныхъ противъ Хейлунчена, а другой—въ пассивномъ отраженіи обхода на „своевременно избранныхъ и укрѣпленныхъ позиціяхъ“.

На эти предложенія со стороны ген. Линевица не послѣдовало никакой резолюціи; только 1-й арміи было пока приказано выбрать на своемъ лѣвомъ флангѣ позиціи для расположенія войскъ противъ обходящихъ непріятельскихъ колоннъ. При этомъ главнокомандующій указывалъ, что нельзя ограничиться выборомъ одной только позиціи, а слѣдуетъ намѣтить цѣлый рядъ таковыхъ.

Вскорѣ послѣ этого ген. Линевицъ созвалъ 4-го іюля командующихъ арміями и ихъ начальниковъ штабовъ для четвертаго совѣщанія въ главной квартирѣ. На этомъ совѣщаніи главнокомандующій поставилъ вопросъ: что слѣдуетъ предпринять въ виду предположеннаго передвиженія непріятельскихъ войскъ къ востоку. Хотя на этотъ разъ и ген. Каульбарсъ, который постоянно стоялъ за оставленіе 3-й арміи за правымъ флангомъ для воспрепятствованія обхода, теперь былъ того мнѣнія, что эту армію придется примѣнить на лѣвомъ флангѣ, все же совѣщаніе не пришло ни къ какому рѣшенію, потому что оказалось, что своевременно не было принято никакихъ мѣръ къ движенію большихъ массъ войскъ въ труднопроходимой мѣстности на лѣвомъ флангѣ 1-й арміи, гдѣ никакихъ дорогъ не имѣлось.

Такъ какъ въ концѣ концовъ возникли сомнѣнія и относительно достовѣрности полученныхъ свѣдѣній, то ген. Линевицъ поставилъ на обсужденіе вопросъ,—не будетъ ли умѣстнымъ возобновить по всему фронту армій усиленные развѣдки. Казалось бы, что при такой близости непріятеля постоянныя и частыя развѣдки являлись сами по себѣ необходимой мѣрой. Но командующіе арміями были иного мнѣнія.

Ген. Батьяновъ высказался противъ всякихъ развѣдокъ, даже предпринимаемыхъ для практики охотничьихъ командъ; онъ сказалъ: „жаль, что при этомъ теряешь лучшихъ людей“. На это ген. Куропаткинъ возразилъ, что остальные зато обучаются бою, на что ген. Батьяновъ сказалъ, что „войска, не бывавшія еще въ бою, лучше идутъ въ огонь“.

Баронъ Каульбарсъ тоже былъ противъ производства развѣдокъ, въ виду того, что противникъ послѣ каждаго обнаруженія нами его слабыхъ пунктовъ приступалъ къ ихъ укрѣпленію. Только ген. Куропаткинъ считалъ необходимымъ произвести рекогносцировки, по крайней мѣрѣ, въ наименѣе ясныхъ мѣстахъ между арміями Куроки и Кавамуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ бывшій главнокомандующій указалъ на то, что слѣдуетъ продолжать вести частыя боевыя развѣдки. Съ этимъ согласился ген. Линевицъ.

Наиболѣе важнаго вопроса, который все еще не былъ рѣшенъ, а именно: какого образа дѣйствій должна держаться резервная армія при непріятельской атакѣ—на этомъ совѣщаніи не коснулись вовсе. Даже исторія русскаго генеральнаго штаба считаетъ „страннымъ“, что ни единымъ словомъ объ этомъ не было упомянуто и въ памятной запискѣ ген. Харкевича, въ которой приводятся разныя предложенія относительно образа дѣйствій на случай обхода русскаго лѣваго фланга.

Вопросъ объ активной оборонѣ, соединенной съ наступательнымъ образомъ дѣйствій, казался русскимъ начальникамъ настолько деликатнымъ, что они предпочитали лучше вовсе его не затрагивать. Дѣйствительно, на совѣщаніи 4-го іюля впервые было указано на возможность общаго наступленія, не ожидая еще атаки японцевъ. Поставленный ген. Линевицемъ вопросъ: „не будетъ ли своевременнымъ по полученіи всѣхъ укомплектованій перейти въ наступленіе или же слѣдуетъ выждать сперва прибытіе 8-го и 21-го армейскихъ корпусовъ“,—имѣлъ, по выраженію исторіи русскаго генеральнаго штаба, скорѣе „платоническій характеръ“. Баронъ Каульбарсъ не высказалъ никакого опредѣленнаго мнѣнія. Генераль-квартирмейстеръ ген. Орановскій сказалъ, что послѣ прибытія всѣхъ укомплектованій можно располагать, приблизительно, полумил-

ліономъ штыковъ, и тогда можно перейти въ наступленіе. Ген. Батяновъ и его начальникъ штаба Мартсонъ считали рискованнымъ вслѣдъ за полученіемъ укомплектованій переходить въ наступленіе. Куропаткинъ, вообще, поддерживалъ переходъ въ наступленіе, но поставилъ это опять въ зависимость отъ всевозможныхъ условій, — между прочимъ такихъ, которыя не могли быть выполнены въ близкомъ будущемъ, — какъ, на примѣръ, — образованіе запаса въ 150,000 чел. для пополненія потерь.

Въ концѣ концовъ рѣшеніе этого вопроса было отложено на неопредѣленное время, такъ какъ ген. Линевичь объявилъ, что послѣ прибытія укомплектованій — „если климатическія условія позволятъ — снова можно будетъ поднять вопросъ о переходѣ въ наступленіе“...

Единственное, на что главнокомандующій изъявилъ согласіе, было то, что штабамъ арміи было поручено представить соображенія о производствѣ встрѣчнаго удара послѣ успѣшнаго отраженія японской атаки, при чемъ штабамъ предложено было выработать соответствующіе планы. Во всѣхъ высшихъ штабахъ стали неимовѣрно много писать и проектировать, но дальше „соображеній“ и „предложеній“ не пошли, такъ какъ скоро, къ тому же, былъ заключенъ миръ.

Болѣе поучительнымъ, чѣмъ всѣ эти операціонные планы, — въ которыхъ, между прочимъ, особенно изощрилась 1-я армія ген. Куропаткина, — является докладъ генераль-квартирмейстера 3-й арміи, генераль-маіора Алексѣева, съ которымъ, какъ исключеніемъ изъ ряда этихъ письменностей, можно хоть разъ вполне согласиться. Генераль Алексѣевъ, вообще, не сочувствовалъ мысли вести наступленіе только послѣ отраженія непріятельской атаки и считалъ бессмыслицей выработать планъ во всѣхъ подробностяхъ на основаніи такого предположенія. Приблизительное предположеніе можетъ быть выработано, если предписываешь противнику свою волю, если предполагаешь поставить его въ зависимость отъ собственныхъ поступковъ. Если же наступленіе откладывается до того, вполне неопредѣленнаго и зависящаго отъ обстоятельствъ, момента, когда противникъ потерпитъ неудачу въ своемъ наступленіи, то невозможно преду-

смотреть условия, при которых придется переходить въ наступление,—прежде всего хотя бы потому, что неизвѣстно, въ какомъ положеніи и на какихъ позиціяхъ насъ застигнетъ окончаніе борьбы. А вѣдь эти данныя являются главной базой для соображеній при выработкѣ плана. „Будемъ ли къ началу контръ-атаки находиться только на лѣвомъ берегу Далахохе или же часть нашихъ боевыхъ силъ будетъ переброшена на правый берегъ. Положеніе дѣлъ ни въ коемъ случаѣ не будетъ одинаковымъ, поэтому и ближайшая задача при переходѣ въ наступленіе будетъ не одна и та же“. Подробный планъ, по мнѣнію ген. Алексѣева, „еще потому не можетъ быть выработанъ, что на этотъ планъ существенно будутъ вліять распределеніе и численность боевыхъ силъ, которыя противникъ сосредоточитъ въ теченіе боя на томъ или иномъ участкѣ, а также, гдѣ онъ окажетъ наиболѣе сильное сопротивленіе“.

Въ этихъ словахъ генераль-квартирмейстера 3-й арміи заключается осужденіе заблаговременнаго руководства боемъ, котораго еще нѣтъ. Со времени сраженія подъ Ляояномъ до заключенія мира высшіе русскіе штабы изощрялись въ составленіи „соображеній“, „предположеній“, „памятныхъ записокъ“ и „плановъ“, въ которыхъ принимались во вниманіе всевозможные случаи, но никогда эти случаи не соответствовали, конечно, тому, что оказывалось въ дѣйствительности. Подлинная обстановка всегда требовала отъ начальниковъ такихъ рѣшеній, которыя раньше не обсуждались вовсе; для рѣшенія такихъ внезапныхъ задачъ существовалъ только одинъ способъ: принять соответствующее рѣшеніе, вытекающее изъ даннаго положенія, и осуществить его на дѣлѣ путемъ сильной воли и надлежащаго умѣнія. Но этихъ-то талантовъ у русскихъ начальниковъ и не имѣлось. А всякіе письменные предположенія и проекты, которые разрабатывались въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, конечно, не могли закалить ихъ въ рѣшимости.

Особенно интересенъ планъ, который былъ выработанъ, по указанію генерала Линевича, и. д. генераль-квартирмейстера 2-й арміи полковникомъ Бабиковымъ; планъ этотъ былъ представленъ главнокомандующему только 7-го сентября, т. е. послѣ заключенія перемирія. Этотъ планъ, дѣлающій честь его автору,

совершенно не согласовался съ мнѣніями, исходившими до сего времени изъ штаба 2-й арміи. Среди безчисленныхъ памятныхъ записокъ и проектовъ, занимавшихся вопросомъ о контръ-атакахъ, здѣсь впервые — и притомъ единственный разъ — было выражено вполне ясное и опредѣленное мнѣніе.

До сихъ поръ во всѣхъ планахъ авторы исходили изъ того мнѣнія, что резервы должны быть введены на томъ участкѣ противъ котораго непріятель поведетъ главный ударъ, вслѣдствіе чего задача резервовъ, смотря по различнымъ мнѣніямъ, ставилась весьма разнообразная и постоянно мѣнялась; между тѣмъ полк. Бабиновъ исходилъ въ своемъ планѣ изъ той мысли, что резервамъ нужно указать такое мѣсто, изъ котораго они непосредственно энергичными дѣйствіями могутъ парировать всякія случайности. Поэтому, по его предложенію, слѣдовало сосредоточить за правымъ флангомъ 2-й арміи *пять армейскихъ корпусовъ* 3-й арміи, съ цѣлью энергично атаковать противника между границей Монголіи и Чжаосытайхе, гдѣ бы онъ ни повелъ атаку — на правомъ флангѣ, лѣвомъ флангѣ или противъ центра. Для поддержанія этой атаки 1-я армія должна была расположить свои два резервныхъ корпуса за серединой всей позиціи, у желѣзной дороги. Въ худшемъ случаѣ, а именно если противникъ направитъ атаку на лѣвый флангъ, то для встрѣчнаго удара имѣлось бы, включая и правофланговый корпусъ 2-й арміи, 15 дивизій, т. е. такія силы, которыхъ было бы вполне достаточно для быстрого и рѣшительнаго удара. Побѣда здѣсь отрѣзала бы почти все непріятельскія войска отъ ихъ важнѣйшихъ путей сообщеній, послѣ чего они были бы вынуждены базироваться только на Корею.

Главнокомандующій не высказался относительно этого операціоннаго плана, предложеннаго штабомъ 2-й арміи. Онъ сдѣлалъ только на немъ отмѣтку: *„Генералу Орановскому для свѣдѣнія, и какъ матеріалъ для составленія общаго наступательнаго плана, который разработать по возможности скорее“*...

Теперь именно, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ колебаній и промедленій, остановились, наконецъ, на мысли перейти въ наступленіе, не дожидаясь атаки японцевъ. Начало перегово-

ровъ о мирѣ возбудило желаніе, путемъ какого-нибудь военного успѣха—оказать вліяніе на ходъ переговоровъ. Но такъ какъ японцы не обнаруживали признаковъ жизни, то добиться успѣха можно было только путемъ собственнаго наступленія, независимо отъ дѣятельности противника.

Снова командующіе арміями оказались различнаго мнѣнія о томъ, какъ слѣдовало поступить. Въ то время какъ ген. Куропаткинъ стоялъ за нанесеніе главнаго удара его собственнымъ лѣвымъ флангомъ, ген. Каульбарсъ и Батьяновъ рѣшительно высказывались за атаку въ охватъ лѣваго японскаго фланга.

Главкомандующій сперва уклонился отъ всякаго рѣшенія, которое ему трудно было принять еще потому, что и въ собственномъ его лагерѣ, въ главной квартирѣ, мнѣнія рѣзко расходились: генераль-квартирмейстеръ Орановскій подалъ докладъ, въ которомъ предлагалъ произвести атаку съ охватомъ японскаго лѣваго фланга, тогда какъ начальникъ штаба ген. Харкевичъ не утвердилъ этого плана, потому что онъ отдавалъ предпочтеніе атакѣ праваго фланга противника; оба руководителя главной квартиры не могли прійти къ соглашенію, и поэтому ген. Харкевичъ рѣшилъ представить свое разногласіе во взглядахъ съ генераль-квартирмейстеромъ на усмотрѣніе главнокомандующаго.

Въ общемъ, и новый планъ наступательныхъ дѣйствій не могъ, однако, освободиться отъ позиціонной стратегіи, которой русскіе придерживались до того времени. Ген. Орановскій предлагалъ: „нашъ фронтъ продвинуть впередъ захватомъ одной близлежащей непріятельской позиціи, укрѣпить ее и, опираясь на эту позицію, энергично атаковать непріятеля“. Эта позиція была уже намѣчена и обрекогносцирована на линіи Таулу—Палитунъ. Исходили изъ той мысли, чтобы задержать противника на фронтѣ, въ то время когда 3-я армія будетъ производить охватъ непріятельскаго лѣваго фланга. Но не трудно предвидѣть, что укрѣпленная позиція еще болѣе мѣшала бы наступленію, удерживая собственныя войска отъ стремленія энергично броситься на противника. Кромѣ того, при такомъ планѣ было бы потеряно одно изъ главныхъ условій успѣха:

неожиданность дѣйствій, какъ это случилось при наступленіи на Шахе.

20-го августа, когда ген. Харкевичъ представилъ памятную записку ген. Орановскаго съ уклончивой на ней резолюціей „на усмотрѣніе главнокомандующаго“ — ген. Линевиچъ получилъ слѣдующую телеграмму изъ Петербурга:

„Недавно вы доносили, что армія готова къ исполненію своей задачи и что вы представите соображенія относительно наступленія. Твердо увѣрены, что вы не замедлите показать силу русскаго оружія, какъ только этого допустятъ обстоятельства, и перейдете тотчасъ къ рѣшительному наступленію безъ особаго разрѣшенія и одобренія. Вамъ на театрѣ войны виднѣе положеніе дѣлъ, чтобы судить, какое слѣдуетъ принять рѣшеніе, не теряя драгоцѣннаго времени. Политическое положеніе и интересы Россіи требуютъ немедленнаго успѣха нашего оружія. Переговоры въ американскомъ Портсмутѣ не должны ослаблять вашей энергіи для достиженія успѣха надъ непріятелемъ. Я знаю хорошо, что задачи, на васъ возлагаемыя, очень тяжелы и отвѣтственны. Когда вамъ было ввѣрено главное командованіе надъ арміями, вамъ вѣрили и теперь вѣрятъ въ мудрость вашего руководства, рѣшимость дѣйствій, а также въ высокую доблесть армій. Вся Россія молится, чтобы Богъ помогъ вамъ и славнымъ войскамъ выполнить съ успѣхомъ и честью возложенную на всѣхъ васъ тяжелую, но славную задачу“.

Ген. Линевичу ничего не оставалось иного, какъ принять рѣшеніе о немедленномъ наступленіи, но такъ какъ онъ все же не хотѣлъ брать на себя лично всю отвѣтственность, то снова, на 29-е августа, созвалъ командующихъ арміями въ свою главную квартиру на совѣщаніе.

Сначала на обсужденіе былъ поставленъ вопросъ, возбужденный ген. Орановскимъ при поддержкѣ командующаго 3-й арміей: слѣдуетъ ли передъ переходомъ въ наступленіе передвинуть арміи на новую позицію ближе къ непріятелю, чтобы оттуда начать наступленіе. Повидимому, ген. Куропаткинъ вынесъ поучительный урокъ изъ своего злосчастнаго наступленія

на Шахе, такъ какъ онъ на упомянутое предложеніе ген. Орановскаго весьма правильно замѣтилъ, что такой образъ дѣйствій очень опасенъ, потому что войска будутъ прикованы къ новой позиціи и потеряютъ всякую способность и желаніе маневрировать. Ген. Линевичь былъ иного мнѣнія, „такъ какъ войска на этихъ позиціяхъ будутъ только распределены для работъ; когда же мы перейдемъ въ наступленіе, то эти позиціи будутъ брошены“. Эта резолюція, взятая мною изъ военнаго дневника штаба главнокомандующаго, не вполне понятна.

Хотя на этомъ совѣщаніи командующіе всѣми тремя арміями высказались за то, чтобы начать наступленіе правымъ флангомъ съ охватомъ непріятельскаго лѣваго фланга, въ виду того, что мѣстность тутъ допускала маневрированіе большими частями войскъ, ген. Линевичь высказался вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба, что предпочтительнѣе вести атаку *лѣвымъ флангомъ*, такъ какъ, когда японцамъ придется отступать на западъ, то при переходѣ рѣки Ляохе они наткнутся на значительныя затрудненія. Впрочемъ, черезъ три дня главнокомандующій уже измѣнилъ свое мнѣніе и попросилъ 1-го сентября своего генералъ-квартирмейстера выработать въ общихъ чертахъ новый наступательный планъ, при чемъ главный ударъ долженъ быть нанесенъ группой войскъ изъ шести корпусовъ на лѣвый флангъ японцевъ одновременно съ охватомъ этого фланга. Въ такомъ смыслѣ ген. Линевичь приказалъ написать директивы для командующихъ арміями.

Самымъ важнымъ вопросомъ на совѣщаніи 29 августа былъ вопросъ, когда собственно начать наступленіе. Было рѣшено перейти въ наступленіе „какъ только корпуса займутъ указанныя имъ мѣста и подготовлены будутъ пути для связи“.

Во всѣхъ планахъ для перехода въ наступленіе большую роль игралъ вопросъ о своевременномъ передвиженіи подкрѣпленій. Очень поздно сознали, что для этого ничего не было приготовлено. Считали необходимымъ приступить къ постройкѣ желѣзнодорожной вѣтки съ нормальной колеей отъ главной линіи къ обоимъ флангамъ позиціи, а также цѣлой сѣти лѣвыхъ дорогъ съ конной тягой. Но для этого далеко не хва-

тало того матеріала, который имѣлся въ распоряженіи армій. Для проектированнаго наступленія съ охватомъ японскаго лѣваго фланга необходимо было свыше 500 километр. полевыхъ желѣзныхъ дорогъ; а въ серединѣ августа налицо имѣлось матеріала всего только на 200 километровъ; въ сентябрѣ ожидалось прибытіе матеріала еще на 200 километровъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ и предстоящей огромной работы пришли къ заключенію, что окончаніе постройки всѣхъ сообщений для наступленія едва ли можно ожидать ранѣе начала ноября, и поэтому начало наступленія должно быть отложено до того времени. Исторія русскаго генеральнаго штаба указываетъ при этомъ, что наступающая обыкновенно въ ноябрѣ холодная зима, вѣроятно, остановила бы дѣятельность армій до весны 1906 года. Едва ли можно предположить, что наступленіе было невозможно безъ постройки всѣхъ этихъ полевыхъ дорогъ. Скорѣе можно допустить, что недостатокъ матеріала явился желаннымъ предлогомъ отложить наступленіе.

Исторія генеральнаго штаба говоритъ по этому поводу: „Не подлежитъ сомнѣнію, что обнаружившаяся только въ концѣ августа невозможность начать своевременно наступленіе объясняется тѣмъ, что главнокомандующимъ слишкомъ поздно было принято рѣшеніе перейти въ наступленіе. Если бы это рѣшеніе было принято раньше, то раньше бы и обнаружилась необходимость приступить къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, и работа была бы сдѣлана своевременно... Медлительность рѣшенія главнокомандующаго заставляетъ думать, что онъ считалъ силы, бывшія въ его распоряженіи, недостаточными, чтобы съ полной увѣренностью разсчитывать на успѣхъ наступленія“.

Во всякомъ случаѣ, теперь поздно было приступать къ приготовленіямъ для наступленія. 1-го сентября изъ Петербурга было получено извѣстіе о происшедшемъ въ Портсмутѣ соглашеніи уполномоченныхъ относительно условій мира. Телеграмма говорила слѣдующее:

„Переговоры о мирѣ въ Портсмутѣ 19-го августа клонились уже къ тому, чтобы наши уполномоченные отвергли японскія требованія, которыя сводились къ слѣдующему: уступка острова Сахалина, уплата военной контрибуціи, выдача нашихъ воен-

ныхъ судовъ, находящихся подъ защитой нейтральныхъ портовъ, и, наконецъ, сокращеніе нашихъ морскихъ боевыхъ силъ въ водахъ Тихаго океана. Однако, при дальнѣйшихъ переговорахъ къ 29-му августа японское правительство уступило во всѣхъ своихъ требованіяхъ, но просило, чтобы ту часть Сахалина, которая занята японскими войсками, возвратить Японіи, какъ принадлежавшую ей до 1875 года и уступленную Россіи по договору.

„Самоотверженная и дорогая армія послѣ того, какъ она въ теченіе 18 мѣсяцевъ отражала шагъ за шагомъ натискъ превосходныхъ силъ противника въ Манчжуріи, остановила его наступленіе. Подъ вашимъ начальствомъ она организовалась, усилилась прибывшими изъ Россіи войсками и теперь, болѣе сильная и многочисленная чѣмъ когда-либо, готова не только атаковать противника, но и нанести ему могучій ударъ.

„Вся Россія вѣритъ силѣ славной арміи и въ ея готовность пожертвовать собою для блага Россіи. Но долгъ передъ совѣстью и передъ Божимъ Промысломъ велитъ не ставить снова на испытаніе мужество дорогихъ русскихъ воиновъ и подвергнуть ихъ еще разъ безконечнымъ ужасамъ войны только для того, чтобы сохранить половину отдаленнаго острова, который намъ былъ уступленъ Японіей въ 1875 году,—въ особенности въ виду обязательствъ, которыя японское правительство взяло на себя относительно этого острова.

„Предварительныя условія мира приняты. Передайте дорогой арміи спасибо за неоднократно выказанныя въ эту кровавую войну русскими войсками храбрость и самопожертвованіе. Пусть она знаетъ, что Россія цѣнитъ жертвы, которыя были принесены ею въ эту войну.

„Примите мѣры, чтобы выяснитъ войскамъ надлежащимъ образомъ новое положеніе дѣлъ, при чемъ слѣдуетъ озаботиться о томъ, чтобы пощадить наши силы, не разрушая общей боевой готовности. Политическія событія нельзя предусмотрѣть всегда; поэтому будьте ко всему готовы, но не давайте повода съ нашей стороны къ международнымъ осложненіямъ. Мѣры, принятыя къ усиленію арміи, идутъ своимъ правильнымъ ходомъ. Не упустите распоряженій для ознакомленія арміи съ

положеніемъ вещей; необходимо усилить мѣры предосторожности, если мы желаемъ мира и должны быть готовы ко всѣмъ неожиданностямъ. Оставайтесь въ полной боевой готовности. Да поможетъ и сохранить васъ всѣхъ Богъ“.

Вскорѣ послѣ полученія этой телеграммы были получены свѣдѣнія, что японцы атаковали 31-го августа и 1-го сентября русскіе передовые посты въ сѣверной Корей. На этомъ основаніи главнокомандующій запросилъ по телеграфу въ Петербургъ:—„Слѣдуетъ ли, какъ до сего времени, предпринимать и дальше развѣдки о положеніи противника, или, вообще, какія-нибудь наступательныя дѣйствія для выдвигенія передовыхъ постовъ; или же, въ виду мирныхъ переговоровъ, ограничиться только пассивной обороной нашего расположенія“. На это послѣдовалъ отвѣтъ: „Въ виду того, что перемиріе наступитъ только одновременно съ подписаніемъ мирнаго договора, то продолженіе активной дѣятельности передовыхъ постовъ правильно. Еще разъ—будьте готовы ко всему“.

Но уже три дня спустя, 5-го сентября, въ Портсмутѣ былъ подписанъ мирный договоръ, а 12-го сентября заключено было перемиріе и на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Неоднократно съ русской стороны, въ особенности ген. Куропаткинъ, утверждали, что уже ранней осенью 1905 года армія была готова къ наступленію и могла уничтожить противника и что только преждевременное заключеніе мира помѣшало довести войну до побѣдоноснаго конца. Графа Витте осыпали тяжкими упреками и на него пытались взвалить всю вину за невыгодный миръ.

Куропаткинъ пишетъ въ своемъ „Отчетъ“:

Ко времени заключенія мира русскія арміи стояли въ числѣ почти одного милліона борцовъ на позиціяхъ, занятыхъ послѣ сраженія подъ Мукденомъ, и были готовы не только къ оборонѣ, но и къ рѣшительной атакѣ... Относясь съ глубокимъ почтеніемъ къ дѣятельности армій, я вспоминаю, съ какимъ прискорбіемъ была принята всей арміей вѣсть о мирѣ. Каждый, офицеръ и солдатъ, былъ удрученъ одной и той же мыслью: „война окончена до достиженія побѣды надъ противникомъ“...

Конечно, это былъ фактъ прискорбный; но въ арміи было мало, кто еще надѣялся на успѣшное окончаніе войны. Не говоря о моральномъ состояніи арміи, которое ужасающимъ образомъ обнаружилось послѣ заключенія мира многочисленными нарушеніями дисциплины и бунтами, выше изложено было описаніе подготовительной работы начальства въ теченіе полугода расположенія армій на позиціи у Сыпингая, изъ чего ясно видно, что нечего было и думать объ успѣшномъ переходѣ въ наступленіе ко времени заключенія мира. Вышее начальство колебалось безконечно въ своихъ наступательныхъ намѣреніяхъ и дальше плановъ не шло; и когда, наконецъ, подѣ давленіемъ изъ Петербурга, надо было перейти въ наступленіе, тогда только обнаружилось, что для этого ничего не подготовлено.

Въ особенности генералы Куропаткинъ и Линевичь не имѣли никакихъ основаній обвинять графа Витте въ измѣнѣ за то, что этотъ послѣдній, ясно сознавая, что армія неспособна къ дальнѣйшимъ успѣшнымъ операціямъ, заключилъ миръ. Что этотъ миръ не былъ для Россіи очень выгоднымъ—вина не его; она должна быть отнесена единственно на долю арміи и ея руководителей.

ГЛАВА IV.

Усиленные рекогносцировки и атака японской позиции у Санвайка кавалерийским отрядомъ ген. Мищенко.

Боевая дѣятельность русскихъ войскъ, въ періодъ отъ сраженія подъ Мукденомъ до заключенія мира, ограничивается дѣятельностью передовыхъ постовъ и рекогносцировочныхъ отрядовъ.

Мы уже видѣли, что, несмотря на близость противника, о его расположеніи и распредѣленіи силъ замѣчалась полнѣйшая неосвѣдомленность. Развѣдки кавалеріей совершенно прекратились во время стоянки на позиціи у Сыпингая; впоследствии, когда обѣ арміи стояли на сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ, на разстояніи одного перехода другъ противъ друга, эти развѣдки не могли, по крайней мѣрѣ передъ фронтомъ позицій, принести много пользы. Рекогносцировки командами пѣхоты, подъ начальствомъ офицеровъ, очевидно, не могли имѣть успѣха, — по крайней мѣрѣ онѣ не дали никакихъ результатовъ. Такимъ образомъ, русскіе войсковые начальники были вынуждены прибѣгнуть къ усиленнымъ рекогносцировкамъ, которыя примѣнялись довольно широко и предпринимались иной разъ нѣсколькими отрядами одновременно передъ всѣмъ фронтомъ Сыпингайской позиціи.

Главная задача этихъ усиленныхъ развѣдокъ, — выясненіе численности и распредѣленія силъ противника, расположенія характера и силы его укрѣпленій — достигалась въ такой

незначительной мѣрѣ, что въ серединѣ лѣта онѣ были совершенно приостановлены, и добываніе свѣдѣній о противникѣ было предоставлено исключительно китайскимъ шпионамъ. Командующій 3-й арміей выразилъ, по поводу этихъ развѣдокъ, сожалѣніе, что при этомъ только теряешь лучшихъ людей. Но при этихъ развѣдкахъ имѣлось, кромѣ того, въ виду воспитательное значеніе ихъ для войскъ въ теченіе долгаго періода бездѣятельности арміи!

Ген. Куропаткинъ пишетъ въ своемъ отчетѣ: „Сотни запасныхъ и новобранцевъ, прибывшихъ на пополненіе арміи, постепенно въ этихъ стычкахъ приобрѣтали навыкъ къ огню, знакомились съ неизвѣстной мѣстностью и условіями войны“.

Однако, иногда казалось, что важнѣйшей задачей этихъ развѣдокъ считалась необходимость занять чѣмъ-нибудь войска, потому что только этимъ можно объяснить полнѣйшую непланомѣрность въ организаціи и выполненіи ихъ. Что же касается добыванія свѣдѣній о непріятелѣ, то въ виду того, что войска всегда старались уклониться отъ серьезнаго столкновенія, эти развѣдки и не могли дать никакихъ свѣдѣній о противникѣ.

Исторія русскаго генеральнаго штаба приводитъ 37 усиленныхъ рекогносцировокъ, предпринятыхъ въ періодъ отъ начала апрѣля до конца августа. Особенно дѣятельнымъ при этомъ выказалъ себя отрядъ ген. Ренненкампа у Хейлунчена: подъ личнымъ руководствомъ этого генерала было произведено не меньше восьми усиленныхъ рекогносцировокъ.

Но нигдѣ въ этихъ рекогносцировкахъ не видимъ сколько-нибудь серьезнаго столкновенія; потери были незначительны, а потому большая часть этихъ стычекъ представляетъ мало интереснаго. Иной разъ для этихъ развѣдокъ назначались отъ каждаго изъ расположенныхъ впереди армейскихъ корпусовъ 2 — 4 батальона съ нѣсколькими сотнями и соотвѣтствующей артиллеріей. Каждый такой отрядъ дѣйствовалъ самостоятельно, безъ общаго руководства по всей линіи, безъ взаимной поддержки, и, вообще, безъ общаго плана. Эти небольшія предпріятія, въ которыхъ многочисленнымъ

младшимъ начальникамъ давалась возможность проявить инициативу, снова показали, что этого качества лишены не только высшіе начальники, но и начальники всѣхъ степеней.

Общія потери во время этихъ развѣдокъ въ теченіе послѣдняго, почти полугодоваго, періода войны, составили: *нижнихъ чиновъ*—178 убитыхъ, 1030 раненыхъ и 69 безъ вѣсти пропавшихъ. *Офицеровъ* было убито 10, ранено 53 и 1 безъ вѣсти пропавшій.

Ниже отмѣтимъ вкратцѣ тѣ развѣдки, которыя заслуживаютъ нѣкотораго вниманія.

1. Развѣдка ген. Ренненкампа на Инпань.

Ген. Ренненкампфъ лично руководилъ этой развѣдкой, которая продолжалась съ 10-го по 15-е апрѣля и была произведена 1 батальономъ, 7 сотнями, 8 охотничьими командами (въ томъ числѣ 4 конныхъ) и 6 горными орудіями. Побудительная причина для этой рекогносцировки было полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было свѣдѣній о противникѣ, находящемся противъ Хейлунчена, куда былъ направленъ отрядъ ген. Ренненкампа, при отступленіи отъ Мукдена, для прикрытія дороги, ведущей на Гиринъ.

Развѣдка эта была въ томъ смыслѣ успѣшна, что при небольшой стычкѣ съ непріятельскими передовыми постами было взято въ плѣнъ два японца: одинъ 43-го пѣх. полка 11-й дивизіи, а второй 11-го кавалерійскаго полка, чѣмъ было установлено присутствіе 11-й японской дивизіи. Конныя части ген. Ренненкампа дошли до Каулинзы. Когда же затѣмъ стала наступать непріятельская пѣхота отъ Инпана и Синцзинтина, то ген. Ренненкампфъ рѣшилъ отступить, что и было выполнено съ незначительными арьергардными боями.

Эту развѣдку стоитъ отмѣтить въ томъ отношеніи, что при ней были совершены болѣе продолжительные переходы. Пѣхота прошла въ теченіе шести дней 150 километровъ по тяжелымъ горнымъ дорогамъ, въ дождь и снѣжныя метели. Отрядъ потерялъ 5 чел. убитыми и 20 ранеными.

Этой незначительной потерѣ не соответствуетъ количество потраченныхъ при этомъ боевыхъ припасовъ, а именно: не менѣе 89,559 ружейныхъ патроновъ и 293 артиллерійскихъ снаряда. Полученный развѣдкой результатъ не соответствовалъ ни большой затратѣ силъ и боевыхъ припасовъ, ни личному руководству предпріятіемъ самимъ корпуснымъ командиромъ; казалось бы, что тѣ же результаты могли быть получены, если бы нѣсколько офицерскихъ развѣздовъ сохраняли бы связь съ непріателемъ.

2. Развѣдки 1-й и 2-й армій 21—23 апрѣля.

То же самое можно сказать и объ усиленной рекогносцировкѣ, произведенной передъ всѣмъ фронтомъ 1-й и 2-й армій 21—23 апрѣля. Въ этой развѣдкѣ приняли участіе восемь отрядовъ въ составѣ $26\frac{1}{2}$ батальоновъ, около 50 сотенъ, многочисленныя охотничьи команды и артиллерія. Въ виду того, что развѣдки до сего времени не давали никакихъ результатовъ, ген. Куропаткинъ рѣшилъ попытаться произвести усиленную рекогносцировку въ большомъ масштабѣ. Отъ четырехъ корпусовъ его арміи, стоявшихъ въ передовой линіи къ востоку отъ желѣзной дороги, а также отъ отряда ген. Ренненкампа, для этой цѣли были назначены отряды силою отъ 2 до 6 батальоновъ съ многочисленной кавалеріей и артиллеріей. Кромѣ того, въ этой рекогносцировкѣ приняли участіе, по настоянію ген. Куропаткина, смѣшанные отряды отъ трехъ корпусовъ 2-й арміи, расположенныхъ къ западу отъ желѣзной дороги.

Въ 1-й арміи главная задача выпала на долю передовыхъ отрядовъ 3-го Сибирскаго корпуса (6 батальоновъ, 9 сотенъ, 4 охотничьи команды и 4 орудія подъ начальствомъ ген. Туманова). Въ виду предположенія, что у Каюяна находятся значительныя силы противника, которыя прикрыты къ востоку отъ желѣзной дороги лишь слабыми передовыми войсками, князю Туманову было приказано „наступать на Наншенца вдоль Гиринской дороги и тамъ демонстративной ата-

кой привлечь на себя вниманіе противника“. Большой ясностью эта задача не отличалась. Еще менѣе ясной была задача отрядовъ 1-го, 2-го и 4-го Сибирскихъ корпусовъ, которымъ приказано было „наступать между Мандаринской дорогой, ведущей на Гирингъ, и желѣзной дорогой, и прикрывать отрядъ Туманова съ запада“.

На второй день, т. е. 22-го апрѣля, отрядъ Туманова выдержалъ успѣшныя бои съ японскими передовыми частями у Наншенца и къ югу отъ этого пункта. „Большое количество брошенныхъ писемъ, консервовъ и т. д., согласно донесенію Туманова, указываетъ на посѣшное отступленіе японцевъ, которые, по словамъ китайцевъ, понесли большія потери“.

23-го апрѣля князь Тумановъ намѣревался занять Каюянъ, гдѣ, повидимому, находились только японскіе передовые посты. Для прикрытія своего тыла онъ оставилъ 1^{1/2} батальона у Наншенца. Непрiятель занималъ укрѣпленную позицію, которая была расположена полукругомъ къ сѣверу и къ востоку отъ городка. Передовые посты противника были вытѣснены изъ нѣсколькихъ деревень къ сѣвер-востоку и востоку отъ Каюяна и отряду князя Туманова, пожалуй, удалось бы занять Каюянъ, если бы онъ получилъ поддержку отъ сосѣднихъ отрядовъ и если бы существовало, вообще, какое-нибудь единство дѣйствій различныхъ отрядовъ. Непосредственно вправо отъ отряда Туманова находился отрядъ 1-го Сибирскаго корпуса; дальше къ востоку, по дорогѣ, ведущей къ Каюяну съ сѣвера, находился отрядъ 2-го Сибирскаго корпуса. Начальникъ отряда 1-го Сибирскаго корпуса, полк. Ивановъ, отклонилъ просьбу князя Туманова о поддержкѣ его атаки на Каюянъ на томъ основаніи, что его пѣхота слишкомъ утомлена вслѣдствіе тяжелыхъ дорогъ. Съ 2-мъ Сибирскимъ корпусомъ князь Тумановъ вовсе и не вошелъ, повидимому, въ связь. Хотя онъ въ своей реляціи и говоритъ: „боевая линія нѣсколько разъ такъ близко подходила къ городу, что я былъ вынужденъ посылать неоднократно нѣкоторымъ отрядамъ приказанія наступать медленнѣе“, все же кн. Тумановъ рѣшилъ прекратить бой и отступить, когда въ 6 час. вечера его патрули донесли, что съ юга въ городъ вступаютъ 5 непріятельскихъ эскадроновъ съ 4 орудіями. Къ отступленію при-

соединились и сосѣдніе отряды 1-го и 2-го Сибирскихъ корпусовъ, изъ которыхъ первый оставался въ совершенной бездѣтельности, а послѣдній успѣлъ подойти близко къ непріятельскимъ позиціямъ съ сѣвера и былъ готовъ даже и къ штыковой атакѣ, но, узнавъ про отступленіи отряда Туманова, онъ также рѣшилъ отступить.

Къ западу отъ желѣзной дороги цѣлью развѣдочныхъ отрядовъ былъ городъ Чжантуфу. Получивъ извѣстіе, что отряды 2-й арміи намѣреваются атаковать упомянутый пунктъ, правая колонна 1-й арміи (отъ 4-го Сиб. кор.), которая наступала вдоль желѣзной дороги, была, по распоряженію ген. Куропаткина, значительно усилена, — гораздо болѣе, чѣмъ первоначально это имѣлось въ виду. Въ составъ этой колонны вошли 6 батальоновъ, 5 сотенъ, 4 охотничьихъ конныхъ команды и 4 горныхъ орудія подъ начальствомъ командира 2-й бригады Донской казачьей дивизіи генераль-маіора Абрамова. Этотъ отрядъ 22-го апрѣля подошелъ на 2 километра къ сѣверу отъ станціи Чжантуфу (въ 7 километрахъ къ востоку отъ города), гдѣ разсѣялъ японскій кавалерійскій сторожевой карауль, при чемъ захватилъ въ плѣнъ двухъ раненыхъ японцевъ.

Далѣе, къ западу, наступали три отряда 2-й арміи, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ 2 батальоновъ съ кавалеріей и артиллеріей; въ центрѣ, по дорогѣ Мамыкай—Чжантуфу, наступалъ отрядъ 6-го Сиб. корп.; влѣво, вдоль желѣзной дороги, — отрядъ 8-го армейскаго корпуса, а непосредственно вправо — отрядъ своднаго стрѣлковаго корпуса. Впереди двигалась кавалерія генерала Толмачева (6 сотенъ Оренбургскаго каз. войска и 7 конныхъ охотничьихъ командъ), которая, однако, держалась близко къ пѣхотѣ и вскорѣ совсѣмъ скрылась изъ виду, за пѣхоту.

Изъ этихъ трехъ отрядовъ только средній (6-го Сиб. корп.), подъ начальствомъ полк. Тюбукина, двигался съ полнымъ сознаниемъ цѣли; онъ достигъ 22-го апрѣля мѣстности къ сѣверу отъ города Чжантуфу, которымъ собирался овладѣть 23-го апрѣля. По словамъ китайцевъ, этотъ городъ, окруженный стѣнами, былъ занятъ 7-8 ротами съ нѣсколькими ору-

діями. 23-го отрядъ Тюбукина началъ наступать къ городу, отбросилъ непріятельскіе передовые посты и расположился у оврага непосредственно около сѣверной стѣны города; оба орудія отряда открыли огонь. Въ такомъ положеніи полк. Тюбукинъ сталъ ожидать прибытія сосѣдняго отряда, который онъ просилъ поддержать атаку. Въ этой атакѣ могли принять участіе 12 батальоновъ—6 отъ 2-й арміи и 6 отъ отряда ген. Абрамова. Но начальники отрядовъ 8-го и стрѣлковаго корпусовъ вовсе не имѣли желанія брать на себя отвѣтственность за какой-нибудь серьезный бой. Эти отряды еще наканунѣ отстали, и приняли участіе въ бою только въ томъ отношеніи, что ихъ артиллерія была продвинута впередъ и сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ по непріятельскимъ окопамъ у Чжантуфу. Только ген. Абрамовъ, который продвинулся впередъ, вдоль желѣзной дороги, по просьбѣ полк. Тюбукина направился со своей пѣхотой и артиллеріей къ западу, по направленію къ городу Чжантуфу, гдѣ и развернулся для атаки восточнаго края города.

Отсутствіе плана всего предпріятія становится яснымъ изъ переписки между начальниками отдѣльных отрядовъ. Генераль Абрамовъ сообщилъ полк. Тюбукину о своемъ наступленіи на Чжантуфу и говоритъ: „Сообщите мнѣ о вашихъ намѣреніяхъ. Намѣреваетесь ли вы занять Чжантуфу или ограничитесь только развѣдкой“. Одновременно ген. Абрамовъ послалъ къ начальнику развѣдочнаго отряда 8-го корпуса, полк. Абакановичу, который находился всего въ нѣсколькихъ километрахъ сѣвернѣе у желѣзной дороги, просить его о поддержкѣ атаки съ сѣвера. На это полк. Абакановичъ отвѣтилъ, что въ виду невозможности эвакуировать раненыхъ, если таковыя будутъ, а также въ виду недостатка продовольственныхъ запасовъ,—главнымъ образомъ благодаря полученному приказу, не ввязываться въ бой,—лично считаетъ развѣдку законченной; тѣмъ болѣе, что у него имѣется уже достаточно свѣдѣній о противникѣ.

Когда ген. Абрамовъ выразилъ полк. Абакановичу сожалѣніе, что онъ не склоненъ продолжать развѣдку, то этотъ послѣдній отвѣтилъ ему на бланкѣ слѣдующее: „Мой отрядъ и я совер-

шенно подчинены вамъ, какъ старшему, поэтому вамъ остается только принять рѣшеніе, и я ему подчиняюсь. Вы сказали, что я „не склоненъ“, но моя обязанность подчиниться рѣшенію старшаго, поэтому прошу приказаній“. Такимъ образомъ полк. Абакановичъ пытался свалить съ себя отвѣтственность за свое рѣшеніе; но и ген. Абрамовъ не желалъ брать ее на себя.

Почти одновременно съ первымъ донесеніемъ полк. Абакановича, — что онъ считаетъ развѣдку законченной, — ген. Абрамовъ около 4 час. дня получилъ донесеніе отъ полк. Тюбукина, что развѣдывательный отрядъ стрѣлковаго корпуса открылъ огонь и будетъ штурмовать Чжантуфу, какъ только будетъ установлена болѣе тѣсная связь съ ген. Абрамовымъ. На это послѣдній отвѣтилъ: „Насколько меня обрадовало ваше намѣреніе, настолько я огорченъ отвѣтомъ начальника отряда 8-го армейскаго корпуса, который собирается довольствоваться развѣдкой Чжантуфу. При такой несогласованности во взглядахъ отрядовъ вашего и 2-й арміи, я, дѣйствуя по собственной инициативѣ, долженъ выжидать дальнѣйшее, и если до 5 час. дня не послѣдуетъ артиллерійская канонада, то въ 5 час. 5 мин. я отойду подъ прикрытіемъ отряда 8-го корпуса, какъ это уже условлено“.

Какъ видно, было сказано много словъ, но къ дѣлу не приступали. Полк. Тюбукинъ получилъ послѣднее извѣстіе отъ ген. Абрамова въ 4 час. 20 мин. пополудни. Къ этому времени отрядъ стрѣлковаго корпуса уже прекратилъ свой артиллерійскій огонь. Огонь же обоихъ орудій отряда полк. Тюбукина не былъ принятъ ген. Абрамовымъ за условленную канонаду, вслѣдствіе чего онъ въ 5 час. 10 мин. пополудни отдалъ своимъ войскамъ приказъ очистить позиціи.

Этимъ закончилась усиленная рекогносцировка Чжантуфу. Всѣ остальные отряды присоединились къ отступленію отряда ген. Абрамова. Каждый изъ начальниковъ четырехъ развѣдочныхъ отрядовъ пошелъ по своей дорогѣ (дѣйствовалъ по-своему); не доставало общаго стремленія, направленнаго къ достиженію одной и той же цѣли. Никто не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности. Ген. Абрамова огорчило, что начальникъ

сосѣдняго отряда считалъ свою задачу законченною именно тогда, когда онъ хотѣлъ имъ воспользоваться для атаки Чжантуфу; въ то же время и ген. Абрамовъ рѣшилъ отступать, несмотря на то, что полк. Тюбукинъ просить его о содѣйствіи при атакѣ. Сколько головъ, сколько умовъ, но нигдѣ не видишь твердой воли и рѣшимости для достиженія какой-нибудь опредѣленной цѣли.

Все же кавалерія ген. Абрамова могла отмѣтить небольшою успѣхъ, заключавшійся въ томъ, что когда главныя силы направились къ Чжантуфу, конница пошла далѣе на югъ, атаковала обозъ, идущій изъ Каюяна въ Чжантуфу и захватила при этомъ въ плѣнъ четырехъ японцевъ.

Въ отрядѣ ген. Ренненкампа, въ составѣ $4\frac{3}{4}$ батальоновъ, 8 охотничьихъ командъ, 7 сотенъ и 6 орудій, развѣдка прошла совершенно безцвѣтно. Развѣдочнымъ отрядамъ было указано на необходимость захватить плѣнныхъ и предметы снаряженія. Весьма характернымъ для духа арміи является тотъ фактъ, что ген. Ренненкампфъ, также какъ и ген. Куропаткинъ передъ сраженіемъ подъ Ляояномъ, нашелъ необходимымъ назначить *денежную награду*: за каждаго живого плѣннаго японца 25 рублей, за принесеннаго убитаго японца 10 рублей, за лошадь подъ сѣдломъ 15 рублей, за каждую винтовку или саблю по 1 рублю.

Отъ правой колонны, которая должна была производить развѣдку въ долину Цзянхе, по направленію на Тѣлинъ, небольшой кавалерійскій отрядъ, въ составѣ 2 сотенъ и 1 конноохотничьей команды, дошелъ до Яопу, очутившись въ тылу передовыхъ постовъ противника, стоявшихъ на Цзянхе; здѣсь этотъ отрядъ натолкнулся на японскій пѣхотный сторожевой караулъ, который прикрывалъ производившуюся фуражировку и захватилъ различные предметы снаряженія у бѣжавшей команды. Это само по себѣ не важное событіе имѣло то значеніе, что на захваченныхъ предметахъ снаряженія имѣлась мѣтка 46-го пѣхотнаго полка, чѣмъ впервые было установлено присутствіе 12-й японской дивизіи (1-я армія) въ долину Цзянхе. Средняя колонна, за которой ген. Ренненкампфъ приказалъ слѣдовать 282-му пѣхотному полку, имѣла

незначительную стычку съ непріятельскими передовыми постами къ сѣверу отъ Пятсіяпзы, чѣмъ исчерпаны собственно всѣ результаты развѣдки. Потери отряда Ренненкампа въ теченіе всего этого предпріятія составляли: 1 чел. убитый и 11 чел. раненыхъ.

Кромѣ того, въ рекогносцировкѣ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ арміи принялъ участіе также и отрядъ полк. Мадритова (1 батальонъ, 4 сотни, 2 конно-охотничьихъ команды, $\frac{1}{2}$ батареи). Этотъ отрядъ имѣлъ сѣвернѣе Тунхуансяна стычку съ кавалеріей противника, которая и была отгѣснена. Интереснымъ является утвержденіе исторіи генеральнаго штаба, что это вовсе не были японскія войска, а *китайскія*, среди которыхъ находилось отъ 30 до 40 чел. японскихъ инструкторовъ.

Результаты усиленныхъ рекогносцировокъ, произведенныхъ отъ 21-го до 24-го апрѣля на всемъ фронтѣ русскихъ армій, были, по изложенію исторіи русскаго генеральнаго штаба, несмотря на безцвѣтную дѣятельность большей части рекогносцировочныхъ отрядовъ, не лишены нѣкотораго значенія для большей освѣдомленности русской главной квартиры по вопросу о распредѣленіи непріятельскихъ войскъ. Шесть плѣнныхъ японцевъ, захваченные предметы снаряженія и т. д.,—помогли нѣсколько выясненію обстановки. Было установлено, что къ сѣверу широты Каюяна находились только слабыя непріятельскія передовыя части, которыя между Мандаринской дорогой на Гиринѣ и желѣзной дорогой принадлежали къ 4-й арміи Нодзу, а къ западу отъ желѣзной дорогъ были установлены части 1-го полка 1-й дивизіи 3-й арміи Ноги. Наконецъ, предметы снаряженія, захваченные у Яопу, принадлежавшіе 46-му пѣхотному полку, дали возможность заключить, что 1-я армія Куроки, которая по прежнимъ предположеніямъ находилась у Тѣлина, была на самомъ дѣлѣ выдвинута въ первую линію. Всѣ эти данныя впослѣдствіи подтвердили и лазутчики.

Потери русскихъ за время рекогносцировокъ составили: 16 чел. убитыми, 5 офицеровъ и 164 нижнихъ чина ранено. Изъ этого числа на отрядъ ген. Туманова, при атакѣ на Каюянъ, приходится 4 офицера и около 100 чел. нижнихъ чиновъ. Изъ 2-й арміи потери были только въ отрядѣ полк. Тюбукина.

Во всякомъ случаѣ и на этотъ разъ результаты развѣдки не соответствовали большой затратѣ боевыхъ средствъ. Къ чему было добывать всѣ эти свѣдѣнія, если не имѣлось въ виду воспользоваться этимъ для достиженія цѣли! Едва ли можно также согласиться съ ген. Куропаткинымъ, что такія предпріятія дѣйствуютъ какъ „воспитательное“ средство, если тщательно избѣгаютъ всякаго столкновенія съ противникомъ; или же, если уже дѣло доводило до боя, онъ каждый разъ бывалъ преранъ еще до достиженія успѣха.

3. Взятіе штурмомъ позиціи у Санвайца кавалерійскимъ корпусомъ ген. Мищенко.

Наиболѣе выдающимся въ послѣдній періодъ войны являются предпріятія кавалерійскаго корпуса ген. Мищенко, которыя замѣчательны тѣми огромными массами кавалеріи, которыя въ нихъ участвовали, при чемъ во главѣ этихъ войскъ находился начальникъ, который пользовался довѣріемъ своихъ войскъ и репутаціей особенной энергіи. Въ маѣ 1905 г. отрядомъ ген. Мищенко былъ произведенъ набѣгъ на Факумынь. Хотя кавалерія и не развѣдала много о противникѣ, все же она добилась моральнаго успѣха, благодаря взятію въ плѣнъ одной японской роты. Съ того времени отрядъ ген. Мищенко оставался между Далахе и монгольской границей. 16-го іюня онъ былъ атакованъ японскими войсками у Ляоянвопынь. Какъ гласило тогдашнее донесеніе, японцы, будто бы, обошли кавалерію и оттѣснили ее съ ея позиціи у Ляоянвопына. Исторія русскаго генеральнаго штаба вовсе не упоминаетъ объ этомъ боѣ. Затѣмъ японцы, будто бы, снова отошли назадъ и, какъ всегда, связь съ ними была потеряна.

Хотя здѣсь, на правомъ флангѣ русскихъ армій, находилось около 100 сотенъ и эскадроновъ, русскіе довольствовались извѣстіями о противникѣ, получаемыми отъ шпионовъ и мѣстныхъ жителей, которыя были очень противорѣчивы и неясны. Извѣстно было, что къ сѣверу отъ Сяохе, на высотѣ Санвайца, находились непріятельскіе передовые посты; что же

находилось позади этой завѣсы,—объ этомъ существовала полная неизвѣстность. Шпіоны то доносили, что противникъ отошелъ на югъ или на востокъ, къ Чжантуфу, то утверждали, что отъ Факумына на сѣверъ двинулись подкрѣпленія. Но въ общемъ существовало мнѣніе, что противникъ противъ ген. Мищенко сталъ слабѣе по сравненію съ прежнимъ его составомъ; это было въ общей связи съ господствовавшимъ тогда мнѣніемъ, что и японскія арміи передвинулись на востокъ съ цѣлью предпринять обходъ позицій у Сыпингая съ востока. Нѣтъ никакихъ намековъ на то, чтобы въ русскихъ штабахъ существовала какая-нибудь попытка посредствомъ конныхъ офицерскихъ разъѣздовъ выяснитъ положеніе противника передъ фронтомъ отряда ген. Мищенко. Напротивъ, командующій 2-й арміей приказалъ ген. Мищенко предпринять усиленную рекогносцировку съ цѣлью выяснитъ другой вопросъ, касающійся численности противника, который находится у Санвайца и на позиціяхъ между этой деревней и Вандяганца.

Такое порученіе, данное ген. Мищенко, нельзя не признать довольно страннымъ. Какое значеніе имѣло свѣдѣніе о силахъ противника именно у Санвайцы? И неужели для рѣшенія такой задачи въ кавалерійскомъ корпусѣ не имѣлось другихъ средствъ, какъ только усиленная рекогносцировка цѣлымъ корпусомъ?

1-го іюля была предпринята эта рекогносцировка ген. Мищенко. Въ составъ кавалерійскаго корпуса, кромѣ входившихъ въ него раньше частей (Уральская, Забайкальская и Кавказская казачьи дивизіи, Кавказская конная бригада и 8 причисленныхъ къ корпусу конно-охотничьихъ командъ), вошли еще 9 эскадроновъ 2-й отдѣльной кавалерійской бригады (драгунскіе полки 51-й и 52-й), прибывшіе 30-го іюня въ Ляоянвопънь.

Въ рекогносцировкѣ участвовали 54 сотни и конно-охотничьихъ команды, а также 30 орудій. Эти войска были раздѣлены на три колонны. *Правая*,—въ составѣ 13 сотенъ и 2 орудій, должна была направиться на Хидіюпа, тамъ развернуться и путемъ ружейнаго и артиллерійскаго огня произвести

демонстративный бой, чтобы огнем заставить противника обнаружить своих силъ. *Средняя колонна*,—18 сотенъ и 10 орудій, получила задачей атаковать позицію у Санвайцзы съ фронта; при этой колоннѣ находился и ген. Мищенко. *Львая колонна*—Кавказская казачья дивизія и 4-й уральскій полкъ, всего 23 сотни и 18 орудій, подъ начальствомъ ген. Карцева—должна была наступать черезъ Чжудятоза до высоты праваго фланга непріятельской позиціи Санвайцза-Вандяганца и развернуться для атаки съ охватомъ непріятели; одинъ полкъ долженъ былъ попытаться проникнуть въ тылъ японскихъ позицій, обойдя непріятельскій флангъ съ юга.

Первая колонна, прежде всего, удовольствовалась тѣмъ, что изъ своихъ двухъ орудій открыла огонь со стороны Лалагай по высотамъ Санвайцзы и двинула 2 эскадрона и 2 конноохотничьихъ команды широкимъ фронтомъ противъ непріятельскихъ передовыхъ постовъ по линіи Санвайцза — Ляхентоза. Оказалось, что все деревни въ долинѣ Сяохе заняты противникомъ и приведены въ оборонительное состояніе. На высотахъ праваго берега рѣки легко можно было замѣтить стрѣлковые окопы.

Средняя колонна достигла въ 9 час. утра Яоинцза и медленно начала изъ своихъ 10 орудій обстрѣль непріятельскихъ позицій у Санвайцза, съ цѣлью вызвать противника открыть стрѣльбу и обнаружить свои силы. У русскихъ это называлось *артиллерійской развѣдкой*. Впереди артиллеріи для пѣшаго боя сѣшались 4 охотничьихъ команды и 1-й Верхнеудинскій казачій полкъ. Огонь продолжался до полудня,—орудія правой колонны уже израсходовали все свои боевые запасы, — а съ японской стороны не было сдѣлано ни единого выстрѣла. Въ такомъ положеніи ген. Мищенко оставался до 3-хъ часовъ пополудни, выжидая результата обхода своей лѣвой колонны. Командиръ этой послѣдней, ген. Карцевъ, донесъ, что онъ въ пересѣченной и покрытой лѣсомъ мѣстности не можетъ найти позиціи для своей артиллеріи и что „наступленіе его колонны въ юго-западномъ направленіи, съ цѣлью выйти во флангъ и тылъ противника, предоставля-

ется опаснымъ“.—Въ боевомъ дневникѣ кавалерійскаго корпуса говорится: „Послѣ нѣсколькихъ рѣзкихъ приказаній ген. Карцеву *двинуться впередъ* и открыть артиллерійскій огонь, корпусный командиръ, въ концѣ концовъ, приказалъ батареи, приданныя лѣвой колоннѣ, выслать въ составъ средней“...

Этотъ приказъ ген. Карцевъ даже предупредилъ, такъ какъ онъ еще утромъ послалъ изъ Чуйдытоза свою артиллерію, подъ прикрытіемъ Екатеринодарскаго полка въ Тандіопа, въ составъ средней колонны. Въ этой войнѣ мы неоднократно уже видѣли, что войсковые начальники, съ цѣлью избавиться отъ отвѣтственности за сохранность артиллеріи, просто удаляли ее отъ себя...

Со своими главными силами ген. Карцевъ почти до полудня оставался въ полной бездѣтельности у Чуйдытоза; только Уманскій полкъ, находившійся впереди въ авангардѣ, двинулся къ югу до Чанганза и наткнулся тамъ на непріятельскіе окопы и деревни, занятые противникомъ на линіи Лауньюда—Фаоянцу. Ген. Карцевъ, по полученіи приказанія объ атакѣ, переданнаго ему ординарцемъ-офицеромъ, двинулся до Сандутурля и здѣсь снова простоялъ въ бездѣтельности до 2-хъ час. дня, послѣ чего, наконецъ, съ двумя полками Кавказской дивизіи двинулся къ средней колоннѣ, куда и прибылъ въ 3 час. въ Цюто. Въ Сандутурли оставался только Уральскій полкъ.

Еще до прибытія Кавказскихъ полковъ ген. Мищенко приказалъ спѣшеннымъ для боя частямъ войскъ средней колонны двинуться далѣе на Санвайцза и Кандіопа. Охотничьимъ командамъ удалось выбить противника изъ крайнихъ строеній сѣвернѣе деревни Санвайцза, при чемъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ дѣло доходило до штыковаго боя. Верхнеудинскіе казаки доскакали до небольшого лѣса впереди деревни Кандіопа, спѣшились тамъ и вскорѣ овладѣли рощей и деревней; но сами попали подъ огонь съ разстоянія въ 700—900 шаговъ изъ японскихъ окоповъ, находившихся на высотахъ Санвайцза.

Послѣ прибытія войскъ лѣвой колонны ген. Мищенко рѣшилъ атаковать японскія позиціи съ фронта. Всѣ батареи лѣвой колонны выѣхали на позицію лѣвѣе 4-й забайкальской

батареи у Сяомудяденъ. Для атаки высотъ къ югу отъ Сан-вайца были двинуты. черезъ Кандіопа 3^{1/2} эскадрона драгунъ и вправо отъ нихъ 6 сотенъ кавказцевъ. Вразсыпную, *левой*, эти послѣдніе подскочили на 500 метровъ къ противнику, спѣшились за холмомъ и стали наступать въ пѣшемъ строѣ, при чемъ смѣшались съ находившимися влѣво отъ нихъ драгунами и со сражавшимися вправо отъ нихъ охотничьими командами. Въ то же время по одному орудію отъ Кубанской и Терской батарей пошли галопомъ на рошу у деревни Кандіопа.

Для подкрѣпленія охотничьихъ командъ на правомъ флангѣ назначена была 2-я сотня Верхнеудинскаго полка. Въ резервѣ средней колонны въ это время находилось 1^{1/2} эскадрона драгунъ, и не менѣе 4 эскадроновъ драгунъ и цѣлый полкъ кавказской казачьей дивизіи составляли прикрытіе артиллеріи Ген. Мищенко самъ руководилъ боемъ, лично слѣдуя за сотнями по направленіи на рошу къ деревнѣ Кандіопа.

Постепенно всѣ войска, участвовавшія въ бою, приблизились къ японскимъ стрѣлковымъ окопамъ и занятой ими позиціи на гребнѣ высотъ на разстояніи отъ 100 до 150 шаговъ. Наконецъ, около 6 час. вечера, считая подготовку огнемъ уже вполнѣ достаточной, — такъ какъ съ 9 час. утра войска находились въ непрерывномъ огневомъ бою съ окопами противника, — ген. Мищенко приказалъ, наконецъ, подать сигналъ „*къ атакѣ*“. Прервавъ скорый огонь, всѣ части войскъ съ крикомъ „*ура*“ бросились на стрѣлковые окопы японцевъ.

Японцы не выдержали и побѣжали. Преслѣдованія со стороны русскихъ войскъ не было, — какъ объясняетъ исторія русскаго генеральнаго штаба — потому, что силы казаковъ были совершенно исчерпаны; но это непонятно, если принять во вниманіе, что 2 полка оставались нетронутыми въ прикрытіи къ артиллеріи, а 1^{1/2} эскадрона стояли въ резервѣ. Только небольшой взводъ кавказцевъ, который стоялъ прикрытіемъ при коноводахъ, сѣлъ на коней и пустился преслѣдовать отступающихъ японцевъ, но скоро и этотъ взводъ прекратилъ преслѣдованіе, будучи встрѣченъ огнемъ

изъ одного японскаго окопа и потерялъ сразу своего начальника и 6 лошадей убитыми.

Одновременно съ этой атакой съ фронта позиція японцевъ была атакована также и съ запада правой колонной. Сначала эта атака была поведена 4 сотнями въ конномъ строю, подъ личнымъ начальствомъ ген. Логвинова, противъ стрѣлковыхъ окоповъ, занятыхъ японцами. Эта атака конницы противъ стрѣлковыхъ окоповъ, конечно, не удалась. Тогда казаки спѣшились и повели атаку въ пѣшемъ строю, подкрѣпленные 2 конно-охотничьими командами; къ 7 час. вечера имъ удалось овладѣть высотами между Санвайцза и Кудіаопу. Направленные для охвата лѣваго фланга японцевъ 1½ сотни, двинувшіяся на югъ на Кудіаопу, должны были оттуда повернуть назадъ, потому что въ это время со стороны Ландунза показались японскія подкрѣпленія, которыя еще не принимали участія въ бою.

Пользуясь наступившей затѣмъ темнотой, ген. Мищенко въ теченіе ночи повелъ свой отрядъ обратно на Ляоянвопынъ. Бригада Кавказской казачьей дивизіи оставлена была для несенія аванпостной службы.

Въ своемъ донесеніи, съ описаніемъ усиленной рекогносцировки 1-го іюля, ген. Мищенко принимаетъ силы непріятеля на высотахъ у Санвайцзы въ 1 батальонъ пѣхоты, который, по его донесенію, былъ уничтоженъ почти до послѣдняго человѣка. Ничтожное число взятыхъ при этомъ японскихъ плѣнныхъ, всего только 8 чел., ген. Мищенко объясняетъ „замѣчательнымъ упорствомъ и стойкостью, съ которыми японцы оборонялись, а также ожесточеніемъ драгунъ, охотниковъ и казаковъ, которые наканунѣ передъ тѣмъ нашли трупъ кавказскаго казака съ отрубленной головой“. Взятые въ плѣнъ японцы принадлежали къ составу 25-го пѣхотнаго полка 7-й дивизіи. По ихъ словамъ, по всей линіи аванпостовъ вдоль линіи Сюхе, а также на позиціи у Санвайцза, находился только 25-й пѣхотный полкъ, тогда какъ по прежнимъ свѣдѣніямъ, имѣвшимся отъ китайскихъ шпионовъ, только на одномъ участкѣ Санвайцза—Людяцза имѣлось, будто бы, свыше 5,000 чел. съ 20 орудіями.

Потери отряда ген. Мищенко составляли *убитыми* 2 офицера и 28 нижних чиновъ, и *ранеными* 17 офицеровъ и 188 нижних чиновъ и, наконецъ, 3 нижних чина пропавших безъ вѣсти, всего слѣдовательно 238 чел. Всѣ эти потери падаютъ почти исключительно на тѣ части войскъ, которыя принимали участіе въ атакѣ Санвайцза съ фронта.

Стоили ли полученные результаты понесенныхъ при этомъ потерь? Едва ли можно признать вѣроятнымъ истребленіе при этомъ цѣлаго японскаго батальона, который, по донесенію ген. Мищенко, оборонялся съ исключительной отчаянностью, а между тѣмъ собственныя потери отряда ген. Мищенко были при этомъ такъ незначительны. Но что же собственно узнали при этомъ о противникѣ? Только то, что у Санвайцза на сторожевыхъ постахъ имѣлось у японцевъ, во всякомъ случаѣ не болѣе одного батальона! Стоило ли, однако, для добыванія такихъ свѣдѣній, двинуть въ бой цѣлый кавалерійскій корпусъ въ составѣ 54 сотенъ и 30 орудій и штурмовать при этомъ укрѣпленную позицію противника?..

Во всякомъ случаѣ такая задача, поставленная кавалерійскому корпусу, совершенно не соотвѣтствовала обстановкѣ. Для штаба арміи не представляло никакого значенія знать непременно, что дѣлается у Санвайцза—усилились ли тамъ аванпосты, или ослаблены. Иное дѣло было знать, что дѣлается *за этой завѣсой аванпостовъ*, — производится ли тамъ сосредоточеніе войскъ, или тамъ происходятъ какія-нибудь передвиженія, которыя могли бы послужить ключомъ для выясненія намѣреній противника. Если такую задачу нельзя было рѣшить посредствомъ нѣсколькихъ офицерскихъ развѣздовъ, то выясненіе этого вопроса можно было поставить и кавалерійскому корпусу, который, въ такомъ случаѣ, долженъ былъ бы прорвать завѣсу противника, но не тамъ, гдѣ имѣлась укрѣпленная непріятельская позиція, какъ штурмовали Санвайцзу, а обойдя такой пунктъ съ цѣлью направить офицерскіе развѣзды и развѣдочные отряды *подальше въ тылъ непріятеля*.

Самъ ген. Мищенко былъ, повидимому, недоволенъ ходомъ боя при этой усиленной рекогносцировкѣ, какъ это видно изъ слѣдующаго его приказа по корпусу отъ 2-го іюля:

„1-го іюля взята была штурмомъ укрѣпленная позиція непріятеля у Санвайца. Въ этомъ бою участвовали конно-охотничьи команды стрѣлковаго корпуса, 3 эскадрона драгунъ, 2 сотни Екатеринодарскаго, 3 сотни Сунженскаго, 4 сотни Верхнеудинскаго и 1 сотня Читинскаго казачьихъ полковъ и 2 орудія Кавказскаго отряда, которые всѣ храбро повели штурмъ на укрѣпленныя позиціи непріятеля. Отъ всего сердца поздравляю храбрыя войска съ этимъ успѣшнымъ боемъ, въ которомъ части войскъ другъ передъ другомъ соревновали въ исполненіи своего долга.

„Правая колонна производила развѣдку въ глубину, оказывая въ то же время содѣйствіе во время атаки позиціи. Особенно потрудились конно-охотничьи команды 6-го Сибирскаго корпуса.

„Въ лѣвой колоннѣ обѣ передовыя сотни Уманскаго полка лихо повели свою развѣдку, но не были своевременно поддержаны. Трудно что-нибудь достигнуть только слабыми развѣздами, такъ какъ для прорыва непріятельской линіи необходима надлежащая сила, а этого, къ сожалѣнію, сдѣлано не было. Въ виду этого не была достигнута задача, поставленная лѣвой колоннѣ—обѣ усиленной развѣдкѣ на флангъ и въ тылъ непріятеля, несмотря на то, что въ этомъ направленіи со стороны японцевъ имѣлись только слабыя заставы, противъ которыхъ дѣйствовали 5 полковъ и 3 батареи.

„ 3 полка лѣвой колонны и 3 батареи не направились вовсе, куда имъ было указано, несмотря на то, что на этотъ счетъ имѣлись вполне ясныя указанія въ приказѣ по отряду, которая притомъ неоднократно были подтверждены мною лично. До 11 час. дня войска этой колонны оставались въ полной бездѣятельности на линіи нашихъ аванпостовъ. Артиллерія этой колонны стрѣляла по нашимъ собственнымъ войскамъ, — къ счастью безъ результата. Только около 3 час. пополудни, послѣ потери свыше 6 час. времени, когда я вынужденъ былъ, въ виду бездѣйствія лѣвой колонны, повести атаку съ фронта, что сопряжено было съ большими потерями—только послѣ всего этого частью удалось мнѣ ввести въ боевую линію нѣ-

которыя части этой колонны, вопреки всѣмъ приказамъ по отряду.

„Указываю на это обстоятельство въ виду того, что подобное поведеніе начальника этой колонны повело лишь къ бесполезнымъ и тяжкимъ потерямъ и могло повести къ полной неудачѣ всего боя. Не нахожу словъ для достойнаго порицанія подобнаго, ничѣмъ не оправдываемаго и непростительнаго, поведенія.

„Отрадно, что храбрые офицеры, казаки, стрѣлки и драгуны надлежащимъ образомъ поправили это упущеніе,—настолько, что отрядъ нашъ въ концѣ концовъ былъ счастливъ дожить до этой побѣды и, по крайней мѣрѣ, выполнить задачу, указанную ему командующимъ арміей. Еще разъ по долгу службы и лично отъ себя говорю — сердечное спасибо“.

4. Усиленная рекогносцировка Таулунаго отряда 27-го и 28-го августа 1905 года.

Заслуживаетъ, наконецъ, упоминанія еще усиленная рекогносцировка Таулунаго отряда, произведенная 27-го и 28-го августа въ виду того, что рекогносцировка эта была произведена незадолго до заключенія мира и до нѣкоторой степени вызвала въ арміи извѣстное нравственное удовлетвореніе. У Таулу расположенъ былъ на укрѣпленной позиціи авангардъ 1-го Сибирскаго корпуса. Какъ уже упомянуто было въ другихъ мѣстахъ, на военномъ совѣтѣ у главнокомандующаго 4-го іюля возбужденъ былъ вопросъ: представляется ли желательнымъ дальнѣйшее производство усиленныхъ рекогносцировокъ; при чемъ вопросъ этотъ рѣшенъ былъ отрицательно. Только въ пространствѣ передъ фронтомъ арміи Куроки и Кавамуры, т. е. въ мѣстности, лежавшей передъ фронтомъ Таулунаго отряда, командующій 1-й арміей призналъ необходимымъ продолжать усиленные развѣдки, такъ какъ въ этомъ районѣ еще не было вполне выяснено расположеніе непріятельскихъ позицій и находившихся тамъ войскъ.

Для выясненія этого вопроса 27-го августа предпринята была рекогносцировка частями Таулунаго отряда, которыя для этой цѣли сведены были въ 2 колонны. Сначала удалось

правой колоннѣ, въ составѣ 1 батальона, 1 сотни, 4 охотничьихъ командъ и 2 горныхъ орудій, направившейся изъ Таулу вдоль долины Нюхе, окружить роту передовыхъ постовъ японцевъ, которая расположена была на дорогѣ на сѣверномъ берегу Сидалихе. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, во время котораго этой ротой потеряно было 60 чел. убитыми, японцы были совершенно разбѣяны. Командиръ этой роты и одинъ изъ офицеровъ лишили себя жизни,—одинъ изъ нихъ застрѣлился, а другой перерѣзалъ себѣ горло штыкомъ-кинжаломъ. Начальникъ линіи аванпостовъ,—1 кандидатъ въ офицеры и 136 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ 34 раненыхъ) взяты были въ плѣнъ. Захвачено было при этомъ свыше 100 винтовокъ, а также многочисленные предметы снаряженія. Потери русскихъ составляли только 4 нижнихъ чина убитыми и 5 раненыхъ.

Начальникъ правой колонны, полк. Якутинъ, рѣшилъ при этомъ, что „въ виду опасенія атаки непріятеля въ превосходныхъ силахъ“ всего лучше ограничиться достигнутымъ успѣхомъ и отказаться отъ поставленной ему задачи. До слѣдующаго дня онъ остался на занятой имъ позиціи, послѣ чего отступилъ и присоединился къ своему отряду.

Лѣвой колоннѣ, въ составѣ 1 батальона, 2¹/₂ сотенъ, 3 охотничьихъ командъ и 2 орудій, подъ начальствомъ полк. Бендерова, также удалось прогнать японскую сторожевую роту, которая расположена была на линіи Сидалихе. Несмотря на то, что было только 7 час. утра, начальникъ отряда призналъ невозможнымъ преслѣдовать отступившаго непріятеля въ виду усталости своихъ людей. Даже преслѣдованіе конницей признано было опаснымъ, такъ какъ она могла наткнуться на засаду въ гаолянѣ. Полк. Бендеревъ призналъ при этомъ необходимымъ дать своему отряду отдыхъ на этотъ день, не сдѣлавъ ничего для выясненія нахождения противника и установленія соприкосновенія съ нимъ. Онъ ограничился сборомъ свѣдѣній объ японцахъ отъ мѣстныхъ жителей.

Все же лѣвая колонна на слѣдующій день, 28-го августа, продолжала свое движеніе далѣе на югъ, по направленію на

перевалъ Мальюгоу, гдѣ ей удалось „прогнать непріятеля подѣ сильнымъ огнемъ;—свыше 300 чел. японской пѣхоты отгѣснены съ цѣлаго ряда позицій“. Исполнивъ это, отрядъ полк. Бендерова возвратился назадъ „въ полномъ порядкѣ“. Согласно повѣствованію исторіи русскаго генеральнаго штаба, можно думать, что при рекогносцировкѣ перевала Мальюгоу шла рѣчь объ энергичныхъ боевыхъ дѣйствіяхъ, веденныхъ не взирая на какія-либо потери. На самомъ же дѣлѣ, однако, колонна полк. Бендерова во время усиленныхъ рекогносцировокъ 27-го и 28-го августа не понесла ни малѣйшихъ потерь.

Единственный результатъ усиленныхъ рекогносцировокъ Таудунскаго отряда сводится, слѣдовательно, къ моральному впечатлѣнію, которое послѣ сраженія подѣ Мукденомъ теперь лишь, во второй разъ, было вызвано взятіемъ въ плѣнъ японской роты. Само собою разумѣется, что русскіе старались муссировать это впечатлѣніе пышными донесеніями и оповѣщеніями и высокопарными приказами по арміи. Тотъ фактъ, что удалось взять въ плѣнъ 100 японскихъ солдатъ, которые при этомъ не были ранены, приводился въ доказательство упадка духа въ японской арміи. Правда, въ началѣ войны такой фактъ, пожалуй, былъ невысказанъ; вполне возможно, что боевой матеріалъ японской арміи постепенно ухудшался съ теченіемъ войны. Въ силу обстоятельствъ приходилось довольствоваться контингентами, получившими весьма поверхностную боевую подготовку. Ощущался также огромный недостатокъ въ опытныхъ офицерахъ. Въ то же время, однако, самоубійство 2 офицеровъ этой роты показывало, что въ японской арміи еще крѣпко сидитъ духъ презрѣнія къ смерти.

Можно сомнѣваться въ томъ, была ли японская армія по-прежнему столь же способна къ наступательнымъ дѣйствіямъ, какъ въ началѣ войны. Одно, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что русская армія была еще менѣе способна къ такимъ дѣйствіямъ. То обстоятельство, что русскіе военачальники такъ тщательно старались раздуть ничтожный успѣхъ, зная хорошо, что предстояло скорое заключеніе мира, представляется вполне понятнымъ. Вѣры, однако, въ этотъ успѣхъ было мало и въ Петербургѣ, и въ арміи.

ГЛАВА V.

Демобилизація арміи и общій развалъ.

Неоднократно указывалось, что причины пораженія русскихъ въ Манчжуріи кроются въ отсутствіи самопожертвованія въ арміи, отсутствіи жажды дѣятельности и инициативы, отсутствіи мужества и готовности принять на себя отвѣтственность со стороны начальниковъ и руководителей этой арміи. Всѣ эти причины ближайшимъ образомъ вызвали пораженія русской арміи въ Манчжуріи. Всѣ понесенныя арміей потери людьми и матеріальной частью были въ концѣ войны, въ періодъ времени между сраженіемъ подъ Мукденомъ и заключеніемъ мира, съ избыткомъ пополнены непрерывной присылкой подкрѣпленій изъ Европейской Россіи; такъ что средства борьбы къ этому времени, имѣвшіяся въ русской арміи, значительно превосходили въ этомъ отношеніи армію японскую. Но откуда было взять недостающихъ для арміи силъ *моральныхъ*, которыя служатъ единственнымъ залогомъ побѣды? Этихъ силъ не имѣлось также и въ тѣхъ войскахъ и контингентахъ, которые прибывали для комплектованія дѣйствующей арміи. Да этихъ силъ не имѣлось и въ самой націи!

Ген. Куропаткинъ говоритъ въ своемъ отчетѣ: „Въ пораженіяхъ нашихъ черпали мы нашу силу. Это свойство, присущее одной только русской арміи, дѣйствовало на насъ ободряющимъ образомъ и давало намъ возможность вѣрить въ побѣдоносное окончаніе этой войны съ Японіей. Даже при нашихъ неудачахъ противникъ терпѣлъ еще большій ущербъ, чѣмъ мы сами“.

Это своеобразное утверждение ген. Куропаткина является весьма знаменательнымъ въ устахъ полководца, который умѣлъ вести свою армію только отъ пораженія къ пораженію. Подобныя утверженія едва ли требуютъ опроверженія. Напротивъ,—послѣ каждаго потеряннаго сраженія въ арміи все болѣе и болѣе подрывалось довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и къ своимъ начальникамъ, и въ концѣ концовъ это довѣріе исчезло вовсе. Мы уже видѣли выше, что и въ послѣдній періодъ войны, точно такъ же какъ и во все предшествовавшее время, командному составу, попрежнему, не доставало рѣшимости въ дѣйствіяхъ, чувства самопожертвованія и готовности принять на себя отвѣтственность, какъ это ясно видно во всѣхъ дѣйствіяхъ и операціонныхъ планахъ въ теченіе лѣта 1905 года. Что касается моральныхъ силъ войскъ, то имъ не пришлось вовсе подвергнуться испытанію въ послѣдній періодъ войны. Но что эти силы въ арміи были исчерпаны до дна, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Къ какимъ только оригинальнымъ приемамъ не прибѣгали для того, чтобы доказать превосходный духъ войскъ. Такъ, на примѣръ, во многихъ частяхъ войскъ къ окончанію войны пущены были среди офицеровъ подписные листы, въ которыхъ они должны были высказать свое мнѣніе о томъ, — стоятъ ли они за продолженіе войны или за заключеніе мира. Этого одного факта достаточно для характеристики духа арміи. Что подобные подписные листы рѣшали этотъ вопросъ въ пользу войны, понятно само собою, а между тѣмъ въ главной квартирѣ съ необычайной гордостью указывали на подобные „документы“, свидѣтельствующіе о воинственномъ духѣ арміи.

Между тѣмъ истинный нравственный духъ арміи обнаружился на самомъ дѣлѣ послѣ заключенія мира въ видѣ полнѣйшаго развала. Армія была деморализована. Да иначе оно и не могло быть. Въ самой себѣ армія не могла находить нравственные импульсы, а вожди арміи были неспособны сдѣлать что-нибудь для поднятія нравственнаго уровня арміи и ея упавшаго духа. Но хуже всего то, что *сердце націи* не лежало къ арміи. Война эта сама по себѣ была въ высшей

степени непопулярна; поэтому отношеніе народа къ войнѣ было сначала равнодушное, а затѣмъ стала обнаруживаться вражда къ арміи, проявлявшаяся иногда въ видѣ открытаго подстрекаательства войскъ къ неповиновенію своимъ начальникамъ. Революціонное движеніе стало все шире и глубже проникать въ народъ и въ концѣ концовъ перешло постепенно и въ армію.

Уже въ началѣ 1905 года открыты были въ Манчжурской арміи слѣды революціонной пропаганды. Въ получавшихся по почтѣ газетахъ часто встрѣчались возбуждающія воззванія; прокламаціи часто присылались офицерамъ и нижнимъ чинамъ въ видѣ писемъ. Несмотря на строжайшее наблюденіе надъ всей корреспонденціей, получавшейся по почтѣ офицерами и нижними чинами, армія, тѣмъ не менѣе, была скоро наводнена всякой революціонной литературой. Войска въ особенности въ изобиліи надѣлялись революціонными прокламаціями на желѣзнодорожныхъ станціяхъ.

Въ исторіи русскаго генеральнаго штаба говорится по этому поводу слѣдующее: „Слабый надзоръ за войсками въ пути, а также и безъ того пошатнувшійся духъ войскъ, отправляемыхъ на театръ войны, благопріятствовали революціонерамъ успѣшно и безнаказанно распространять свою пропаганду среди этихъ войскъ въ широкихъ размѣрахъ. Въ особенности пропагандѣ агитаторовъ легко поддавались запасныя войска, которыя прибывали на театръ войны буквально засыпанными разными прокламаціями. Не удивительно, что среди этихъ войскъ еще во время пути неоднократно вспыхивали разные безпорядки и возмущенія. Правда, среди дѣйствующей арміи на театрѣ войны пропаганда революціонеровъ не имѣла особеннаго успѣха, но не подлежитъ сомнѣнію, что и здѣсь агитаторы находили для себя подготовленную почву въ виду упадка нравственнаго духа войскъ послѣ длиннаго ряда непрерывныхъ поражений“.

Это послѣднее утвержденіе русскаго генеральнаго штаба звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ приведенныя выше увѣренія ген. Куропаткина.

Уже весной 1905 года начали циркулировать слухи о готовящейся политической забастовкѣ на Забайкальской желѣзной

дорогѣ. Положеніе представлялось серьезнымъ и на Сибирской желѣзной дорогѣ. Но, повидимому, всеѣмъ этимъ свѣдѣніямъ въ дѣйствующей арміи не придавалось особеннаго значенія, такъ какъ, за исключеніемъ двухъ желѣзнодорожныхъ батальоновъ, которые охраняли желѣзную дорогу отъ Читы до Иркутска, никакихъ другихъ мѣръ для предупрежденія всякихъ безпорядковъ на дорогахъ принято не было, несмотря на то, что рѣчь шла о безопасности важнѣйшей жизненной артеріи, связывающей армію съ ея базой.

Заключеніе мира, послѣдовавшее 13-го сентября, застало многія подкрѣпленія еще въ пути слѣдованія на театръ войны; точно такъ же и другія мѣры, принятія для усиленія арміи, не были еще закончены ко времени заключенія мира. Отправленный изъ Европейской Россіи 13-й армейскій корпусъ продолжалъ свой путь на театръ войны; первые его эшелоны были уже въ Харбинѣ, гдѣ были задержаны для сосредоточенія въ этомъ пунктѣ всего корпуса. Кромѣ того, ко времени заключенія мира многіе запасные батальоны, находившіеся въ пути, также продолжали свое слѣдованіе на театръ войны. Только одинъ 21-й корпусъ, который былъ уже мобилизованъ и приготовился для отправленія на театръ войны, былъ задержанъ въ Европейской Россіи, и одна изъ его дивизій была даже отправлена на Кавказъ, для подкрѣпленія находившихся тамъ войскъ, въ виду возникшихъ на Кавказѣ безпорядковъ.

Уже 7-го октября, т. е. еще до ратификаціи мирнаго договора, военный министръ просилъ главнокомандующаго объ отправленіи изъ дѣйствующей арміи въ Россію 720 офицеровъ и 9.280 нижнихъ чиновъ, которые необходимы были какъ инструктора и учителя для новобранцевъ тѣхъ частей войскъ, которымъ предстояло вернуться въ Европейскую Россію съ театра войны. Такъ какъ эта мѣра лишала армію большого числа офицеровъ и лучшихъ нижнихъ чиновъ, то демобилизація, въ дѣйствительности, началась еще до ратификаціи мирнаго договора.

24-го октября былъ обнародованъ манифестъ о заключеніи мира. Теперь могла начаться и обратная перевозка войскъ. Демобилизація частей войскъ, возвращавшихся въ Европей-

скую Россію, должна была происходить въ ихъ постоянныхъ мѣстахъ стоянокъ. До начала общей перевозки войскъ съ театра войны необходимо было, прежде всего, отправить въ Европейскую Россію 100,000 нижнихъ чиновъ дѣйствительной службы, принадлежавшихъ составу войскъ, оставшихся въ Европейской Россіи, откуда они заимствованы были для пополненія частей дѣйствующей арміи. Это представлялось необходимымъ въ виду того, что русская армія, остававшаяся въ Европейской Россіи, была собственно въ состояніи полнѣйшей дезорганизациі. Поэтому крайне важно было принять неотложныя мѣры для усиленія арміи, такъ какъ къ этому времени революціонеры все болѣе и болѣе поднимали голову. Въ дѣйствительности, однако, какъ это видно будетъ ниже, не пришлось демобилизацію выполнить по этому плану.

Здѣсь не лишнее замѣтить, что среди многочисленныхъ мѣропріятій по демобилизаціи арміи сдѣлано было распоряженіе о продажѣ съ аукціона большей части обозныхъ лошадей въ Манчжуріи. Понятно само собою, что, благодаря такому распоряженію, цѣны на лошадей въ Манчжуріи сильно пали,—тѣмъ болѣе, что спросъ на европейскихъ лошадей, не привычныхъ къ мѣстному корму, и безъ того былъ не великъ. Вслѣдствіе низкихъ цѣнъ, 22,500 лошадей—главнымъ образомъ жеребцы и матки—были розданы бѣднѣйшимъ казакамъ и крестьянамъ Забайкальской и Амурской областей въ виду того, что въ этихъ областяхъ, благодаря войнѣ, были забраны всѣ сколько-нибудь годныя лошади и казакамъ грозило почти полное разореніе.

Обратная перевозка войскъ не шла такъ гладко, какъ этого ожидали. Расписанія постоянно мѣнялись, и въ концѣ концовъ не могло быть и рѣчи о какомъ бы то ни было расписаніи. Причинъ этого было много. Къ окончанію войны Сибирская желѣзная дорога допускала движеніе въ восточномъ направленіи 12 воинскихъ поѣздовъ. Но такое усиленное движеніе возможно было лишь при условіи заимствованія подвижного матеріала съ желѣзныхъ дорогъ Европейской Россіи. Поэтому по сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи получилась закупорка

движенія, что въ результатѣ привело къ весьма серьезному экономическому кризису. Необходимо было поэтому, прежде всего, возвратить въ Европейскую Россію болѣе или менѣе значительное количество подвижного состава. Поэтому число воинскихъ поѣздовъ, отправлявшихся изъ Харбина въ западномъ направленіи, изо дня въ день все болѣе и болѣе уменьшалось, такъ что временами отправлялось только три, а иногда даже два воинскихъ поѣзда въ день.

Тѣмъ не менѣе обстоятельство это не является еще наиболѣе важнымъ въ разстройствѣ всѣхъ плановъ перевозки войскъ при демобилизаціи арміи. Важнѣйшая причина кроется все въ большемъ и большемъ распространеніи революціоннаго движенія, которое въ концѣ концовъ захватило и армію. Военный министръ требовалъ скорѣйшаго возвращенія войскъ въ такія мирныя стоянки, гдѣ наиболѣе сильно обнаруживалось революціонное движеніе; мѣстами же войска требовались для подавленія вспыхнувшихъ уже возстаній. Въ то же время главнокомандующій дѣйствующей арміи, со своей стороны, былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы поскорѣе отправить въ Европейскую Россію тѣ элементы, среди которыхъ особенно сильно было замѣтно броженіе, желая такимъ путемъ предохранить остальные войска отъ вреднаго вліянія революціонной пропаганды.

Сначала все еще придерживались намѣренія отправить въ Европейскую Россію прежде всего запасныхъ въ составѣ своихъ частей. Вслѣдствіе этого, въ серединѣ октября послѣ отправленія въ Европейскую Россію необходимыхъ контингентовъ для подготовки новобранцевъ, выработанъ былъ слѣдующій планъ перевозки войскъ съ театра войны въ Европейскую Россію: 1) 13-й армейскій корпусъ, который только что прибылъ на театръ войны, былъ наиболѣе готовъ для посадки въ вагоны; притомъ же военный министръ особенно настойчиво требовалъ возвращенія этого корпуса въ Московскій округъ, въ виду происходившихъ въ Москвѣ революціонныхъ возстаній. 2) Маршевые батальоны (запасные), которые также только что прибыли на театръ

войны; вслѣдъ за ними — дружины государственнаго ополченія, которыя имѣли назначеніемъ служить желѣзнодорожной охраной. 3) Кавказская конная бригада, которая въ Европейской Россіи хотя и не была особенно желательна, но отправленіе которой съ театра войны было желательно главнокомандующему. 4) Донская и Кавказская казачьи дивизіи, возвращеніе которыхъ въ Европейскую Россію требовалось особенно настойчиво для подавленія возникшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возстаній. 5) Команды нижнихъ чиновъ дѣйствительной службы, принадлежавшихъ къ составу частей, оставшихся въ Европейской Россіи.

Около этого времени въ Россіи возникла забастовка служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. 18-го октября эта забастовка перешла также и на Забайкальскую дорогу. Прежде другихъ забастовали всѣ телеграфисты, къ которымъ скоро примкнули и служащіе на желѣзныхъ дорогахъ. Къ началу этой забастовки успѣли отбыть въ Европейскую Россію только девять воинскихъ поѣздовъ 13-го армейскаго корпуса. Когда на театрѣ войны получено было первое извѣстіе объ этой забастовкѣ, сдѣлано было распоряженіе задержать въ Харбинѣ отправленные уже первые эшелоны этого корпуса, а остальные эшелоны были остановлены около ближайшихъ продовольственныхъ пунктовъ.

29-го октября на Забайкальскую желѣзную дорогу отправленъ былъ начальникъ этапныхъ желѣзныхъ дорогъ полк. Захаровъ, которому даны были желѣзнодорожныя и телеграфныя войска для восстановленія порядка на упомянутой дорогѣ. Ему удалось, однако, только добраться до начальнаго пункта Забайкальской желѣзной дороги, до станціи Манчурія. Здѣсь полк. Захаровъ былъ встрѣченъ враждебно желѣзнодорожными служащими, которые предъявили ему цѣлый рядъ политическихъ требованій. Только послѣ прибытія на станцію Манчурія задержанныхъ въ пути первыхъ эшелонъ 13-го корпуса и послѣ ареста нѣкоторыхъ вожаковъ этого движенія, полк. Захарову удалось въ нѣкоторой степеніи восстановить порядокъ на станціи Манчурія. Однако, дальнѣйшее движеніе по Забайкальской дорогѣ оказалось совер-

шенно невозможнымъ, такъ какъ вся эта линія, начиная отъ станціи Манчжурія, находилась всецѣло въ рукахъ забастовщиковъ.

Въ главномъ городѣ Забайкальской области, Читѣ, 28-го октября дѣло дошло до весьма серьезныхъ и угрожающихъ беспорядковъ. Съ этого времени городъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ находился во власти революціонеровъ. Военный губернаторъ Забайкальской области, ген. Холщевниковъ, въ распоряженіи котораго въ началѣ забастовки имѣлась только половина желѣзнодорожнаго и два маршевыхъ батальона, задержанныхъ имъ въ Читѣ, призналъ необходимымъ, въ цѣляхъ скорѣйшаго водворенія порядка и успокоенія умовъ, воздержаться отъ употребленія въ дѣло вооруженной силы; наоборотъ, онъ допускалъ свободно разныя политическія сходки. Этимъ попустительствомъ со стороны военнаго губернатора, конечно, воспользовались революціонеры въ широкихъ размѣрахъ и они стали проявлять здѣсь все большую и большую развязность.

3-го ноября ген. Линевичь приказалъ командиру 13-го корпуса ген. Плеве совмѣстно съ полк. Захаровымъ „возможно поспѣшнѣ двинуться въ Читу и оттуда въ Иркутскъ“ и затѣмъ на каждой желѣзнодорожной станціи оставить необходимыя силы, выдѣливъ таковыя изъ состава войскъ его корпуса. Но всякое сношеніе по телеграфу съ забастовавшими желѣзнодорожными станціями по Забайкальской дорогѣ оказалось безуспѣшнымъ. Забастовщики со своей стороны отвѣтили угрозами, — что всякому движенію войскъ они окажутъ сопротивленіе вооруженной силой и постараются сбрасывать поѣзда съ рельсъ.

Весьма вѣроятно, что въ этой бездѣятельности переговоры бы продолжались еще долгое время, если бы 6-го ноября центральный комитетъ революціонеровъ не заявилъ самъ объ окончаніи забастовки на Забайкальской дорогѣ. Заявленіе это было вызвано Высочайшимъ манифестомъ 30-го октября, которымъ „всѣмъ русскимъ гражданамъ гарантировалась свобода совѣсти, слова, собраній и союзовъ“.

Содержаніе этого манифеста, когда оно стало извѣстно на Дальнемъ Востокѣ, вызвало во многихъ мѣстахъ политическія демонстраціи. Въ городѣ Харбинѣ, главномъ этапномъ пунктѣ сообщеній арміи съ Европейской Россіей, гдѣ находились многочисленныя войска, двинулась по городу огромная толпа въ 3,000 чел. съ красными флагами. Служащіе желѣзнодорожной станціи Манчжурія обратились тогда по телеграфу къ ген. Линевичу съ просьбой освободить арестованныхъ полк. Захаровымъ ихъ товарищей для того, чтобы они могли опять возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій главнокомандующій тотчасъ же согласился на эту просьбу и приказалъ освободить агитаторовъ. Также во многихъ другихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Благовѣщенскѣ, военныя власти сдались на многія требованія народныхъ массъ. Ген. Линевицъ былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ „омрачать дни народнаго праздника и, напротивъ, слѣдуетъ доброе дѣло почтить амнистіей“.

Главнокомандующій Манчжурскими арміями, а также и всѣ прочія власти на Дальнемъ Востокѣ, были того мнѣнія, что причины революціоннаго движенія уже устранены объявленнымъ манифестомъ; поэтому всякія строгости и крутыя мѣры являются излишними и вредными. Всѣ они, однако, горько ошиблись.

Прежде всего возстановлено было дальнѣйшее движеніе въ Европейскую Россію 13-го армейскаго корпуса, но части его, по желанію главнокомандующаго, предполагалось задержать на станціяхъ Забайкальской и Сибирской желѣзныхъ дорогъ. Ген. Плеве доносилъ, однако, изъ города Читы, что, по соглашенію съ мѣстнымъ военнымъ губернаторомъ, онъ призналъ необходимымъ оставить въ Читѣ только 1 батальонъ, такъ какъ оставленіе тамъ большаго количества войскъ не соотвѣтствуетъ задачамъ корпуса и представляется притомъ совершенно излишнимъ въ виду того, что въ Читѣ водворился уже полный порядокъ и спокойствіе. О духъ войскъ этого корпуса, который послѣднимъ прибылъ на театръ войны, ни въ какихъ бояхъ не участвовалъ и находился все время

подъ непосредственной командой своихъ начальниковъ, можно судить по слѣдующему отзыву командующаго войсками Сибирскаго военнаго округа ген. Сухотина. Въ своемъ донесеніи ген. Линевичу отъ 30-го ноября генераль Сухотинъ сообщаетъ, что онъ признаетъ необходимымъ, вмѣсто предоставленія войскамъ этого корпуса охраны движенія по Сибирской желѣзной дорогѣ, возможно скорѣе отправить ихъ въ Европейскую Россію, въ виду полнѣйшей ихъ деморализаціи. Многіе эшелоны въ полномъ составѣ открыто бунтовали на многихъ пунктахъ, отказываясь выходить изъ вагоновъ и требуя скорѣйшаго отправленія на родину. Войсковые начальники оказались не въ силахъ возстановить порядокъ въ своихъ частяхъ.

Вслѣдъ за 13-мъ корпусомъ, по желанію военнаго министра, должна была послѣдовать перевозка 9-го армейскаго корпуса; но это намѣреніе не пришлось осуществить, потому что тѣмъ временемъ главнокомандующій, какъ увидимъ ниже, принялъ одно роковое рѣшеніе, вызванное весьма разнообразными причинами.

12-го ноября во Владивостокѣ вспыхнули совершенно неожиданно серьезные беспорядки въ широкомъ масштабѣ. Около 12 час. дня многочисленная толпа, къ которой присоединились въ большомъ числѣ матросы и нижніе чины гарнизона, въ особенности команды запасныхъ, начала разгромъ китайскихъ лавокъ на базарѣ. Для возстановленія порядка высланы были патрули и многія дежурныя роты; но беспорядки неудержимо распространялись все шире и шире. Въ теченіе дня для подавленія беспорядковъ введено было всего 12 батальоновъ 8-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, а вечеромъ, кромѣ того, пришлось взять еще полкъ 10-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи съ Русскаго Острова. Но прежде, чѣмъ эти войска были собраны и двинуты въ дѣло, народныя массы совместно съ солдатами успѣли разбить всѣ винныя лавки, перепились и начали грабить и поджигать всѣ дома. Съ наступленіемъ темноты произошло много столкновеній между войсками и бунтовщиками, при чемъ оказалось, что войска

держатся въ высшей степени пассивно. Большая часть города была охвачена пламенемъ.

Причины этихъ безпорядковъ, согласно донесенію коменданта, заключались въ ложномъ толкованіи манифеста, а также недовольствѣ со стороны запасныхъ, которыхъ предполагали, будто бы; задержать на службѣ по окончаніи войны. Но помимо всего настроеніе войскъ оказалось весьма опаснымъ. Многіе батальоны, въ особенности крѣпостной артиллеріи, прибывшіе большей частью изъ Европейской Россіи—изъ Севастополя, Либавы, Кронштадта—на усиленіе крѣпости Владивостока, оказались крайне распущенными. Въ особенности обнаружилось озлобленіе противъ офицеровъ, квартиры которыхъ были разрушены.

На слѣдующій день комендантъ крѣпости, ген. Казбекъ, проѣхавъ верхомъ по всемъ улицамъ Владивостока и вездѣ при встрѣчѣ съ толпой „старался растолковать имъ заблужденія въ пониманіи ими манифеста. Взбунтовавшимся запаснымъ старались растолковать, что замедленіе въ отправкѣ ихъ по желѣзной дорогѣ на родину обусловливается безпорядками на желѣзныхъ дорогахъ; при этомъ имъ было обѣщано, что какъ только сообщеніе по желѣзной дорогѣ будетъ восстановлено, всѣ они будутъ немедленно отправлены на родину“.

14-го ноября въ городѣ вспыхнули новые безпорядки, для подавленія которыхъ пришлось уже прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Единственными надежными частями оказались всего только 6 сотенъ Сибирскаго казачьяго войска. Многіе признаки указывали на то, что для подавленія безпорядковъ трудно разсчитывать на остальные войска гарнизона. Вспыхнули мятежи также и на многихъ судахъ. Угрожающія телеграфныя донесенія получались также изъ Никольскъ-Уссурийскаго и Хабаровска о крайне тревожномъ настроеніи запасныхъ, требовавшихъ немедленнаго отправленія ихъ на родину.

Около этого времени, т. е. въ срединѣ ноября, генералъ-инспекторъ тылового района въ Харбинѣ, ген. Надаровъ, обратился съ ходатайствомъ къ главнокомандующему, чтобы вслѣдъ

за окончаніемъ перевозки 13-го армейскаго корпуса, которая въ это время подходила уже къ концу, начать отправленіе въ Европейскую Россію маршевыхъ батальоновъ, а также многихъ другихъ командъ запасныхъ въ виду того, что, пока длилась забастовка, въ Харбинѣ накопилось разныхъ запасныхъ свыше 30,000 чел. Кромѣ того, желѣзнодорожная станція Харбинъ, а также этапный пунктъ, были постоянно переполнены многими проходящими маршевыми командами и одиночными людьми, слѣдовавшими на присоединеніе къ своимъ частямъ въ Европейскую Россію. По мнѣнію ген. Надарова, такое переполненіе Харбина плохо дисциплинированными элементами было весьма опасно для господствовавшаго тогда настроенія умовъ и разгула страстей.

Всѣ эти обстоятельства, а также все болѣе и болѣе опасное броженіе, замѣчавшееся среди запасныхъ, побудили главнокомандующаго принять рѣшеніе, которое имѣло роковыя послѣдствія: имъ сдѣлано было распоряженіе отказаться вовсе отъ выработаннаго плана перевозки войскъ и начать отправленіе въ Европейскую Россію только однихъ запасныхъ, *отдѣльно отъ своихъ частей*. Коменданту Владивостока ген. Линевичь разрѣшилъ для „успокоенія запасныхъ“ отправить немедленно 5,000 запасныхъ въ Европейскую Россію, а также уволить немедленно всѣхъ запасныхъ, прибывшихъ изъ разныхъ частей Приамурскаго военнаго округа.

Хотя въ отвѣтъ на донесеніе ген. Линевича объ этихъ распоряженіяхъ ему указано было, что послѣ перевозки 13-го армейскаго корпуса слѣдуетъ отправить сперва 9-й армейскій, потомъ 4-й Сибирскій корпуса и уже послѣ того команды запасныхъ, направляя эти послѣднія въ перемежку съ эшелонами 1-го армейскаго корпуса, — все же ген. Линевичь остался при принятомъ имъ рѣшеніи. Онъ, тѣмъ не менѣе, согласился, въ виду настойчиваго ходатайства командующаго войсками Сибирскаго военнаго округа, отправить, прежде всего, нѣкоторыя части 4-го Сибирскаго корпуса, а также 1-ю Сибирскую пѣхотную дивизію для поддержанія порядка на Сибирской желѣзной дорогѣ, съ цѣлью освобожденія отъ охраны этой дороги дружинъ государственнаго ополченія. По испол-

нени этой перевозки должна была начаться перевозка запасныхъ, послѣ чего имѣлось въ виду уволить въ запасъ нижнихъ чиновъ срока службы 1900—1901 года.

Къ началу перевозки войскъ, согласно приведеннымъ выше даннымъ, предстояло уволить изъ арміи и въ предѣлахъ Приамурскаго военнаго округа 573,690 запасныхъ и 94,911 нижнихъ чиновъ дѣйствительной службы по двумъ срокамъ такимъ образомъ предстояло перевезти по желѣзной дорогѣ всего 668,601 чел. Такими мѣропріятіями, имѣвшими цѣлью возвратитъ населенію, къ началу полевыхъ работъ, взятыхъ на войну рабочія руки, думали успокоить настроеніе въ арміи и въ то же время повліять успокоительнымъ образомъ и на общія массы народныя въ Имперіи.

Случилось, однако, какъ разъ противоположное. Извѣстіе о возстаніи во Владивостокѣ и происходившихъ одновременно съ этимъ возстаніемъ беспорядкахъ и въ Кронштадтѣ, какъ молнія облетѣло Дальній Востокъ. Во всей арміи началось броженіе среди запасныхъ. Для революціонныхъ агитаторовъ открылось весьма благодарное поле дѣйствій. Ближайшій результатъ возстанія во Владивостокѣ, — послѣднее увольненіе мятежниковъ изъ рядовъ арміи домой, — долженъ былъ вызвать замѣшательство даже и въ умахъ, до того времени сравнительно спокойныхъ.

На этапномъ пунктѣ въ Харбинѣ порвались всякія организационныя связи, пошатнулись также и порядокъ и дисциплина. Скопившіеся тамъ въ большомъ числѣ нижніе чины, принадлежавшіе къ разнымъ войсковымъ частямъ и командамъ, сновали по улицамъ города беспорядочными толпами; среди нихъ постоянно носились смутные слухи о готовящихся беспорядкахъ. Какъ уже упомянуто было выше, главнокомандующій удовлетворилъ ходатайство начальника тыла, ген. Надарова, чтобы прежде всего освободить Харбинъ отъ этой опасной черни, и приказалъ поэтому раньше другихъ отправить по желѣзной дорогѣ эти толпы изъ Харбина. Благодаря этой мѣрѣ въ войскахъ, а въ особенности среди запасныхъ, распространилась увѣренность, что стоитъ только пробраться какъ-

нибудь на сборный пунктъ въ Харбинъ, чтобы оттуда, въ всякой очереди, попасть скорѣе домой. Снова изъ разныхъ частей войскъ запасные устремились въ Харбинъ, покидая свои части безъ всякаго разрѣшенія.

Такимъ образомъ, начальники многочисленныхъ этапныхъ пунктовъ, которые, въ виду предстоящей демобилизаціи арміи, должны были возвратитъ состоявшихъ при нихъ нижнихъ чиновъ сначала въ свои части для увольненія на родину, стали сами допускать бѣгство этихъ нижнихъ чиновъ; начальники этаповъ не видѣли себя въ силахъ воспрепятствовать этому, тѣмъ болѣе что желали въ то же время предохранить себя отъ возможности открытаго сопротивленія со стороны нижнихъ чиновъ; тѣ же части войскъ, которыя должны были получить такихъ нижнихъ чиновъ съ этапныхъ пунктовъ, были очень довольны, что избавлялись отъ такихъ элементовъ, тѣмъ болѣе, что имъ было не мало возни со своими собственными запасными, которые со дня на день становились все болѣе и болѣе распущенными.

Хотя 25-го ноября министръ путей сообщенія увѣдомилъ по телеграфу штабъ главнокомандующаго, что Сибирская желѣзная дорога можетъ пропускать въ день только четыре воинскихъ поѣзда, включая санитарные и товарные, тѣмъ не менѣе изъ Харбина продолжали отправлять шесть, семь, а иногда и *восемь поѣздовъ*. Желѣзнодорожный персоналъ отлично понималъ, куда могутъ привести эти беспорядки, но онъ вынужденъ былъ дѣйствовать такъ подъ давленіемъ обстоятельствъ. Запасные, прибывавшіе въ Харбинъ въ воинскихъ поѣздахъ съ юга и съ востока, требовали немедленнаго отправленія дальше на западъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, разрушить и сжечь всю станцію и перебить всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Ген. Линевицъ, однако, одобрялъ съ своей стороны эту поспѣшную беспорядочную отправку, вызывая этимъ еще большее замѣшательство.

Еще бѣольшую путаницу вызвало распоряженіе главнокомандующаго 3-го октября, чтобы „всѣхъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, а также признанныхъ неспособными, которые выразили желаніе остаться на постоянное жительство на Дальнемъ

Востокѣ, немедленно уволить изъ состава своихъ частей“. Этихъ нижнихъ чиновъ приказано было немедленно отправить по желѣзной дорогѣ къ мѣстамъ избраннаго ими новаго мѣста жительства.

Къ срединѣ декабря въ Харбинѣ собралось свыше 6,000 такихъ нижнихъ чиновъ. Но у большей части ихъ не было даже и отдаленнаго намѣренія остаться на постоянное жительство на Дальнемъ Востокѣ для пріисканія себѣ тамъ какой-либо работы. Они желали только воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы раньше своихъ товарищей прибыть домой. Такъ какъ этимъ нижнимъ чинамъ непонятнымъ образомъ разрѣшалось слѣдовать одиночнымъ порядкомъ и въ пассажирскихъ поѣздахъ, то эти послѣдніе оказались скоро переполненными пьянымъ и крайне распушеннымъ народомъ, еще болѣе опаснымъ, чѣмъ запасные. Только въ началѣ марта ген. Линевичь приказалъ прекратить увольненіе нижнихъ чиновъ, избравшихъ себѣ постоянное жительство на Дальнемъ Востокѣ, а отправить ихъ въ Европейскую Россію въ составѣ своихъ частей.

Вопреки оптимистическимъ ожиданіямъ, что послѣ обнародованія манифеста революціонное движеніе прекратится и возобновится полное спокойствіе, движеніе это, напротивъ, росло все болѣе и болѣе. Населеніе Сибири, состоящее изъ многихъ народностей и въ которомъ находится не малое число политическихъ ссыльныхъ, представляло собою благопріятную почву для дѣятельности агитаторовъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ арміей, а также среди самой арміи,—въ Харбинѣ, во Владивостокѣ, Благовѣщенскѣ, Хабаровскѣ, Читѣ, Иркутскѣ,—безпрепятственно и открыто велась революціонная пропаганда. При участіи нижнихъ чиновъ состоялись многія сходки, въ которыхъ призывались къ революціи. Къ этому-то времени начали прибывать еще въ большемъ числѣ крайне недисциплинированные плѣнные, возвращавшіеся изъ Японіи.

Въ такой обстановкѣ возникла новая желѣзнодорожная забастовка. Въ Европейской Россіи эта забастовка была объявлена революціоннымъ комитетомъ уже 20-го ноября. Въ ночь на 29-е ноября забастовали въ Харбинѣ сначала слу-

жашіе въ полевыхъ почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденіяхъ. Одновременно съ этой забастовкой прекратили свои занятія также и всѣ безъ исключенія служащіе почтово-телеграфнаго вѣдомства на всемъ Дальнемъ Востоѣ. Телеграфное сообщеніе съ Имперіей было прервано, вслѣдствіе чего перестали получаться какія бы то ни было свѣдѣнія о движеніи поѣздовъ по Сибирской дорогѣ. Послѣднимъ свѣдѣніемъ была телеграмма ген. Сухотина о деморализаціи 13-го армейскаго корпуса.

Было несомнѣнно, что вслѣдъ за забастовкой почтово-телеграфныхъ служащихъ вскорѣ вспыхнетъ общая забастовка всѣхъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Эту забастовку можно было бы еще предотвратить, принявъ, наконецъ, энергичныя мѣры. Но ничего сдѣлано не было. Согласно докладу, представленному 4-го декабря начальникомъ желѣзнодорожнаго отдѣла главной квартирѣ, предлагалось безъ малѣйшаго замедленія отрѣшить отъ должностей большую часть желѣзнодорожныхъ служащихъ и замѣстить ихъ надежнымъ и энергичнымъ персоналомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалось испросить Высочайшее соизволеніе на передачу всей Сибирской желѣзной дороги въ вѣдѣніе главнокомандующаго. На этомъ докладѣ главнокомандующій положилъ резолюцію, что такія мѣры въ данное время „представляются преждевременными“.

Два дня спустя послѣ этого вспыхнула желѣзнодорожная забастовка, къ которой на этотъ разъ присоединились также и Восточно-Сибирская и Уссурійская желѣзныя дороги. 9-го декабря ген. Линевичь получилъ отъ забастовщиковъ слѣдующую телеграмму:

„7-го декабря всеобщее собраніе чиновниковъ и всѣхъ служащихъ разныхъ отраслей въ Харбинѣ рѣшило присоединиться къ забастовкѣ всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, а также всѣхъ рабочихъ въ Россіи, при чемъ рѣшено организовать забастовку такимъ образомъ, чтобы какъ въ перевозкѣ войскъ въ Европейскую Россію, такъ и относительно снабженія арміи въ Манчжуріи всѣмъ необходимымъ, не произошло никакого перерыва“.

Далѣ забастовочный комитетъ сообщалъ, что представители разныхъ отраслей желѣзнодорожной службы уполномочены сдѣлать необходимыя распоряженія, подъ наблюдениемъ забастовочнаго комитета, для выполненія указанного рѣшенія. Въ случаѣ какихъ-нибудь затрудненій указывалось сноситься по телеграфу съ „забастовочнымъ комитетомъ служащихъ въ Харбинѣ“, откуда будутъ даваться соответствующія разъясненія.

Приведенное письменное сообщеніе забастовочнаго комитета служить лучшей характеристикой полнѣйшаго безсилія штаба главнокомандующаго, которому забастовочный комитетъ указывалъ, что какъ всѣ заботы о продовольствіи арміи, такъ и пути сообщенія, находящіяся въ вѣдѣніи дѣйствующей арміи, прямо изъемяются изъ рукъ военнаго начальства. Въ практическомъ отношеніи это насиліе забастовочнаго комитета не имѣло, собственно говоря, никакихъ послѣдствій, потому что перевозка войскъ продолжалась, попрежнему, въ томъ же безпорядкѣ. Забастовочный комитетъ пошелъ даже навстрѣчу всякимъ безпорядочнымъ отправкамъ войскъ, потому что всѣ безпорядки были только на руку забастовщикамъ. Моральное значеніе этого факта было въ высшей степени значительно. Безнаказанное насиліе со стороны забастовочнаго комитета и молчаливое признаніе этого со стороны высшихъ военныхъ властей послужили къ тому, что на сторону революціи склонились также и многіе другіе элементы, которые до того времени еще колебались. Огромное число людей слабыхъ и нерѣшительныхъ, которые, однако, всегда готовы принять сторону болѣе сильнаго, увидѣли въ этихъ событіяхъ вполне выяснившееся положеніе и перешли поэтому въ лагерь революціонеровъ. Повсюду послѣ этого стали происходить политическіе митинги при участіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Устраиваемыя начальниками служебныя собранія офицеровъ превращались въ политическія сходки и кончались часто откровенными политическими рѣчами. Результатомъ подобнаго собранія во Владивостокѣ было то, что 120 офицеровъ гарнизона сдѣлали письменное постановленіе, въ которомъ, между прочимъ, приняли на себя обязатель-

ство „не препятствовать забастовкамъ и защищать объявленныя свободы“. Газеты были переполнены возбуждающими статьями, авторами которыхъ были офицеры; въ этихъ статьяхъ всякія понятія о долгѣ и воинской дисциплинѣ прямо ставились вверхъ ногами.

Революціонный комитетъ старался со своей стороны предоставить возможно большее число поѣздовъ для перевозки войскъ, желая этимъ путемъ опровергнуть всякія обвиненія въ томъ, что желѣзнодорожная забастовка является одной изъ причинъ замедленія въ перевозкѣ войскъ въ Европейскую Россію. Когда ген. Батьяновъ, командующій 3-й арміей, „позволилъ себѣ“ во время одного парада объявить запаснымъ, что замедленіе въ отправленіи ихъ на родину объясняется происходившими на желѣзныхъ дорогахъ безпорядками, то забастовочный комитетъ „настоятельно“ просилъ ген. Линевича „сдѣлать немедленно распоряженіе, чтобы въ будущемъ распространеніе подобныхъ свѣдѣній, завѣдомо не соответствующихъ дѣйствительности, не могло повторяться“. Если ген. Батьяновъ отдѣлался только „выговоромъ“, то еще худшее постигло коменданта желѣзнодорожной станціи Чита, который однажды объяснилъ нижнимъ чинамъ проходящаго воинскаго поѣзда задержку на станціи несвоевременной подачей паровоза изъ депо. Онъ былъ обвиненъ въ желаніи возбудить войска противъ забастовщиковъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ, и военному губернатору Забайкальской области предъявлено было требованіе отрѣшить этого коменданта отъ занимаемой имъ должности. Молчаливое признаніе власти забастовочнаго комитета со стороны главнокомандующаго подтверждалось также и тѣмъ, что этотъ послѣдній обращался въ комитетъ съ просьбой объ ускореніи перевозки войскъ.

До середины января отправлено было 277 воинскихъ поѣздовъ съ запасными нижними чинами, безъ всякаго сопровожденія войсками дѣйствительной службы; кромѣ того, въ виду настоятельнаго ходатайства, отправлены были еще нѣкоторыя части, расположенныя въ Сибири. Штабъ главнокоман-

дующаго стремился только къ одному, — что встрѣчало поддержку также и со стороны революціонеровъ, а именно — освободиться насколько возможно скорѣе отъ всякихъ недовольныхъ элементовъ. А что дѣлалось съ такими воинскими поѣздами въ пути, къ западу отъ Байкала, къ этому штабъ главнокомандующаго относился совершенно равнодушно. Такъ какъ изъ Харбина отпускалось такое число воинскихъ поѣздовъ, которое Сибирская дорога пропустить не могла, то на передаточной станціи съ Забайкальской дороги на Сибирскую, Иннокентьевской, творились невѣроятныя вещи. 11-го и 12-го декабря прибывшіе на эту станцію Иннокентьевскую 22 эшелона запасныхъ, опасаясь замедленія дальнѣйшей своей отправки по желѣзной дорогѣ, завладѣли всѣми находившимися на станціи локомотивами, силою поставили на нихъ машинистовъ и принудили ихъ къ отъѣзду. Подобныя поступки, въ связи съ недостаткомъ горючаго матеріала, скоро привели къ полному прекращенію движенія по желѣзной дорогѣ. Со всѣхъ желѣзнодорожныхъ станцій Сибирской дороги получались жалобы о насиліяхъ, творимыхъ запасными.

Въ одномъ изъ донесеній военному министру командующій войсками Сибирскаго военнаго округа, ген. Сухотинъ, говоритъ слѣдующее: „Со стороны штаба главнокомандующаго сдѣлано было все возможное, чтобы вызвать невѣроятный беспорядокъ, не поддающійся описанію въ движеніи поѣздовъ по желѣзной дорогѣ. Для охраны движенія по желѣзной дорогѣ назначенъ былъ совершенно деморализованный корпусъ. Вслѣдъ затѣмъ отправлены были эшелоны, состоящіе исключительно изъ запасныхъ матросовъ, безъ всякаго сопровожденія какими-нибудь вооруженными командами, подъ начальствомъ крайне бездѣятельныхъ офицеровъ и съ такими непонятными письменными свѣдѣніями, что Сибирская дорога не въ состояніи была принимать и пропускать эти эшелоны. Они двигались въ предѣлахъ моего округа по совершенно неизвѣстному намъ перевозочному плану. На малыхъ станціяхъ они самовольно овладѣвали пропускомъ и силою прокладывали себѣ дорогу далѣе, внѣ всякой очереди. Ежедневно я получаю дюжинами жалобы желѣзнодорожныхъ

служащихъ о производимыхъ этими эшелонами насиліяхъ, но ничѣмъ помочь не могу“.

Такъ какъ при такой безпорядочной перевозкѣ по желѣзной дорогѣ чрезвычайно затруднялось продовольствіе эшелоновъ, то сдѣлано было распоряженіе выдавать нижнимъ чинамъ на руки порціонныя деньги, окладъ которыхъ въ концѣ декабря, согласно распоряженію главнокомандующаго, опредѣленъ былъ по 50 коп. въ сутки; этимъ окладомъ замѣненъ былъ существовавшій до сихъ поръ окладъ въ 25 коп. въ день. Но всѣ эти деньги тратились исключительно на водку, которая еще съ начала войны продавалась по всей желѣзной дорогѣ, несмотря на существовавшее запрещеніе. Израсходовавъ всѣ свои порціонныя деньги, крайне распущенные, не отдававшіе себѣ отчета нижніе чины продавали свои предметы обмундированія, а также и свою теплую одежду, которою такъ заботливо снабжали ихъ при отправленіи на родину.

По прибытіи на мѣсто стоянокъ мирнаго времени, между Иркутскомъ и Томскомъ, частей 4-го Сибирскаго корпуса, ген. Сухотинъ приказалъ имъ сопровождать воинскіе поѣзда въ предѣлахъ его округа; на нихъ была возложена охрана пути. Но штабъ главнокомандующаго со своей стороны все еще ничего не дѣлалъ, чтобы какъ-нибудь упорядочить перевозку запасныхъ по желѣзной дорогѣ при отправленіи ихъ изъ Харбина.

Впрочемъ, безпорядокъ на желѣзной дорогѣ производился не одними только запасными. Еще худшимъ элементомъ въ этомъ отношеніи явились возвращавшіеся изъ плѣна нижніе чины, число которыхъ доходило до 72,000 (не считая 9,000 раненыхъ и больныхъ, бывшихъ въ плѣну, которые во время войны еще были отправлены моремъ въ Россію). Эти плѣнные отправлены были на пяти судахъ Добровольнаго флота шестью рейсами во Владивостокъ. Еще при передачѣ этихъ плѣнныхъ въ гаваняхъ Нагасаки, Кобе и Иокогама принимавшему ихъ русскому комиссару эти плѣнные показали себя настолько недисциплинированными, что оказалось необ-

ходимымъ зафрахтовать еще пять иностранныхъ пароходовъ, чтобы отправить этихъ бунтующихъ нижнихъ чиновъ возможно скорѣе. При первой отправкѣ плѣнныхъ на пароходѣ „Воронежъ“ среди нихъ возникъ мятежъ, для подавленія котораго потребовалось привлечь даже японскую полицію, а также и боевыя суда японскаго флота.

Сначала существовало намѣреніе всѣхъ плѣнныхъ отправить изъ Японіи моремъ прямо въ Одессу, потому что было нежелательно „крайне деморализованныхъ плѣнныхъ направлять черезъ Сибирь, охваченную уже революціоннымъ движеніемъ“. Но такое донесеніе главнокомандующаго въ Петербургъ было тамъ отклонено. Не говоря уже о томъ, что признавалось необходимымъ оставить всѣхъ бывшихъ плѣнныхъ во Владивостокѣ, считали неподходящимъ этихъ „ненадежныхъ плѣнныхъ, окарауливаніе которыхъ при кругосвѣтномъ плаваніи было бы чрезвычайно затруднительно, вести еще кругомъ всего материка Азіи на общій показъ. Кроме того, среди плѣнныхъ могъ возникнуть мятежъ въ одномъ изъ попутныхъ портовъ, что могло бы повести еще къ осложненіямъ международнаго характера“.

Такимъ образомъ, пришлось всѣхъ этихъ плѣнныхъ, прибывшихъ во Владивостокъ, направить далѣе по желѣзной дорогѣ. Сначала имѣлось въ виду изъ тѣхъ плѣнныхъ, которые входили въ составъ войскъ [Портъ-Артурскаго гарнизона, формировать новыя войсковыя части. Предполагалось при этомъ знамена прежнихъ полковъ, отправленныя на одномъ миноносцѣ въ Чифу незадолго до сдачи Портъ-Артура, передать новымъ частямъ „при особой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи представителей отъ всѣхъ другихъ частей арміи и при оказаніи возможно высшихъ почестей этимъ знаменамъ, а также и бывшимъ защитникамъ Портъ-Артура“. При этомъ предполагалось передать этимъ частямъ Царское спасибо за геройское исполненіе долга при оборонѣ крѣпости.

Такъ какъ всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ при оборонѣ Портъ-Артура, согласно объявленному Высочайшему соизволенію, каждый мѣсяцъ осады засчитывался какъ годъ

службы, то возвратившихся изъ Японіи плѣнныхъ слѣдовало уволить немедленно въ запасъ; поэтому нижнихъ чиновъ, поступившихъ на сформированіе этихъ новыхъ частей, предполагалось задержать подъ знаменами лишь столько времени, сколько потребуется, чтобы замѣнить ихъ людьми изъ другихъ частей войскъ, которымъ „ветераны Портъ-Артура“ должны были передать воодушевлявшій ихъ духъ и традиціи частей войскъ, оборонявшихъ Портъ-Артуръ“.

Все, однако, приняло совершенно иной оборотъ. Прибывшіе изъ Японіи плѣнные „Портъ-Артурскіе ветераны“ оказались настолько недисциплинированными, что ими не только не пришлось воспользоваться для „передачи славныхъ боевыхъ традицій“, но оказалось необходимымъ возможно скорѣе отправить дальше, чтобы предотвратить вредное вліяніе этихъ людей на тѣ части войскъ дѣйствительной службы, которыя еще оставались нетронутыми броженіемъ и неповиновеніемъ.

Такъ какъ прибытіе плѣнныхъ во Владивостокъ совпало съ возникшими въ городѣ беспорядками, то оказались вынужденными возможно скорѣе отправить этихъ плѣнныхъ съ судовъ прямо на желѣзную дорогу для скорѣйшаго слѣдованія въ Европейскую Россію. Обстоятельство это повело къ еще большимъ беспорядкамъ, въ добавокъ къ тѣмъ, которые и безъ того существовали на Сибирской дорогѣ въ концѣ 1905 года.

Наиболѣе опаснымъ элементомъ [послѣ плѣнныхъ матросовъ, возвратившихся изъ Японіи, явились крѣпостные артиллеристы, входившіе въ составъ гарнизона Портъ-Артура. 25-го ноября стали бунтовать 400 артиллеристовъ, которые были размѣщены въ казармѣ во Владивостокѣ въ ожиданіи отправки на родину. При этомъ было убито 2 офицера и разрушено офицерское собраніе. Поводомъ къ этому бунту послужило то обстоятельство, что офицеръ, которому былъ порученъ надзоръ надъ прибывающими плѣнными, убилъ напавшаго на него артиллериста. Въ виду этого происшествія изъ Петербурга 29-го ноября указано было принять строжайшія мѣры къ прекращенію всякихъ беспорядковъ и

не отправлять плѣнныхъ на родину, пока среди нихъ не будетъ восстановленъ полный порядокъ. Но когда два дня спустя комендантъ Владивостока донесъ главнокомандующему о прибытіи парохода „Лена“ съ 250 плѣнными матросами, требовавшими отправленія своего на родину, то ген. Линевичь снова разрѣшилъ немедленно отправить ихъ по желѣзной дорогѣ.

Въ то время, какъ на Сибирской желѣзной дорогѣ, благодаря мѣрамъ, принятымъ ген. Сухотинымъ, водворился до нѣкоторой степени извѣстный порядокъ, на Забайкальской дорогѣ продолжала попрежнему господствовать полнѣйшая анархія. Въ городѣ Читѣ революціонеры захватили въ свои руки почти всю власть. 9-го декабря огромная толпа народа отправилась къ дому военнаго губернатора и потребовала немедленнаго освобожденія различныхъ арестованныхъ и заключенныхъ, содержавшихся на гауптвахтѣ и въ тюрьмѣ. „Принимая во вниманіе чрезвычайное возбужденіе толпы, а также опасаясь, что отказъ въ исполненіи этого требованія можетъ повести къ насильственному освобожденію арестованныхъ съ гауптвахты и изъ тюрьмы“, ген. Холщевниковъ призналъ необходимымъ, „для поддержанія спокойствія въ городѣ“, освободить арестованныхъ.

18-го декабря толпа желѣзнодорожныхъ рабочихъ и мастеровъ разграбила складъ оружія 3-го резервнаго желѣзнодорожнаго батальона и на глазахъ караула завладѣла около 800 винтовками. Нижніе чины упомянутого батальона держали себя при этомъ совершенно пассивно. Разграбленіе оружейнаго склада осталось безнаказаннымъ, вслѣдствіе чего дерзость мятежниковъ и деморализація войскъ гарнизона возросли еще болѣе. Несмотря на прибытіе 1-й Сибирской пѣхотной дивизіи, военныя власти Забайкальской области все же остались пассивными, не рѣшаясь привлечь войска для энергичнаго подавленія возстанія. Поэтому вновь прибывшіе нижніе чины скоро подпали подъ вліяніе революціонеровъ, которымъ очень легко удалось привлечь ихъ на свою сторону.

Такъ шла въ Сибири перевозка войскъ и запасныхъ,

а главнокомандующій милліонной арміи, съ которой русскіе собирались уничтожить японцевъ, преклонился передъ распоряженіями кучки революціонеровъ и мятежниковъ. Ген. Линевичъ допустилъ даже продолжать уплату жалованья бастовавшимъ почтовымъ и телеграфнымъ чиновникамъ.

Распушенность эта распространилась не только по желѣзной дорогѣ, но проявлялась также и въ войскахъ, остававшихся въ Манчжуріи въ ожиданіи отправки по желѣзной дорогѣ. Замѣчавшееся среди запасныхъ броженіе, появившееся послѣ возстанія во Владивостокѣ, росло все болѣе и болѣе и, наконецъ, въ декабрѣ прорвалось въ видѣ открытаго возмущенія. Не проходило дня, чтобы въ штабѣ главнокомандующаго не получались телеграфныя донесенія о неповиновеніи и мятежныхъ актахъ со стороны запасныхъ. Эти запасные часто собирались большими массами передъ квартирами своихъ начальниковъ, предъявляли различныя требованія, во главѣ которыхъ постоянно значился одинъ неизмѣнный пунктъ—о скорѣйшемъ отправленіи на родину. Послѣ этого пункта предъявлялся рядъ экономическихъ требованій, среди которыхъ большую роль играло требованіе о раздѣленіи ротныхъ суммъ на томъ основаніи, что суммы эти накопились изъ экономіи въ продовольствіи нижнихъ чиновъ, а потому деньги эти должны принадлежать этимъ послѣднимъ. Замѣчательно то, что во всѣхъ частяхъ войскъ требованія имѣли всегда одинъ и тотъ же характеръ, были совершенно тождественны, что должно указать на то, что существовало какое-то письменное соглашеніе или же что таковое было выработано заранѣе представителями разныхъ частей войскъ.

Попытки подавить это броженіе среди запасныхъ энергичными мѣрами не предпринимались вовсе въ виду того, что нижніе чины дѣйствительной службы едва ли согласились бы обратить свое оружіе противъ запасныхъ; напротивъ со стороны первыхъ замѣчалось большее или меньшее сочувствіе этимъ требованіямъ запасныхъ. Такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ успокоить запасныхъ нижнихъ чиновъ оста-

валось скорѣйшее отправленіе ихъ на родину. Когда такое общаніе осуществлялось на дѣлѣ, то оно всегда дѣйствовало на запасныхъ успокоительнымъ образомъ. Когда же приходило обѣщанное время отправленія на родину, а исполнить этого было невозможно, то возмущеніе вспыхивало съ новой силой.

Если было трудно сдерживать нижнихъ чиновъ, находящихся въ составѣ частей, то легко себѣ представить, что дѣлалось на желѣзной дорогѣ послѣ того, какъ запасные нижніе чины, добившись отправленія на родину, слѣдовали безъ всякаго сопровожденія вооруженныхъ командъ, всецѣло подъ влияніемъ агитаторовъ, которыхъ находилось не мало въ ихъ собственныхъ рядахъ и которые въ избыткѣ встрѣчались также и по дорогѣ. Малѣйшая задержка въ пути служила поводомъ для немедленнаго возмущенія и для всякихъ дикихъ актовъ насилія и беспорядковъ. Страхъ передъ наказаніемъ за возмущеніе и неповиновеніе исчезъ уже ранѣе, въ Манчжуріи, благодаря снисходительности къ такимъ преступленіямъ. Вслѣдствіе этого мятежные запасные въ пути своевольно завладѣвали паровозами для своихъ поѣздовъ и силою заставляли первыхъ попавшихся имъ въ руки машинистовъ садиться на локомотивы, принуждая ихъ продолжать путь, пренебрегая всякими установленными мѣрами предосторожности. Они не допускали дѣлать въ пути необходимыя остановки для набора воды, не допускали никоимъ образомъ, чтобы ихъ обогналъ позади идущій поѣздъ, сами постоянно позволяли себѣ всевозможныя насилія, а при малѣйшемъ сопротивленіи желѣзнодорожныхъ служащихъ набрасывались на нихъ, били и калѣчили ихъ и разрушали станціи.

Невѣроятныя затрудненія возникали при переходѣ на Европейскую желѣзнодорожную сѣть, въ виду такого беспорядочнаго движенія по Сибирской дорогѣ. При отправленіи запасныхъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія на принадлежность ихъ къ тѣмъ или инымъ районамъ, куда они должны были быть отправлены на родину, такъ какъ единственнымъ руководящимъ началомъ служило при этомъ желаніе возможно скорѣе освободиться отъ неудобныхъ элементовъ. При такихъ

условіяхъ получило то, что на передаточной желѣзнодорожной станціи Сызрань скопились воинскіе поѣзда съ запасными, принадлежавшими болѣе чѣмъ 500 различнымъ районамъ Имперіи, куда ихъ слѣдовало направить для увольненія на родину. Необходимо было поэтому составлять по десять транспортовъ и направлять ихъ въ соотвѣтствующіе районы для увольненія на родину.

Наконецъ, въ срединѣ января 1906 года главнокомандующему Манчжурскихъ армій указанъ былъ изъ Петербурга тотъ путь, на который, при наличности сколько-нибудь твердой воли, онъ долженъ былъ самъ стать уже давно. 10-го января ген. Линевицъ получилъ телеграмму изъ Петербурга, переданную черезъ русскаго посланника въ Китаѣ, въ которой ему указывалось поручить генераль-лейтенанту Ренненкампфу возстановить порядокъ на Забайкальской и Сибирской желѣзныхъ дорогахъ. Малѣйшее незаконное дѣйствіе со стороны служащихъ должно было быть наказано съ величайшей строгостью, безъ малѣйшаго снисхожденія. Эти мѣры были направлены, прежде всего, противъ забастовавшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, такъ какъ, въ виду перерыва телеграфнаго сообщенія, въ Петербургѣ не знали вовсе о революціонномъ движеніи, охватившемъ все населеніе Сибири и проникшемъ также и въ войска. Но важно было то, что указано было, наконецъ, главное и единственное средство, которое одно только могло послужить для возстановленія порядка, — беспощадная строгость.

Ген. Ренненкампфъ для подобной задачи былъ вполне подходящимъ человѣкомъ. Послѣ ген. Миценко это былъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся генераловъ. Если этотъ генераль во время войны и не далъ военныхъ успѣховъ, то все же онъ обнаружилъ достаточную энергію и пользовался довѣріемъ войскъ. Успѣхъ, которымъ пользовались его дѣйствія при усмиреніи забастовщиковъ, снова доказываетъ, что непослушныя разнузданныя массы можно укротить только сильными и беспощадными дѣйствіями, а никакъ не проявленіемъ слабости.

Согласно докладу ген. Ренненкампфа, ген. Линевицъ рѣшился наконецъ приказомъ отъ 18-го января воспретить офи-

церамъ и нижнимъ чинамъ посѣщеніе всякихъ политическихъ сходокъ. 21-го января послѣдовалъ приказъ объ отправленіи по желѣзной дорогѣ данной ген. Ренненкампфу 5-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи для подавленія возстанія въ Забайкальи; въ тотъ же день ген. Холщевникову предоставлено было воспользоваться „4-хъ мѣсячнымъ отпускомъ“. Военнымъ губернаторомъ Забайкальской области, на мѣсто ген. Холщевникова, назначенъ былъ ген. Сычевскій, а начальникъ 5-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, ген. Полковниковъ, назначенъ былъ командующимъ войсками Забайкальской области. Самъ ген. Ренненкампфъ отправился 22-го января изъ Харбина, имѣя съ собою 1 батальонъ, 4 пулемета и 2 горныхъ орудія.

По дорогѣ ген. Ренненкампфъ получилъ телеграфное сообщеніе отъ главнокомандующаго, что „по слухамъ“ въ Читѣ готовятся оказать вооруженное сопротивление и что далѣе, опять-таки „по слухамъ“, извѣстно стало, что изъ Европейской Россіи на востокъ, по Сибирской желѣзной дорогѣ, направлены войска подъ начальствомъ ген. Меллеръ-Закомельскаго для возстановленія порядка на этой дорогѣ.

Чита въ это время находилась вполнѣ въ рукахъ возставшихъ. 3-го января огромная толпа завладѣла вагонами, въ которыхъ находились предусмотрительно отправленные изъ Харбина, въ самый разгаръ Забайкальскаго возстанія, 2,000 винтовокъ и артиллерійскіе снаряды для передачи въ Читинскій оружейный складъ.

25-го января 1906 года ген. Ренненкампфъ прибылъ на границу Забайкальской области, на станцію Манчжурія, которая незадолго передъ тѣмъ, 22-го января, была совершенно разрушена проѣзжавшими запасными. Энергичныя дѣйствія ген. Ренненкампфа, который немедленно арестовалъ и предалъ военному суду тѣхъ изъ забастовщиковъ, которые къ этому времени не успѣли бѣжать, оказали свое дѣйствіе: телеграфисты на станціи Манчжурія сейчасъ же приступили къ исполненію своихъ обязанностей и письменно обязались не пересылать никакихъ телеграммъ забастовочнаго комитета.

28-го января ген. Ренненкампфъ направился далѣе на за-

падъ. Незадолго передъ своимъ отъѣздомъ онъ получилъ телеграмму отъ ген. Меллеръ-Закомельскаго, въ которой этотъ послѣдній сообщалъ ему о своемъ прибытіи на станцію Байкаль, гдѣ онъ предполагалъ ожидать занятія Читы ген. Ренненкампфомъ; со своей стороны онъ хотѣлъ перехватывать всѣхъ тѣхъ, которые попытаются бѣжать изъ Читы на западъ.

3-го февраля ген. Ренненкампфъ подошелъ къ Читѣ съ половиной 5-й Восточно - Сибирской стрѣлковой дивизіи. Первое его требованіе, предъявленное забастовщикамъ, немедленно сдать городъ и все оружіе, которое у нихъ имѣется, осталось безъ вниманія. Но когда на слѣдующій день 4-го февраля, ген. Ренненкампфъ повторилъ свое требованіе, пригрозивъ немедленными репрессивными мѣрами, то возставшіе сдали городъ, въ который Ренненкампфъ и вступилъ безъ всякаго сопротивленія въ 6 час. вечера. Въ ближайшіе дни арестовано было около 300 особенно выдѣлившихся революціонеровъ; главные руководители, однако, успѣли бѣжать. Кромѣ того, произведены были многочисленные аресты и среди войскъ. Въ первую же ночь арестованъ былъ 81 нижній чинъ изъ состава 3-го резервнаго желѣзнодорожнаго батальона, которые открыто объявили себя примкнувшими къ революціонному движенію. Среди арестованныхъ въ послѣдующіе два дня 29 главныхъ коноводовъ находилось 13 членовъ „военнаго союза“, въ томъ числѣ 12 офицеровъ и 1 подпрапорщикъ. Отъ населенія отобрано было 1,000 винтовокъ. Первое время повторялись еще неоднократно нападенія на часовыхъ и желѣзнодорожные поѣзда. Но подъ страхомъ объявленныхъ строжайшихъ наказаній мало-по-малу прекратились и такія дѣйствія и наступило полное спокойствіе, въ особенности послѣ того, какъ закрыты были двѣ мѣстныя газеты, дѣйствовавшія возбуждающимъ образомъ на населеніе, а редакторы этихъ газетъ посажены были въ тюрьму.

Такъ закончилось существованіе „Читинской республики“, которая въ теченіе двухъ мѣсяцевъ открыто насмѣхалась надъ властями Дальняго Востока, а затѣмъ быстро исчезла только благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ одного безстрашнаго чело-

вѣка. Теперь только, набравшись храбрости, рѣшился, наконецъ, и ген. Линевичь на энергичныя дѣйствія: слѣдуя примѣру ген. Ренненкампа, онъ приказалъ 6-го февраля арестовать членовъ забастовочнаго комитета въ Харбинѣ, среди которыхъ многіе принадлежали къ числу высшихъ желѣзнодорожныхъ властей. Такимъ образомъ закончена была забастовка, которая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ставила сообщеніе арміи съ Европейской Россіей въ зависимость отъ милости революціоннаго комитета.

При всемъ томъ и теперь ген. Линевичь никакъ не могъ признать необходимости не отправлять запасныхъ отдѣльными эшелонами, а непремѣнно вперемежку съ частями войскъ, хотя военный министръ настойчиво повторялъ это требованіе. Главнокомандующій не рѣшался на эту мѣру потому, что это повело бы къ замедленію въ отправкѣ запасныхъ. Онъ не желалъ брать на себя отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что въ это время со всѣхъ сторонъ получали тревожныя донесенія о неповиновеніяхъ запасныхъ. Въ заключеніе нашли исходъ, состоявшій въ томъ, что отправку запасныхъ сопровождалась всегда одной вооруженной ротой на каждый эшелонъ. Командиръ этой роты назначался комендантомъ поѣзда и на его обязанности было поддержаніе порядка среди запасныхъ въ пути. Такимъ образомъ постепенно урегулировалось сообщеніе по желѣзной дорогѣ.

Въ концѣ іюня 1906 года закончена была перевозка войскъ изъ Манчжуріи въ Европейскую Россію. Въ теченіе 8½ мѣсяцевъ изъ Харбина отправлено было 1,376 воинскихъ поѣздовъ въ западномъ и восточномъ направленіяхъ. Перевезено было въ этихъ поѣздахъ 19,793 офицера, 1,126,876 нижнихъ чиновъ, 117,712 лошадей, 1,185 орудій, а также разныя повозки. 589 поѣздовъ заняты были подъ перевозку запасныхъ и нижнихъ чиновъ, возвращавшихся изъ плѣна. Кромѣ того по временамъ перевозка направлялась также и моремъ изъ Владивостока въ Одессу. На 70 пароходахъ перевезено было 1,584 офицера и 127,231 нижній чинъ. Въ апрѣлѣ 1906 года, въ виду достигнутыхъ улучшеній въ перевозкѣ войскъ по же-

лѣзной дорогѣ, пріостановлена была вовсе перевозка морскимъ путемъ, которая обходилась довольно дорого.

Въ то время, когда происходили описанныя выше событія въ Читѣ, закончившіяся подавленіемъ забастовки ген. Ренненкампомъ, — во Владивостокѣ разыгрались еще болѣе серьезныя событія. При этомъ важно не то, что безпорядки приняла тамъ болѣе серьезные размѣры, а то, что въ нихъ приняли участіе не только забастовавшіе рабочіе,¹ недисциплинированныя запасныя и мятежныя массы народа, но и весь мятежный гарнизонъ города.

Еще во время первыхъ безпорядковъ во Владивостокѣ оказалось, что среди всѣхъ частей войскъ сохранили порядокъ только одни Сибирскіе казаки. Такъ какъ эти казаки принадлежали ко 2-й очереди и должны были быть уволены на льготу, то на смѣну имъ въ концѣ ноября прибылъ 1-й Верхнеудинскій полкъ Забайкальскаго казачьяго войска, входившій во время войны въ составъ бригады ген. Мищенко.

Съ внѣшней стороны, въ декабрѣ 1905 года, казалось, все было спокойно. Но уже въ серединѣ этого мѣсяца начальникъ штаба Приамурскаго округа, ген. Рутковскій, доноситъ главнокомандующему по телеграфу изъ Хабаровска о положеніи во Владивостокѣ въ крайне мрачномъ, но правдивомъ, видѣ.

На разныхъ политическихъ сходкахъ военные врачи, а также разныя другія лица внушали войскамъ неповиновеніе начальникамъ. Комендантъ крѣпости и другія власти держались при этомъ въ высшей степени пассивно, такъ что дѣйствительная власть фактически находилась въ рукахъ агитаторовъ и мѣстной печати. Ген. Рутковскій былъ того мнѣнія, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія является немедленная замѣна всѣхъ властей во Владивостокѣ болѣе энергичными лицами, а также выводъ изъ города всего гарнизона, въ особенности крѣпостной артиллеріи, и замѣна этихъ войскъ болѣе надежными частями. Послѣ послѣдняго погрома, по словамъ телеграммы ген. Рутковскаго, войска были совершенно деморализованы, а явная безнаказанность преступле-

ній противъ дисциплины подорвала въ войскахъ все до основанія.

На этой телеграммѣ ген. Линевиць положилъ слѣдующую резолюцію: „Читаль. Необходимо принять мѣры противъ революціонной пропаганды въ войскахъ“. Резолюція эта была сообщена ген. Рутковскому и этимъ весь вопросъ былъ исчерпанъ.

Одновременно получено было такое же донесеніе отъ военнаго губернатора Приморской области, ген. Флуга. Этотъ послѣдній доносилъ, что послѣ беспорядковъ, бывшихъ во Владивостокѣ въ октябрѣ, въ этомъ городѣ образовался „союзъ союзовъ“, къ которому примкнули всѣ оппозиціонные элементы и въ особенности военные врачи, призванные изъ запаса. Союзъ этотъ поставилъ себѣ цѣлью захватить по возможности всю власть въ крѣпости, подчинивъ себѣ также и вооруженную силу, что „представляется вполне возможнымъ, въ виду крайней распушенности гарнизона“. Поэтому и ген. Флугъ требовалъ замѣны гарнизона другими войсками. Однако, и донесеніе ген. Флуга, какъ и приведенное выше донесеніе ген. Рутковскаго, не вызвало со стороны главнокомандующаго ни малѣйшихъ распоряженій.

Особенное неудовольствіе „союза союзовъ“ навлекъ на себя командиръ Уссурійской желѣзнодорожной бригады полк. Креммеръ, такъ какъ онъ со своими двумя батальонами поддерживалъ порядокъ и движеніе на Уссурійской желѣзной дорогѣ и тѣмъ предотвратилъ здѣсь возникновеніе забастовки. „Союзъ союзовъ“ по телеграфу требовалъ отъ главнокомандующаго немедленнаго отрѣшенія полк. Креммера отъ должности. На этотъ разъ, однако, ген. Линевиць не согласился на требованіе революціонеровъ. Въ виду этого на митингѣ нижнихъ чиновъ гарнизона, состоявшемся съ разрѣшенія коменданта крѣпости и въ которомъ участвовали представители „союза союзовъ“, было рѣшено силою удалить полк. Креммера съ занимаемой имъ должности въ виду ненормальности его умственныхъ способностей. Душою этого митинга, которымъ руководили упомянутые выше депутаты „союза союзовъ“, былъ врачъ Уссурійской желѣзной дороги Ланковскій.

Революціонеры во Владивостокѣ могли себѣ позволить все,

потому что они рассчитывали на поддержку большей части гарнизона. Наибольшая распущенность и неповиновение замѣчались во флотскихъ экипажахъ и въ крѣпостной артиллеріи, большая часть которыхъ прибыла во Владивостокъ изъ Кронштадта, Севастополя и Ливавы. По словамъ исторіи русскаго генеральнаго штаба, „нижніе чины этихъ частей прошли уже дома надлежащую революціонную школу, поэтому въ настоящемъ случаѣ представляли собою вполне подготовленный матеріалъ. Прибывшія изъ тѣхъ же пунктовъ во Владивостокъ команды портовыхъ рабочихъ имѣли въ своей средѣ опытныхъ и энергичныхъ агитаторовъ, которые, конечно, постарались, чтобы не заглохло то, что уже было посеяно въ Россіи“.

Впрочемъ, и во всемъ остальномъ составѣ крѣпостнаго гарнизона господствовалъ мятежный духъ. Причина этого заключается въ непривычномъ для войскъ исполненіи всѣхъ ихъ требованій и въ безконечныхъ колебаніяхъ начальствующихъ лицъ въ отношеніи принимаемыхъ ими мѣръ. Такъ, напримѣръ, въ виду недостатка рабочихъ рукъ для производства поспѣшныхъ работъ при вооруженіи крѣпости, къ землекопнымъ работамъ были привлечены войска. А такъ какъ солдатамъ за это никакой особой платы не выдавалось, то работа подвигалась медленно. Прежній комендантъ распорядился выплачивать нижнимъ чинамъ ту же поденную плату, которую получали корейскіе и китайскіе рабочіе, благодаря чему работы начали подвигаться успѣшнѣе. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ, при объявленіи войны, войскамъ была назначена плата за такія работы, которыя составляли ихъ простой долгъ. Когда ген. Казбекъ былъ назначенъ комендантомъ крѣпости, то онъ захотѣлъ, было, отмѣнить эту поденную плату войскамъ, чѣмъ вызвалъ крайнее неудовольствіе нижнихъ чиновъ; въ концѣ концовъ онъ вынужденъ былъ уступить. Точно также ему не удалось установить для нижнихъ чиновъ размѣръ этой платы безъ соглашенія съ ними: подобный неподобающій торгъ съ нижними чинами дѣлалъ ихъ, конечно, еще болѣе недовольными и требовательными.

Всѣ эти обстоятельства были, однако, только побочными при-

чинами все болѣе и болѣе увеличивавшагося неповиновенія нижнихъ чиновъ. Главная причина заключалась въ томъ, что они всецѣло подпали вліянію революціонеровъ.

15-го декабря ген. Казбекъ доносилъ главнокомандующему о настроеніи гарнизона крѣпости, назвавъ этотъ гарнизонъ „*вулканомъ*“, который каждую минуту можетъ вспыхнуть. По его мнѣнію, положеніе это было вызвано манифестомъ, которымъ дарованы свободы совѣсти и сходокъ.

Этой нерѣшительностью военныхъ властей отлично пользовались революціонные агитаторы, привлекая нижнихъ чиновъ на свои политическіе митинги. Войсковые начальники не рѣшались вмѣшаться въ это дѣло, опасаясь запрещеніями ухудшить и безъ того напряженное уже положеніе. Были даже люди, которые придерживались того взгляда, что эти митинги являются хорошимъ предохранительнымъ клапаномъ, черезъ который постепенно могутъ выходить внаружу накопившіеся элементы неудовольствія,—вмѣсто того, чтобы все это разразилось однимъ внезапнымъ взрывомъ.

Полнѣйшая безнаказанность агитаторовъ вкоренила постепенно въ нижнихъ чинахъ увѣренность, что сила находится на сторонѣ этихъ агитаторовъ и что они дѣйствуютъ въ полномъ своемъ правѣ. Такой взглядъ могъ укрѣпиться въ нихъ тѣмъ болѣе, что на политическихъ сходкахъ они въ качествѣ руководителей встрѣчали, главнымъ образомъ, военныхъ врачей, запасныхъ офицеровъ и военныхъ чиновниковъ.

Среди запасныхъ офицеровъ, составлявшихъ около половины офицерскаго состава, только часть молодыхъ офицеровъ была проникнута революціонными идеями, остальные же просто съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія своей службы и интересовались преимущественно только собственнымъ благополучіемъ. Разграбленіе города 12-го ноября, окончившееся убійствомъ нѣсколькихъ офицеровъ и разгромомъ офицерскихъ квартиръ, а затѣмъ примѣры дикости и распущенности, проявленные на глазахъ всего гарнизона возвращавшимися изъ Японіи плѣнными, дѣйствовали крайне деморализующе и многіе малодушные офицеры, изъ боязни передъ своими нижними чинами,

стали проявлять слишком много снисходительности къ преступленіямъ ихъ противъ дисциплины.

На одномъ собраніи офицеровъ, назначенномъ ген. Казбекомъ для выработки руководящихъ отношеній къ революціонному движенію, 125 офицеровъ сдѣлали письменное постановленіе, въ которомъ приняли на себя защиту свободъ, рѣшивъ не сопротивляться забастовкамъ и допустивъ согласованныя дѣйствія съ нижними чинами.

Въ концѣ декабря главнокомандующій рѣшился, наконецъ, замѣнить ген. Казбека другимъ лицомъ. Выборъ его палъ на командира 17-го армейскаго корпуса, генераль-лейтенанта Селиванова, который 24-го декабря и былъ назначенъ комендантомъ крѣпости. Ген. Линевичь не призналъ, однако, необходимымъ дать ему болѣе надежныя войска.

Первымъ распоряженіемъ ген. Селиванова по прибытіи его во Владивостокъ было запрещеніе нижнимъ чинамъ посѣщать политическія сходки. Распоряженіе это, однако, не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на вполне уже деморализованныя войска. Новый комендантъ поэтому очень скоро убѣдился, что на возстановленіе порядка въ крѣпости мирнымъ путемъ надѣяться трудно. 10-го января 1906 года онъ телеграфировалъ главнокомандующему: „Настроеніе войскъ гарнизона внушаетъ чрезвычайныя опасенія. 32-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ уже въ теченіе двухъ дней отказывается вступить въ карауль. Въ 29-мъ и 30-мъ полкахъ также замѣчается броженіе; на 39-й полкъ никоимъ образомъ нельзя положиться. Въ артиллеріи 8-й дивизіи также вспыхиваютъ возмущенія. На Русскомъ Островѣ, гдѣ расположены 3 полка 10-й стрѣлковой дивизіи, спокойно. Скоро, однако, некому будетъ нести караульную службу. Всѣ мѣры, принимаемыя для успокоенія, оказываются недѣйствительными. Чтобы примѣнить силу, у меня нѣтъ средствъ. Настоятельно прошу немедленно прислать сюда надежныя войска въ составѣ пѣхотнаго полка, казачьяго полка и казачьей батареи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вывести изъ крѣпости полки 8-й стрѣлковой дивизіи, въ виду ихъ полнѣйшей деморализаціи“.

Исполненіе этой просьбы со стороны главнокомандующаго

заставило себя, однако, ждать нѣкоторое время. Тѣмъ временемъ ген. Селивановъ попытался собственными силами вступить въ борьбу съ анархіей. Онъ приказалъ арестовать главныхъ коноводовъ, среди которыхъ былъ упомянутый докторъ Ланковский, а также кандидатъ на классную должность Шпееръ, который на всѣхъ политическихъ сходкахъ являлся главнымъ подстрекателемъ и пріобрѣлъ большое вліяніе на нижнихъ чиновъ. Мѣры эти были причиной почти непримѣрнаго мятежа.

22-го января матросы Сибирскихъ флотскихъ экипажей ворвались въ цейхгаузъ и овладѣли находившимися тамъ оружіемъ и боевыми припасами. На слѣдующій день въ одномъ циркѣ состоялась чрезвычайно многолюдная сходка, на которую явились вооруженными матросы, а также часть нижнихъ чиновъ сухопутныхъ войскъ. По окончаніи этой сходки участники ея, свыше 1,000 чел., въ сопровожденіи огромной толпы народа, направились къ квартирѣ коменданта, чтобы передать ему постановленіе этой сходки, — немедленно освободить изъ-подъ ареста Ланковского и Шпеера. Послѣ нѣкоторыхъ предостереженій, сказанныхъ толпѣ и оказавшихся безуспѣшными, ген. Селивановъ приказалъ открыть по толпѣ огонь изъ пулеметовъ. Эти пулеметы, подъ прикрытіемъ оставшихся вѣрными двухъ ротъ 32-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, были установлены около квартиры коменданта. Послѣ непродолжительнаго огня толпа была разсѣяна; на мѣстѣ остались 25 демонстрантовъ убитыми; около 50 раненыхъ было зарегистрировано на мѣстахъ, но много раненыхъ разбрелось, обойдясь безъ медицинской помощи.

Утромъ 24-го января коменданту донесли, что на Иннокентьевской батарее, расположенной внѣ города, собрались вооруженные крѣпостные артиллеристы, угрожающіе обстрѣливать городъ. Ген. Селивановъ тогда немедленно отправился лично на эту батарею, намѣреваясь успокоить какъ-нибудь мятежниковъ и тѣмъ предотвратить возможное кровопролитіе; онъ вынужденъ былъ отправиться одинъ, такъ какъ не могъ рассчитывать на преданность остальныхъ войскъ. Прибывъ на батарею, ген. Селивановъ пытался разяснить людямъ, что ихъ требованіе объ освобожденіи арестованныхъ агитаторовъ невы-

полнимо; убѣдившись, что его старанія безуспѣшны, въ особенности, когда среди солдатъ-артиллеристовъ появились еще и матросы онъ хотѣлъ удалиться. Въ то время, когда онъ направлялся къ своему экипажу, съ батареи въ него было сдѣлано нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Раненый двумя пулями въ шею и грудь, онъ все же былъ въ состояніи добраться до своего экипажа, въ которомъ и былъ доставленъ въ госпиталь. Съ этого момента во Владивостокѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, законной власти не существовало. Послѣ отъѣзда ген. Селиванова артиллеристы предложили 32-му Восточно-Сибирскому стрѣлковому полку присоединиться къ нимъ и освободить заключенныхъ. Вооруженная толпа стрѣлковъ начала штурмовать гауптвахту, гдѣ содержались подъ арестомъ Ланковскій и Шпееръ. Городской комендантъ, подполк. Сурменевъ, очень любимый нижними чинами, пытался образумить ихъ. Въ отвѣтъ на его слова изъ толпы раздались выстрѣлы. Пораженный пулей въ животъ полк. Сурменевъ палъ на своемъ посту. Арестованные были съ триумфомъ освобождены изъ-подъ ареста.

Заступившій мѣсто коменданта, старшій изъ начальниковъ крѣпостного гарнизона, исправляющій должность начальника 8-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи ген. Алкалаевъ-Калагеоргій никакихъ мѣръ противъ мятежниковъ не принималъ. Начальникъ штаба крѣпости полк. Май-Маевскій вышелъ изъ крѣпости съ оставшимися вѣрными войсками, а именно: незадолго передъ тѣмъ прибывшимъ изъ арміи 1-мъ Верхнеудинскимъ казачьимъ полкомъ, учебной командой и двумя ротами 32-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и одной пулеметной командой. Съ этими войсками полк. Май-Маевскій направился изъ крѣпости на сѣверъ въ Раздольное, откуда онъ послалъ главнокомандующему донесеніе.

Мятежники остались полными хозяевами крѣпости. 27-го января состоялись торжественныя похороны павшихъ 23-го января участниковъ демонстраціи. Для братской могилы нарочно избрано было то же мѣсто, гдѣ были подобраны трупы этихъ людей—на одной изъ самыхъ оживленныхъ улицъ города, противъ вокзала. Въ похоронной процессіи, по рас-

поряженію руководителей возстанія, приняли участіе, при молчаливомъ согласіи военныхъ властей, все войска гарнизона, съ музыкой и съ офицерами. Гробы павшихъ были украшены красными знаменами и лентами и разными другими атрибутами революціи. При опусканіи гробовъ въ могилу изъ всѣхъ крѣпостныхъ орудій былъ сдѣланъ салютъ. На могилѣ водруженъ былъ деревянный крестъ съ надписью: „Водруженъ на вѣчную память борцамъ за свободу“.

Когда извѣстіе объ этихъ событіяхъ получено было въ главной квартирѣ, рѣшился, наконецъ, и ген. Линевицъ на энергичный шагъ. Для восстановленія порядка въ крѣпости назначенъ былъ командиръ своднаго корпуса ген. Мищенко. Для выполненія задачи ген. Мищенко даны были 2-я кубанская пластунская бригада (6 Кавказскихъ пѣшихъ казачьихъ батальоновъ), полкъ Кавказской казачьей дивизіи и 1-я Забайкальская казачья батарея. Вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Мищенко предоставлены были права генераль-губернатора и начальника всѣхъ войскъ Владивостокскаго укрѣпленнаго района.

Такимъ образомъ, въ минуту нужды и позора прибѣгли къ спасительной дѣятельности ген. Ренненкампа и Мищенко. Оба эти генерала не проявили ничѣмъ своихъ полководческихъ способностей, но они показали себя людьми твердой воли. Оба они притомъ пользовались довѣріемъ войскъ, а ген. Мищенко, кромѣ того, былъ настолько популяренъ, что одного его имени достаточно было, чтобы отрезвить массы мятежниковъ во Владивостокѣ.

Для очерка этой экспедиціи достаточно нѣсколькихъ словъ. Въ началѣ февраля ген. Мищенко, по прибытіи къ Раздольному, присоединилъ къ своему отряду также и отрядъ полк. Май-Маевского. При извѣстіи о приближеніи къ Владивостоку отряда ген. Мищенко коноводы мятежа стали готовить гарнизонъ крѣпости къ сопротивленію, распространяя повсюду слухъ, что ген. Мищенко прибываетъ для суда и расправы надъ возставшими и что всемъ грозитъ висѣлица. Когда ген. Мищенко стало извѣстно объ этихъ слухахъ, то онъ 2-го февраля послалъ въ городъ особый приказъ, который приказалъ прочесть во всѣхъ частяхъ сухопутныхъ и морскихъ. Въ этомъ приказѣ

онъ требовалъ, чтобы всѣ возвратились къ исполненію своихъ обязанностей, пригрозивъ строгимъ наказаніемъ только тѣмъ, которые послѣ этого приказа будутъ проявлять неповиновеніе; онъ обѣщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовать за тѣхъ, которые принесутъ повинную и раскаются въ своемъ заблужденіи. На слѣдующій день онъ послалъ приказаніе исполняющему должность коменданта крѣпости вывести оттуда 32-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ. 4-го февраля полкъ этотъ въ полномъ порядкѣ выступилъ изъ Владивостока въ Раздольное. 5-го февраля ген. Мищенко направился въ городъ по обѣ стороны желѣзной дороги и безъ сопротивленія вступилъ со своимъ отрядомъ въ крѣпость. Нѣсколько коноводовъ мятежа успѣли своевременно спастись въ Японію.

Флотскіе экипажи, а также крѣпостная артиллерія были разоружены. Нѣсколько главныхъ участниковъ мятежа были арестованы. 8-я Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія была выведена изъ крѣпости, а вмѣсто нея вызвана изъ арміи 3-я Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія.

Наконецъ, 9-го марта ген. Мищенко рѣшился на послѣднюю мѣру, которая должна была уничтожить слѣды бывшаго здѣсь господства революціонеровъ. Онъ приказалъ выкопать изъ могилы, находившейся въ центрѣ города, жертвы возстанія 23-го января и похоронить ихъ на военномъ кладбищѣ. Насколько власти все еще не были увѣрены въ полномъ успокоеніи войскъ и населенія города, указываетъ тотъ фактъ, что онѣ долго не могли рѣшиться на эту мѣру и перевезеніе изъ одной могилы въ другую было обставлено разными предосторожностями, такъ какъ опасались новаго взрыва возстанія. Вопреки всякимъ ожиданіямъ, все обошлось, однако, спокойно. Также и въ исторіи русскаго генеральнаго штаба проводится тотъ взглядъ, что эта легкость, съ которой подавлено было возстаніе, указываетъ на то, что подобные мятежи, которые явились для арміи еще большимъ позоромъ, чѣмъ пережитыя пораженія, не имѣли бы мѣсто, если бы главнокомандующій съ самаго начала рѣшился на энергичныя мѣры.

Подавленіе возстаній въ Читѣ и Владивостокѣ, окончаніе почтово-телеграфной забастовки и водворившійся постепенно

порядокъ на желѣзной дорогѣ подѣйствовали успокоительнымъ образомъ также и на запасныхъ. Когда 17-го февраля 1906 г. на мѣсто ген. Линевича назначенъ былъ ген. Гродековъ, то въ Манчжуріи всюду возстановлено было уже полное спокойствіе и дальнѣйшая перевозка войскъ совершалась безъ всякихъ особенныхъ препятствій.

Исходъ войны представляетъ собою мрачную, но поучительную картину. Армія сражалась для цѣли, которой она не понимала, не говоря уже о томъ, что она могла находить въ этой цѣли какое-нибудь воодушевленіе. Начальники и полководцы этой арміи, воспитанные въ мирное время безъ почина и личной инициативы, а только въ страхъ передъ отвѣтственностью, терпѣли пораженіе за пораженіемъ, все болѣе и болѣе теряя довѣріе своихъ войскъ. Покоящіеся только на одной внѣшней дисциплинѣ, безъ любви къ родинѣ и къ своему дѣлу, безъ довѣрія къ собственнымъ силамъ — этотъ духъ арміи послѣ каждаго пораженія становился не сильнѣе, какъ это утверждаетъ ген. Куропаткинъ, а падалъ все ниже и ниже, такъ что въ концѣ концовъ войска оказались весьма склонными къ вліянію подстрекателей, послѣ чего весьма легко порвались всякія узы дисциплины.

Все это представляетъ собою печальную картину, на которой мы находимъ одно только свѣтлое пятно, — это дѣйствія двухъ человекъ, обладавшихъ сильнымъ характеромъ, которые энергичными мѣрами возстановили и поправили то, что вызвано было нерѣшительностью и уступчивостью другихъ.

Какъ сама война такъ и исходъ ея свидѣтельствуютъ, что русская армія обязана своими пораженіями только отсутствію у начальниковъ твердой воли, самоотверженія и готовности взять на себя отвѣтственность. Въ одномъ только можно согласиться съ ген. Куропаткинымъ, который въ своемъ отчетѣ говоритъ слѣдующее:

„Какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ степеняхъ военной іерархіи не было достаточнаго числа начальниковъ, обладавшихъ сильнымъ военнымъ характеромъ... Повидимому, этому мало содѣйствовали какъ военная школа, такъ и армія; въ послѣднія 40—50 лѣтъ самостоятельные характеры въ

великой Россіи вообще не могли развиваться, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, эти характеры должны были бы встрѣтиться въ арміи въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ мы это видѣли на самомъ дѣлѣ“...

Только въ той арміи, которая на верхахъ своихъ обладаетъ самостоятельными характерами въ значительномъ числѣ, войска сумѣютъ какъ въ сѣтлые, такъ и въ тяжелые дни дѣйствовать безъ колебаній, съ полнымъ доверіемъ къ своимъ вождямъ, увлекая съ собою также и народъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что важнѣйшей задачей арміи является воспитаніе стойкихъ и самостоятельныхъ офицеровъ, которые безъ боязни за отвѣтственность могли бы найтись и принять рѣшеніе во всѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Quo vadis (куда идешь), Австрія?

РОМАНЪ ОТЧАЯНІЯ АВСТРІЙСКАГО ОФИЦЕРА.

1914 г.

Переводъ съ нѣмецкаго.

1 р. 50 к.

Изъ фельетона „РАЗВАЛЪ АВСТРИИ“.

Въ Австріи запрещенъ романъ, написанный австрийскимъ офицеромъ и уже появившійся на русскомъ языкѣ — „Quo vadis — куда идешь — Австрія“?

Не только нѣмецъ — герой романа лейтенантъ Ухаціусъ, но и патриотъ, „жаждующій видѣть любимое отечество великимъ“ и желающій, чтобы „громъ орудій измѣнилъ судьбу Австріи“...

... И даже такая книга, какъ „Quo vadis, Австрія“, продиктованная автору самыми вѣрноподданныческими и самыми нѣмецкими чувствами, вызвала на себя гоненіе въ его „отечествѣ“ только потому, что нѣкоторые обличенія его попали не въ бровь, а въ глазъ, несмотря на ихъ узко-армейскую наивность, а мѣстами и лубочность. И если обнаженныя авторомъ язвы, хотя бы наполовину такъ глубоки, то станвится понятнымъ, почему маленькая Сербія могла нанести великой имперіи Габсбурговъ страшное пораженіе.

Иер. Ясинскій. „Биржевыя Вѣдомости“ 1914 г. № 14318.

(Книга эта въ Австріи конфискована и сожжена).

ВЪ МАЛЕНЬКОМЪ ГАРНИЗОНѢ.

Картины изъ современной военной жизни.

Романъ лейтенанта *Бильзе*.

(Псевдонимъ Фрицъ фонъ-деръ Фрибургъ).

1904 г.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Цѣна 1 руб.

Предлагаемый нашимъ читателямъ въ русскомъ переводѣ романъ лейтенанта Бильзе „Auseiner kleinen Garnison“, въ свое время надѣлалъ очень много шума и привлекъ къ себѣ сильно общественное вниманіе не только въ Германіи, но и во всей Европѣ.

Впечатлѣніе, произведенное названнымъ романомъ, объясняется тѣмъ, что въ немъ откровенно сдернута завѣса съ закулисной стороны германскаго военнаго быта и указаны тѣ большія мѣста этого быта, которыя хотя и были конечно многимъ извѣстны, но до послѣдняго времени тщательно замалчивались, для того, чтобы никто не могъ усумниться, что въ германской арміи „все обстоитъ благополучно“.

== ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ. ==

Леонъ Додэ.

Переводъ съ французскаго Н. М. Лагова. 1913 г.

Изслѣдованія и документы о нѣмецко-еврейскомъ шпионствѣ
во Франціи со временъ дѣла Дрейфуса.

ЦѢНА 1 руб.

Леонъ Додэ рядомъ неоспоримыхъ документовъ обрисовываетъ настоящее положеніе уже захваченныхъ нѣмцами территорій въ такомъ трагическомъ состояніи, что становится жутко за Францію. Но для насъ, русскихъ, трудъ французскаго изслѣдователя, помимо своего безспорнаго основнаго интереса, имѣетъ еще то значеніе, что проливаетъ свѣтъ или даетъ въ руки ключъ и къ аналогическому положенію нѣмцевъ въ Россіи.

Читая „Avant-Guerre“, русскій читатель чуть не на каждой страницѣ останавливается въ изумленіи предъ несомнѣннымъ сходствомъ между излагаемыми въ этой книгѣ фактами и тѣмъ, что онъ уже видѣлъ много разъ самъ, не придавая своимъ наблюденіямъ никакого значенія. Но послѣ „Avant-Guerre“ масса мелкихъ и съ виду незначительныхъ фактовъ въ русскомъ сознаніи внезапно проявляютъ логическую между собой связь и послѣдовательность и неизмѣнно приводятъ къ заключенію, которое можно резюмировать словами: „Скорѣй, иначе будетъ поздно!“.

Поля Лянуаръ.

Нѣмецкое шпионство == == во Франціи.

Переводъ съ французскаго Н. М. Лагова. 1910 г.

ЦѢНА 1 руб.

Мы были поражены развернувшейся передъ нашими глазами картиной системы нѣмецкаго шпионства по ту сторону Рейна, причѣмъ аналогія идетъ гораздо далѣе, и безошибочно можно предположить, что то, что дѣлается на западномъ фронтѣ Германіи, — неизбѣжно происходитъ и на восточномъ, по эту сторону Вислы.

Вотъ почему для насъ, русскихъ, книга Поля Лянуара не можетъ не приобрести того же самаго значенія, какъ и въ самой Франціи.

Издана книжка хорошо и цѣна ей недорогая.

Отъ души желаемъ ей возможно широкаго распространенія въ нашей арміи и особенно среди офицеровъ генеральнаго штаба.

49

Баронъ фонъ-Теттау, состоявшій во время войны при
русской арміи.

КУРОПАТКИНЪ И ЕГО ПОМОЩНИКИ.

Поученія и выводы изъ Русско-Японской войны.

Часть I-я. Отъ Гюекъ-Теле до Ляояна. 1913 г. . . . 2 р. 50 к.

» II-я. Отъ Ляояна до Мукдена. 1914 г. . . . 2 р. 50 к.

(Русско-Японская война въ наблюденіяхъ и сужденіяхъ иностранцевъ.
Выпуски XXX и XXXI).

Отзывы печати:

... Дѣйствительно, этотъ трудъ выдающійся; въ трудѣ барона фонъ-Теттау много вѣрнаго, весь трудъ весьма поучителенъ и вполне заслуживаетъ вниманія всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ командному составу нашей арміи. Должно его прочесть и даже протудировать "...

П. Гейсманъ, „Русск. Инв.“, 1913 г., № 191.

... Найдутся люди, преданные своему дѣлу, болѣющие душой за армію, ставшую для нихъ настоящей семьей. Вотъ этимъ воинамъ по призванію и надо глубоко призадуматься надъ книгой барона фонъ-Теттау, появившейся въ переводѣ на русскій языкъ М. Грулева.

... Книжка барона Теттау обладаетъ всѣми наиболѣе цѣнными данными, чтобы привлечь наше вниманіе, а, значить, можно смѣло приступить къ чтенію, не боясь потерять дорогого времени.

Съ первыхъ же страницъ авторъ умѣетъ подчинить себѣ читателя глубокой правдой, истинной добросовѣтностью своихъ беспощадныхъ выводовъ.

... Удивительно интересныя вещи пишетъ Теттау о подготовкѣ родовъ войскъ, о веденіи маневровъ. Будемъ справедливы, читая эти строки; скажемъ откровенно: это истинная правда, неприкрашенная и непреувеличенная.

... Ну, если эта книга не сумѣетъ заинтересовать нашего военного читателя, то не вина въ томъ автора.

А. Н. Апухтинъ. „Русск. Инв.“, 1913 г., № 234.

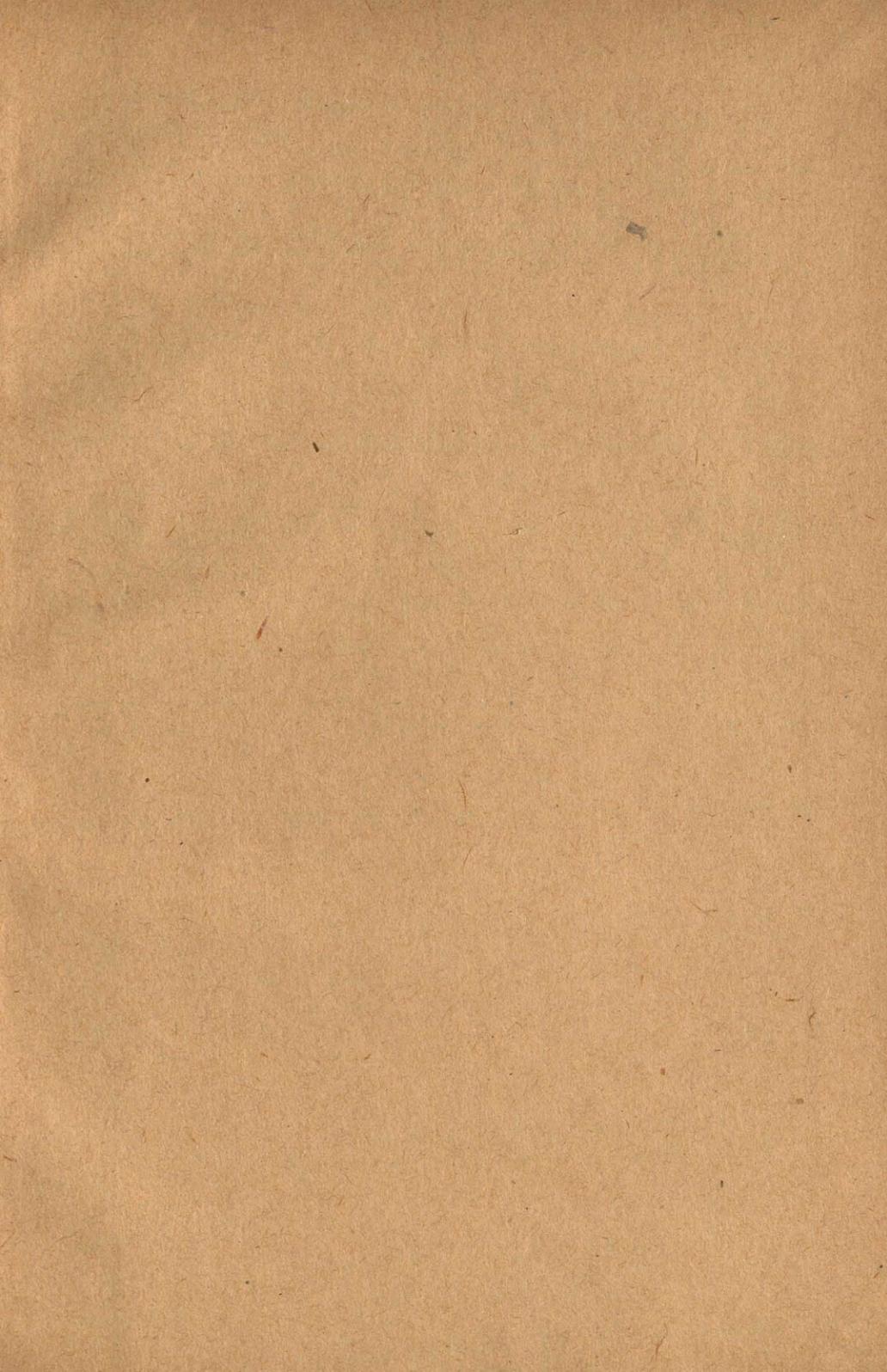
Настоящій трудъ составленъ на основаніи русскихъ источниковъ, дополненныхъ личными наблюденіями и выводами автора, состоявшаго во время Русско-Японской войны германскимъ военнымъ агентомъ при русской арміи.

... Авторъ выдержалъ планъ своего критическаго изслѣдованія и, въ ряду другихъ писателей Русско-Японской войны, далъ выуклое и безпристрастное, въ популярной формѣ, изложеніе ея событій, могущее заинтересовать не только военныхъ, но и широкіе читательскіе круги.

Д. П. „Правит. Вѣстн.“, 1913 г., № 124.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ
Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

2007240939